Lenin, Vladimir Il'ich

Shag Vpered, Dva Shaga Nazad.

N. Lenin. Ein Schritt vorwärts, zwei Schritt rückwärts.
(Über die Krise in unserer Partei).

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Н. ЛЕНИНЪ.

Шагъ впередъ, два шага назадъ

(Кризисъ въ нашей Партіи).

ЖЕНЕВА.
Типографія Партіи. Rue de la Colouvrenière, 27.
1904

Оглавленіе:

ПО
ВЫ

Замѣченныя опечатки:

Страница 59. Примѣчаніе относится къ страницѣ 60.
Стр. 91, строка 2 снизу. Вмѣсто *мнимыя* слѣдуетъ читать: *милыя*.
Стр. 120, строка 23 сверху. Послѣ слова *приглашая* пропущено: *членовъ Лиги*.

Предисловіе.

Когда идетъ продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истеченіи нѣкотораго времени начинаютъ обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ окончательный исходъ кампаніи и по сравненію съ которыми все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ всѣ и всяческіе мелкіе и мелочные эпизоды борьбы.

Такъ обстоитъ дѣло и съ нашей внутри-партійной борьбой, которая вотъ уже полгода приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ членовъ партіи. И именно потому, что мнѣ пришлось въ предлагаемомъ читателю очеркѣ всей борьбы касаться многихъ мелочей, имѣющихъ ничтожный интересъ, многихъ дрязгъ, не имѣющихъ въ сущности никакого интереса, именно поэтому мнѣ хотѣлось бы съ самаго начала обратить вниманіе читателя на два дѣйствительно центральныхъ, основныхъ пункта, которые представляютъ громадный интересъ, которые имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня въ нашей партіи.

Первый такой вопросъ — вопросъ о политическомъ значеніи того дѣленія нашей партіи на „большинство" и „меньшинство", которое сложилось на второмъ съѣздѣ партіи и отодвинуло далеко назадъ всѣ прежнія дѣленія русскихъ соціальдемократовъ.

Второй вопросъ — вопросъ о принципіальномъ значеніи позиціи новой „Искры" по организаціоннымъ вопросамъ, поскольку эта позиція является дѣйствительно принципіальной.

Первый вопросъ есть вопросъ объ исходномъ пунктѣ нашей партійной борьбы, объ ея источникѣ, объ ея причинахъ, объ ея основномъ политическомъ характерѣ. Второй вопросъ есть вопросъ о конечныхъ результатахъ этой борьбы, объ ея финалѣ, о томъ принципіальномъ итогѣ, который получается по сложеніи всего, что относится къ области принциповъ, и по вычитаніи всего, что относится къ области дрязгъ. Первый вопросъ рѣшается анализомъ борьбы на партійномъ

съѣздѣ, второй — анализомъ новаго принципіальнаго содержанія новой „Искры". Тотъ и другой анализъ, составляющій содержаніе девяти десятыхъ моей брошюры, приводитъ къ выводу, что „большинство" есть революціонное, а „меньшинство" — оппортунистическое крыло нашей партіи; разногласія, раздѣляющія то и другое крыло въ настоящее время, сводятся главнымъ образомъ не къ программнымъ и не къ тактическимъ, а лишь къ организаціоннымъ вопросамъ; та новая система воззрѣній, которая тѣмъ яснѣе вырисовывается въ новой „Искрѣ", чѣмъ больше старается она углубить свою позицію и чѣмъ чище становится эта позиція отъ дрязгъ изъ-за кооптаціи, есть оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.

Главнымъ недостаткомъ наличной литературы о нашемъ партійномъ кризисѣ является, въ области изученія и освѣщенія фактовъ, почти полное отсутствіе анализа протоколовъ партійнаго съѣзда, а въ области выясненія основныхъ принциповъ организаціоннаго вопроса, отсутствіе анализа той связи, которая несомнѣнно существуетъ между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода въ формулировкѣ параграфа перваго устава и въ защитѣ этой формулировки, съ одной стороны, и всей „системой" (поскольку тутъ можетъ быть рѣчь о системѣ) теперешнихъ принципіальныхъ взглядовъ „Искры" по организаціонному вопросу. Нынѣшняя редакція „Искры", повидимому, даже не замѣчаетъ этой связи, хотя значеніе споровъ о параграфѣ первомъ отмѣчалось уже много и много разъ въ литературѣ „большинства". Въ сущности, тов. Аксельродъ и тов. Мартовъ только углубляютъ теперь, развиваютъ и расширяютъ свою первоначальную ошибку по параграфу первому. Въ сущности, уже въ спорахъ о параграфѣ первомъ стала намѣчаться вся позиція оппортунистовъ въ организаціонномъ вопросѣ: и ихъ защита расплывчатой, не сплоченной крѣпко партійной организаціи, и ихъ вражда къ идеѣ („бюрократической" идеѣ) построенія партіи сверху внизъ, исходя изъ партійнаго съѣзда и изъ созданныхъ имъ учрежденій, и ихъ стремленіе идти снизу вверхъ, предоставляя зачислять себя въ члены партіи всякому профессору, всякому гимназисту и „каждому стачечнику", и ихъ вражда къ „формализму", требующему отъ члена партіи принадлежности къ одной изъ признанныхъ партіей организацій, и ихъ наклонность къ психологіи буржуазнаго интеллигента, готоваго лишь „платонически признавать организаціонныя отношенія", и ихъ податливость къ

оппортунистическому глубокомыслію и къ анархическимъ фразамъ, и ихъ тенденція къ автономизму противъ централизма, однимъ словомъ, все то, что расцвѣтаетъ теперь пышнымъ цвѣтомъ въ новой „Искрѣ“, все болѣе и болѣе содѣйствуя полному и наглядному выясненію сдѣланной первоначально ошибки.

Что касается до протоколовъ партійнаго съѣзда, то поистинѣ незаслуженное невниманіе къ нимъ можетъ быть объяснено только засореніемъ нашихъ споровъ дрязгами, да еще, пожалуй, слишкомъ большимъ количествомъ слишкомъ горькой правды въ этихъ протоколахъ. Протоколы партійнаго съѣзда даютъ единственную въ своемъ родѣ, незамѣнимую по точности, полнотѣ, всесторонности, богатству и аутентичности, картину дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ нашей партіи, картину воззрѣній, настроеній и плановъ, нарисованную самими участниками движенія, картину существующихъ политическихъ оттѣнковъ внутри партіи, показывающую ихъ сравнительную силу, ихъ взаимоотношеніе и ихъ борьбу. Именно протоколы партійнаго съѣзда и только эти протоколы показываютъ намъ, насколько намъ удалось въ дѣйствительности смести всѣ остатки старыхъ, чисто кружковщинскихъ связей и замѣнить ихъ единой великой партійной связью. Каждый членъ партіи, если онъ хочетъ сознательно участвовать въ дѣлахъ своей партіи, обязанъ тщательно изучать нашъ партійный съѣздъ, — именно: изучать, потому что одно чтеніе груды сырого матеріала, составляющей протоколы, еще не даетъ картины съѣзда. Лишь путемъ тщательнаго и самостоятельнаго изученія можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткіе конспекты рѣчей, сухіе экстракты изъ преній, мелкія стычки по мелкимъ (повидимому, мелкимъ) вопросамъ слились въ нѣчто цѣльное, чтобы передъ членами партіи встала, какъ живая, фигура каждаго выдающагося оратора, выяснилась вся политическая физіономія каждой группы делегатовъ партійнаго съѣзда. Пишущій эти строки будетъ считать свою работу не пропавшей даромъ, если ему удастся дать хотя бы толчокъ къ широкому и самостоятельному изученію протоколовъ партійнаго съѣзда.

Еще одно слово по адресу противниковъ соціальдемократіи. Они злорадствуютъ и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своихъ цѣлей отдѣльныя мѣста моей брошюры, посвященной недостаткамъ и недочетамъ нашей Партіи. Русскіе соціальдемократы уже достаточно обстрѣляны въ сраженіяхъ, чтобы не

смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки имъ, свою работу самокритики и безпощаднаго разоблаченія собственныхъ минусовъ, которые непремѣнно и неизбѣжно будутъ превзойдены ростомъ рабочаго движенія. А господа противники пусть попробуютъ представить намъ картину *дѣйствительнаго* положенія дѣлъ въ ихъ „партіяхъ", хоть отдаленно приближающуюся къ той, которую даютъ протоколы нашего второго съѣзда!

Н. Ленинъ.

Май, 1904 года.

а) Подготовка съѣзда.

Существуетъ изреченіе, что каждый имѣетъ право въ теченіе 24 часовъ проклинать своихъ судей. Нашъ партійный съѣздъ, какъ и всякій съѣздъ всякой партіи, явился тоже судьей нѣкоторыхъ лицъ, претендовавшихъ на должность руководителей и потерпѣвшихъ крушеніе. Теперь эти представители „меньшинства“, съ наивностью, доходящей до умилительности, „проклинаютъ своихъ судей“ и стараются всячески дискредитировать съѣздъ, умалить его значеніе и авторитетность. Всего рельефнѣе, пожалуй, выразилось это стремленіе въ статьѣ Практика въ № 57 „Искры“, возмущающагося идеей о суверенной „божественности“ съѣзда. Это — такая характерная черточка новой „Искры“, что ее нельзя обойти молчаніемъ. Редакція, состоящая въ большинствѣ своемъ изъ лицъ, *отвергнутыхъ* съѣздомъ, продолжаетъ, съ одной стороны, называть себя „партійной“ редакціей, а съ другой стороны открываетъ объятія лицамъ, утверждающимъ, что съѣздъ — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съѣздъ, конечно, не божество, но что слѣдуетъ думать о людяхъ, начинающихъ „разносить“ съѣздъ *послѣ того*, какъ они потерпѣли на немъ пораженіе?

Припомните, въ самомъ дѣлѣ, главные факты по исторіи подготовки съѣзда.

„Искра“ съ самаго начала, въ своемъ анонсѣ 1900 года, предшествовавшемъ выпуску газеты, объявила, что прежде чѣмъ объединяться, намъ надо размежеваться. „Искра“ постаралась превратить конференцію 1902 года въ частное совѣщаніе, а не въ партійный съѣздъ.[1]) „Искра“ чрезвычайно осторожно дѣйствовала лѣтомъ и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференціи Организаціонный Комитетъ. Наконецъ, дѣло размежеванія кончилось, — кончилось по нашему общему признанію. Орг. Ком. конституировался въ самомъ концѣ 1902 г. „Искра“ привѣтствуетъ его упроченіе и заявляетъ, — въ *редакціонной* статьѣ № 32, — что созывъ партійнаго съѣзда дѣло *самой настоятельной*, неотложной надобности. Такимъ образомъ, насъ всего уже меньше можно упрекнуть въ торопливости по отношенію къ созыву второго съѣзда. Мы дѣйствовали именно по правилу: семь разъ отмѣрь, одинъ отрѣжь; мы имѣли полное нравственное право полагаться на товарищей, что послѣ того, какъ отрѣзано, они не примутся плакаться и перемѣривать.

---

[1]) См. протоколы второго съѣзда, стр. 20.

Орг. Ком. выработалъ чрезвычайно тщательный (формалистическій и бюрократическій, сказали бы люди, которые прикрываютъ теперь этими словечками свою политическую безхарактерность) уставъ второго съѣзда, провелъ этотъ уставъ по всѣмъ комитетамъ и, наконецъ, утвердилъ его, постановивъ между прочимъ въ § 18: „Всѣ постановленія съѣзда и всѣ произведенные имъ выборы являются рѣшеніемъ партіи, обязательнымъ для всѣхъ организацій партіи. Они никѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть опротестованы и могутъ быть отмѣнены или измѣнены только слѣдующимъ съѣздомъ партіи".[1]) Неправда ли, какъ невинны сами по себѣ эти слова, принятыя въ свое время молча, какъ нѣчто само собою подразумѣвающееся, и какъ странно звучатъ они теперь, точно приговоръ, изрекаемый надъ „меньшинствомъ"! Съ какой цѣлью составленъ былъ подобный параграфъ? Для соблюденія одной формальности? Конечно, нѣтъ. Это постановленіе казалось необходимымъ и было дѣйствительно необходимо, ибо партія состояла изъ ряда раздробленныхъ и самостоятельныхъ группъ, отъ которыхъ можно было ждать непризнанія съѣзда. Это постановленіе выражало собою именно *добрую волю* всѣхъ революціонеровъ (о которой такъ часто и такъ неумѣстно говорятъ теперь, эвфемистически характеризуя терминомъ добрый то, что болѣе заслуживаетъ эпитета капризный). Оно равнялось взаимному *честному слову*, которое дали всѣ русскіе соціальдемократы. Оно должно было гарантировать, что громадные труды, опасности, расходы, связанные со съѣздомъ, не пропадутъ даромъ, что съѣздъ не превратится въ комедію. Оно заранѣе квалифицировало всякое непризнаніе рѣшеній и *выборовъ* съѣзда, какъ *нарушеніе довѣрія*.

Надъ кѣмъ же смѣется новая „Искра", сдѣлавшая новое открытіе, что съѣздъ не божество, и рѣшенія его не святыня? Содержитъ ли ея открытіе „новые организаціонные взгляды" или только новыя попытки замести старые слѣды?

б) Значеніе группировокъ на съѣздѣ.

Итакъ, съѣздъ былъ созванъ послѣ самой тщательной подготовки, на началахъ въ высшей степени полнаго представительства. Общее признаніе правильности состава съѣзда и *безусловной* обязательности его рѣшеній нашло себѣ выраженіе и въ заявленіи предсѣдателя (стр. 54 протоколовъ) послѣ конституированія съѣзда.

Въ чемъ же состояла главная задача съѣзда? Въ созданіи *дѣйствительной* партіи на тѣхъ принципіальныхъ и организаціонныхъ началахъ, которыя были выдвинуты и раз-

[1]) См. Протоколы второго съѣзда, стр. 22-23 и 380.

работаны „Искрой“. Что именно въ этомъ направленіи съѣздъ долженъ былъ работать, это было предрѣшено трехлѣтней дѣятельностью „Искры“ и ея признаніемъ со стороны большинства комитетовъ. Искровская программа и направленіе должны были стать программой и направленіемъ партіи, искровскіе организаціонные планы должны были получить закрѣпленіе въ организаціонномъ уставѣ партіи. Но само собою разумѣется, что такой результатъ не могъ быть достигнутъ безъ борьбы: полнота представительства на съѣздѣ обезпечила присутствіе на немъ и такихъ организацій, которыя вели рѣшительную борьбу съ „Искрой“ (Бундъ и Рабочее Дѣло), и такихъ, которыя, признавая „Искру“ руководящимъ органомъ на словахъ, на дѣлѣ преслѣдовали свои особые планы и отличались неустойчивостью въ принципіальномъ отношеніи (группа „Южнаго Рабочаго“ и примыкающіе къ ней делегаты нѣкоторыхъ комитетовъ). При такихъ условіяхъ, съѣздъ не могъ не превратиться въ *арену борьбы за побѣду искровскаго направленія.* Что съѣздъ и былъ на самомъ дѣлѣ такой борьбой, — это сразу станетъ ясно для всякаго, кто сколько-нибудь внимательно прочтетъ его протоколы. Наша же задача теперь состоитъ въ томъ, чтобы детально прослѣдить главнѣйшія группировки, обнаружившіяся по разнымъ вопросамъ на съѣздѣ, и возстановить, по точнымъ даннымъ протоколовъ, политическую физіономію каждой изъ основныхъ группъ съѣзда. Что именно представляли изъ себя тѣ группы, тѣ направленія и тѣ оттѣнки, которымъ предстояло на съѣздѣ слиться, подъ руководствомъ „Искры“, въ единую партію? — вотъ что должны мы показать анализомъ преній и голосованій. Выясненіе этого обстоятельства имѣетъ кардинальную важность и для изученія того, чѣмъ являются на дѣлѣ наши соціальдемократы, и для пониманія причинъ расхожденія. Вотъ почему я въ своей рѣчи на съѣздѣ Лиги и въ своемъ письмѣ въ редакцію новой „Искры“ выдвигалъ на первый планъ именно анализъ различныхъ группировокъ. Мои оппоненты изъ представителей „меньшинства“ (и Мартовъ во главѣ ихъ) совершенно не поняли сущности вопроса. На съѣздѣ Лиги они ограничивались частичными поправками, „оправдываясь“ отъ того обвиненія въ поворотѣ къ оппортунизму, которое было противъ нихъ выдвинуто, и не пытаясь даже нарисовать, въ противовѣсъ мнѣ, *хоть какую-нибудь другую* картину группировокъ на съѣздѣ. Теперь въ „Искрѣ“ (№ 56) Мартовъ пытается выставить всѣ попытки точно отграничить различныя политическія группы на съѣздѣ — простымъ „кружковымъ политиканствомъ“. Сильно сказано, тов. Мартовъ! Но сильныя слова новой „Искры“ имѣютъ одно оригинальное свойство: стоитъ точно воспроизвести всѣ перипетіи расхожденія, начиная со съѣзда, и всѣ эти сильныя слова обращаются *цѣ-*

ликомъ и прежде всего противъ теперешней редакціи. Оглянитесь-ка на себя, гг. такъ называемые партійные редакторы, поднимающіе вопросъ о кружковомъ политиканствѣ!

Мартову до такой степени непріятны теперь факты нашей борьбы на съѣздѣ, что онъ старается совершенно затушевать ихъ. „Искровецъ, — говоритъ онъ, — это тотъ, кто на съѣздѣ партіи и до него выражалъ свою полную солидарность съ „Искрой", отстаивалъ ея программу и ея организаціонные взгляды и поддерживалъ ея организаціонную политику. На съѣздѣ такихъ искровцевъ было свыше сорока — столько голосовъ было подано за программу „Искры" и за резолюцію о признаніи „Искры" центральнымъ органомъ партіи". Откройте протоколы съѣзда, и вы увидите, что программа принята *всѣми* (стр. 233), кромѣ воздержавшагося Акимова. Тов. Мартовъ хочетъ, такимъ образомъ, увѣрить насъ, что и бундовцы, и Брукэръ, и Мартыновъ *доказали* свою „полную солидарность" съ „Искрой" и *отстаивали* ея организаціонные взгляды! Это смѣшно. Превращеніе *послѣ* съѣзда *всѣхъ* его участниковъ въ равноправныхъ членовъ партіи (да и то не всѣхъ, ибо бундовцы ушли) смѣшивается здѣсь съ той группировкой, которая вызвала борьбу *на* съѣздѣ. Изученіе того, *изъ какихъ элементовъ* сложилось послѣ съѣзда „большинство" и „меньшинство", подмѣнивается оффиціальной фразой: признали программу!

Возьмите голосованіе о признаніи „Искры" центральнымъ органомъ. Вы увидите, что именно Мартыновъ, которому тов. Мартовъ со смѣлостью, достойной лучшаго дѣла, приписываетъ теперь отстаиванье организаціонныхъ взглядовъ и организаціонной политики „Искры", настаиваетъ на отдѣленіи двухъ частей резолюціи: голаго признанія „Искры" Ц. О. и признанія ея заслугъ. При голосованіи первой части резолюціи (признаніе заслугъ „Искры", выраженіе *солидарности* съ нею) за — подано *только 35 голосовъ*, два — противъ (Акимовъ и Брукэръ) и одиннадцать воздержались (Мартыновъ, пять бундовцевъ и пять голосовъ редакціи: по два у меня и у Мартова и одинъ у Плеханова). Группа анти-искровцевъ (пять бундовцевъ и три рабочедѣльца) обнаруживается, слѣдовательно, съ полной ясностью и здѣсь, на этомъ, самомъ выгодномъ для теперешнихъ взглядовъ Мартова и имъ самимъ выбранномъ примѣрѣ. Возьмите голосованіе за вторую часть резолюціи — признаніе „Искры" Центральнымъ Органомъ безъ всякой мотивировки и безъ выраженія солидарности (страница 147 протоколовъ): *за* подано 44 голоса, которые и причисляются нынѣшнимъ Мартовымъ къ искровцамъ. Всего былъ 51 голосъ: за вычетомъ пяти голосовъ воздерживавшихся редакторовъ остается 46: два голосовали *противъ* (Акимовъ и Брукэръ); въ число остальныхъ 44 входятъ, слѣдовательно, *всѣ пять бундовцевъ*. Итакъ, бундовцы

на съѣздѣ „выражали полную солидарность съ „Искрой“ — такъ пишется оффиціальная исторія оффиціальной „Искрой“! Забѣгая впередъ, объяснимъ читателю истинные мотивы этой оффиціальной правды: нынѣшняя редакція „Искры“ могла бы быть и была бы партійной редакціей на дѣлѣ (а не quasi-партійной, какъ теперь), *если бы бундовцы и рабочедѣльцы не ушли со съѣзда;* вотъ почему этихъ вѣрнѣйшихъ стражей теперешней такъ называемой партійной редакціи и надо было возвести въ „искровцевъ“. Но объ этомъ подробно послѣ.

Спрашивается, далѣе: если съѣздъ представлялъ изъ себя борьбу искровскихъ и анти-искровскихъ элементовъ, то не было ли промежуточныхъ, неустойчивыхъ элементовъ, которые колебались между тѣми и другими? Всякій, сколько-нибудь знакомый съ нашей партіей и съ обычной физіономіей всякихъ съѣздовъ, уже à priori склоненъ будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать объ этихъ неустойчивыхъ элементахъ, и онъ изображаетъ группу „Южнаго Рабочаго“ съ тяготѣющими къ ней делегатами, какъ типичныхъ искровцевъ, а разногласія наши съ ними ничтожными и неважными. Къ счастью, теперь передъ нами лежитъ полный текстъ протоколовъ, и мы можемъ разрѣшить этотъ вопросъ — вопросъ факта, разумѣется, — на основаніи документальныхъ данныхъ. То, что мы сказали выше объ общей группировкѣ на съѣздѣ, конечно, не претендуетъ на рѣшеніе этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Безъ анализа политическихъ группировокъ, безъ картины съѣзда, какъ борьбы такихъ-то оттѣнковъ, нельзя ничего понять въ нашемъ расхожденіи. Попытка Мартова смазать различіе оттѣнковъ путемъ причисленія даже бундовцевъ къ искровцамъ есть простое уклоненіе отъ вопроса. А priori уже, на основаніи исторіи русской соціальдемократіи до съѣзда, намѣчаются (для дальнѣйшей провѣрки и детальнаго изученія) три главныя группы: искровцевъ, анти-искровцевъ и неустойчивыхъ, колеблющихся, шаткихъ элементовъ.

в) Начало съѣзда. — Инцидентъ съ Организаціоннымъ Комитетомъ.

Анализъ преній и голосованій на съѣздѣ всего удобнѣе вести въ порядкѣ засѣданій съѣзда, чтобы послѣдовательно отмѣчать все болѣе и болѣе обрисовывающіеся политическіе оттѣнки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будутъ дѣлаться отступленія отъ хронологическаго порядка для совмѣстнаго разсмотрѣнія тѣсно связанныхъ вопросовъ или однородныхъ группировокъ. Въ интересахъ безпристрастія мы будемъ стараться отмѣчать *всѣ* главнѣйшія голосованія, опуская, конечно, массу вотировокъ по мелочамъ, которыя

заняли у нашего съѣзда непомѣрное количество времени (отчасти вслѣдствіе нашей неопытности и неумѣнія распредѣлить матеріалъ между коммиссіонными и пленарными засѣданіями, отчасти вслѣдствіе проволочекъ, граничившихъ съ обструкціей).

Первымъ вопросомъ, который вызвалъ дебаты, начинающіе обнаруживать различіе оттѣнковъ, былъ вопросъ о постановкѣ на первое мѣсто (въ „порядкѣ дня“ съѣзда) пункта: „положеніе Бунда въ партіи“ (стр. 29-33 протоколовъ). Съ точки зрѣнія искровской, которую защищали Плехановъ, Мартовъ, Троцкій и я, не могло быть никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Уходъ Бунда изъ партіи показалъ воочію правильность нашихъ соображеній: если Бундъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ нами и признать тѣ организаціонныя начала, которыя раздѣляло, вмѣстѣ съ „Искрой“, большинство партіи, — то было безполезно и безсмысленно „дѣлать видъ“, что мы идемъ вмѣстѣ, и только затягивать съѣздъ (какъ затягивали его бундовцы). Вопросъ былъ уже выясненъ вполнѣ въ литературѣ, и для всякаго сколько-нибудь вдумчиваго члена партіи было очевидно, что остается только открыто поставить вопросъ и прямо, честно сдѣлать выборъ: автономія (идемъ вмѣстѣ) или федерація (расходимся).

Уклончивые во всей своей политикѣ, бундовцы пожелали уклониться и тутъ, оттягивая вопросъ. Къ нимъ присоединяется тов. Акимовъ, выдвигающій сразу, видимо отъ лица всѣхъ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла“, организаціонныя разногласія съ „Искрой“ (стр. 31 протокол.). На сторону Бунда и Рабочаго Дѣла становится тов. Маховъ (два голоса Николаевскаго Комитета, незадолго передъ тѣмъ выражавшаго свою солидарность съ „Искрой“!) Для тов. Махова вопросъ совершенно неясенъ, а „больнымъ мѣстомъ“ онъ считаетъ и „вопросъ о демократическомъ устройствѣ или, наоборотъ (это замѣтьте!), о централизмѣ“ — точь въ точь какъ большинство теперешней нашей „партійной“ редакціи, которое на съѣздѣ не замѣтило еще этого „больного мѣста“!

Итакъ, противъ искровцевъ выступаетъ Бундъ, Рабочее Дѣло и тов. Маховъ, имѣющіе вмѣстѣ какъ разъ тѣ десять голосовъ, которые и поданы были противъ насъ (стр. 33). *За* подано *30 голосовъ* — цифра, около которой, какъ увидимъ ниже, часто колеблются голоса искровцевъ. Одиннадцать голосовъ, оказывается, воздержались — видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой изъ борющихся „партій“. Интересно отмѣтить, что когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклоненіе этого § 2 вызвало уходъ Бунда изъ Партіи), то вотировавшихъ за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосовъ (стр. 289 протоколовъ), причемъ воздерживались именно трое рабочедѣльцевъ (Брукэръ, Мартыновъ и Акимовъ) и тов. Маховъ. Очевидно, что голосованіе по во-

просу о *мѣстѣ* вопроса о Бундѣ дало *не случайную* группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядкѣ обсужденія, а *и по существу* расходились съ „Искрой“ всѣ эти товарищи. Со стороны Рабочаго Дѣла это расхожденіе по существу ясно для всякаго, а тов. Маховъ безподобно охарактеризовалъ свое отношеніе въ рѣчи по поводу ухода Бунда (стр. 289-290 пр.). На этой рѣчи стоитъ остановиться. Тов. Маховъ говоритъ, что послѣ резолюціи, которая отвергла федерацію, „вопросъ о положеніи Бунда въ Р. С.-Д. Р. П. для него изъ вопроса принципіальнаго становился вопросомъ реальной политики по отношенію къ исторически сложившейся національной организаціи; здѣсь я — продолжаетъ ораторъ — не могъ считаться со всѣми послѣдствіями, какія могутъ явиться въ результатѣ нашего голосованія, и потому вотировалъ бы за пунктъ второй въ цѣломъ“. Тов. Маховъ прекрасно усвоилъ себѣ духъ „реальной политики“: принципіально онъ *уже* отвергъ федерацію, а *поэтому* на практикѣ онъ *вотировалъ бы* за такой пунктъ устава, который проводитъ эту федерацію! И этотъ „практичный“ товарищъ поясняетъ свою глубоко-принципіальную позицію слѣдующими словами: „Но (знаменитое, щедринское „но“!), такъ какъ то или иное мое голосованіе имѣло лишь принципіальный характеръ (!!) и не могло носить характера практическаго, въ виду почти единогласнаго голосованія всѣхъ остальныхъ участниковъ съѣзда, то я предпочелъ воздержаться отъ голосованія, чтобы принципіально... (упаси насъ, господи, отъ этакой принципіальности!)... „оттѣнить различіе своей позиціи въ данномъ случаѣ отъ позиціи, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пунктъ. Обратно, я вотировалъ бы за этотъ пунктъ, если бы делегаты Бунда воздержались отъ голосованія его, на чемъ они предварительно настаивали“. Пойми, кто можетъ! Принципіальный человѣкъ воздерживается отъ того, чтобы громко сказать: да, ибо это практически безполезно, когда всѣ говорятъ: нѣтъ.

Вслѣдъ за голосованіемъ по вопросу о мѣстѣ вопроса о Бундѣ, на съѣздѣ выплылъ вопросъ о группѣ „Борьба“, приведшій тоже къ чрезвычайно интресной группировкѣ, и тѣсно связанный съ самымъ „больнымъ“ вопросомъ съѣзда, вопросомъ о личномъ составѣ центровъ. Коммиссія по опредѣленію состава съѣзда высказывается противъ приглашенія группы „Борьба“, согласно *двукратному* рѣшенію Орг. Ком. (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей въ коммиссіи* (стр. 35).

Тов. Егоровъ, *членъ О. К.*, заявляетъ, что „вопросъ о „Борьбѣ“ (замѣтьте: о „Борьбѣ“, а не о томъ или иномъ ея членѣ) для него новый“ и проситъ перерыва. Какимъ образомъ для члена О. К. могъ быть новымъ вопросъ, дважды рѣшенный О. К., остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Во время перерыва происходитъ засѣданіе О. К. (стр. 40 прот.) въ томъ его составѣ, который случайно находился на съѣздѣ (нѣсколько членовъ О. К. изъ старыхъ членовъ организаціи „Искры“ на съѣздѣ отсутствовало[1]). Начинаются пренія о „Борьбѣ“. Рабочедѣльцы высказываются за (Мартыновъ, Акимовъ и Брукэръ, стр. 36-38). Искровцы (Павловичъ, Сорокинъ, Ланге, Троцкій, Мартовъ и др.) — противъ. Съѣздъ раздѣляется опять въ знакомой уже намъ группировкѣ. Борьба изъ за „Борьбы“ завязывается упорная, и тов. Мартовъ выступаетъ съ особенно обстоятельной (стр. 38) и „боевой“ рѣчью, въ которой указываетъ справедливо на „неравномѣрность представительства“ русскихъ и заграничныхъ группъ, на то, что едва ли „хорошо“ было бы давать заграничной группѣ „привиллегію“ (золотыя слова, особенно поучительныя теперь, съ точки зрѣнія событій, бывшихъ послѣ съѣзда!), что не слѣдуетъ поощрять „организаціоннаго хаоса въ партіи, который характеризовался дробленіемъ, не вызываемымъ никакими принципіальными соображеніями“ (не въ бровь, а въ глазъ... — „меньшинству“ нашего партійнаго съѣзда!). Кромѣ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла“ *никто* открыто и мотивированно не выступаетъ за „Борьбу“ вплоть до закрытія списка ораторовъ (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьямъ, что они, по крайней мѣрѣ не виляли и не прятались, а открыто вели свою линію, открыто говорили о томъ, чего хотѣли.

Послѣ закрытія списка ораторовъ, когда *по существу* высказываться уже нельзя, тов. Егоровъ „настоятельно требуетъ, чтобы было выслушано постановленіе О. К., принятое только что“. Неудивительно, что члены съѣзда возмущены такимъ пріемомъ, и тов. Плехановъ, какъ предсѣдатель, выражаетъ свое „недоумѣніе, какъ можетъ тов. Егоровъ настаивать на своемъ требованіи“. Казалось бы, одно изъ двухъ: или высказываться открыто и опредѣленно по существу вопроса передъ всѣмъ съѣздомъ, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть списокъ ораторовъ и затѣмъ, подъ видомъ „заключительнаго слова“, преподнести съѣзду *новое* постановленіе О. К.—именно по обсуждавшемуся вопросу—это равносильно удару изъ за угла!

Засѣданіе возобновляется послѣ обѣда, и бюро, продолжающее недоумѣвать, рѣшаетъ отступить отъ „формальности“ и прибѣгнуть къ послѣднему, на съѣздахъ лишь въ крайнихъ случаяхъ употребительному средству „товарищескаго объясненія“. Представитель О. К., Поповъ, сообщаетъ постановленіе О. К., принятое всѣми его членами противъ

[1]) О засѣданіи этомъ см. „Письмо“ Павловича, члена О. К. и *единогласно* выбраннаго до съѣзда довѣреннымъ лицомъ редакціи, ея седьмымъ членомъ (прот. Лиги, стр. 44).

одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съѣзду пригласить Рязанова.

Павловичъ заявляетъ, что онъ отрицалъ и отрицаетъ законность собранія О. К., что новое постановленіе О. К. „*противорѣчитъ его прежнему рѣшенію*“. Заявленіе производитъ бурю. Тов. Егоровъ, тоже членъ О. К. и членъ группы „Южнаго Рабочаго“, уклоняется отъ отвѣта по существу и хочетъ перенести центръ тяжести на вопросъ о дисциплинѣ. Тов. Павловичъ будто бы нарушилъ партійную дисциплину(!), ибо О. К., обсудивъ протестъ Павловича, рѣшилъ „не доводить до свѣдѣнія съѣзда отдѣльное мнѣніе Павловича“. Дебаты переносятся на вопросъ о партійной дисциплинѣ, и Плехановъ назидательно разъясняетъ тов. Егорову, при шумныхъ аплодисментахъ съѣзда, что „*императивныхъ мандатовъ у насъ нѣтъ*“ (стр. 42, сравни стр. 379, уставъ съѣзда, § 7: „депутаты не должны быть ограничены въ своихъ полномочіяхъ императивными мандатами. Въ отправленіе своихъ полномочій они совершенно свободны и независимы“). „Съѣздъ есть самая высшая партійная инстанція“, и слѣдовательно, нарушаетъ партійную дисциплину и уставъ съѣзда именно тотъ, кто стѣсняетъ чѣмъ бы то ни было обращеніе любого делегата *прямо* къ съѣзду по *всѣмъ*, безъ исключенія и изъятія, вопросамъ партійной жизни. Спорный вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ дилеммѣ: кружковщина или партійность? Ограниченіе правъ делегатовъ на съѣздѣ во имя воображаемыхъ правъ или уставовъ разныхъ коллегій и кружковъ, или *полное*, не на словахъ только, а на дѣлѣ, распущеніе *всѣхъ* низшихъ инстанцій и старыхъ группокъ передъ съѣздомъ впредь до созданія дѣйствительно партійныхъ должностныхъ учрежденій. Читатель видитъ уже отсюда, какую громадную принципіальную важность имѣлъ этотъ споръ въ самомъ началѣ съѣзда (третье засѣданіе), поставившаго себѣ цѣлью фактически возстановить партію. На этомъ спорѣ сконцентрировался, такъ сказать, конфликтъ старыхъ кружковъ и группокъ (вродѣ „Южнаго Рабочаго“) съ возрождающейся партіей. И анти-искровскія группы сейчасъ же обнаруживаютъ себя: и бундовецъ Абрамсонъ, и тов. Мартыновъ, горячій союзникъ нынѣшней редакціи „Искры“, и нашъ знакомый тов. Маховъ — всѣ они высказываются за Егорова и группу „Южнаго Рабочаго“ противъ Павловича. Тов. Мартыновъ, щеголяющій теперь, наперерывъ съ Мартовымъ и Аксельродомъ, организаціоннымъ „демократизмомъ“, вспоминаетъ даже... армію, гдѣ можно апеллировать къ высшей инстанціи только чрезъ посредство низшей!! Истинный смыслъ этой „компактной“ анти-искровской оппозиціи былъ совершенно ясенъ для всякаго, кто былъ на съѣздѣ или кто слѣдилъ внимательно за внутренней исторіей нашей партіи до съѣзда. Задача оппозиціи (можетъ быть, даже

не всегда всѣми ея представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерціи) состояла въ томъ, чтобы оградить независимость, особность, приходскіе интересы мелкихъ группокъ отъ поглощенія ихъ широкой партіей, созидаемой на искровскихъ началахъ.

Именно съ этой точки зрѣнія подошелъ къ вопросу и тов. Мартовъ, тогда еще не успѣвшій объединиться съ Мартыновымъ. Тов. Мартовъ рѣшительно ополчается, и справедливо ополчается, противъ тѣхъ, кто „въ представленіи о партійной дисциплинѣ не идетъ дальше обязанностей революціонера къ той группѣ *низшаго* порядка, въ которую онъ входитъ“. „Никакая *принудительная* (курс. Мартова) группировка внутри единой партіи недопустима“, разъясняетъ Мартовъ поборникамъ кружковщины, не предвидя того, какъ бичуетъ онъ этими словами свое собственное политическое поведеніе въ концѣ съѣзда и послѣ него... Принудительная группировка недопустима для О. К., но допустима вполнѣ для редакціи. Принудительная группировка осуждается Мартовымъ, смотрящимъ изъ центра, и отстаивается Мартовымъ съ того самаго момента, когда онъ оказался недовольнымъ составомъ центра...

Интересно отмѣтить фактъ, что тов. Мартовъ, въ своей рѣчи, особенно подчеркнулъ, кромѣ „огромной ошибки“ тов. Егорова, обнаруженную О. К. политическую неустойчивость. „Отъ имени О. К. — справедливо негодовалъ Мартовъ — внесено предложеніе, *идущее въ разрѣзъ* съ докладомъ коммиссіи (основанномъ, добавимъ отъ себя, на докладѣ членовъ О. К.: стр. 43, слова Кольцова) и *съ предыдущими предложеніями О. К.*“ (курс. мой). Какъ видите, Мартовъ ясно понималъ *тогда*, до своего „поворота“, что замѣна „Борьбы“ Рязановымъ нисколько не устраняетъ полнѣйшей противорѣчивости и шаткости дѣйствій О. К. (изъ протоколовъ съѣзда Лиги, стр. 57, члены партіи могутъ узнать, какъ представлялось дѣло Мартову послѣ его поворота). Мартовъ не ограничился тогда разборомъ вопроса о дисциплинѣ: онъ прямо спросилъ также О. К.: „что случилось новаго, чтобы сдѣлать нужной *передѣлку?*“ (курс. мой). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь О. К., внося свое предложеніе, не имѣлъ даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнѣніе открыто, какъ защищали его Акимовъ и др. Мартовъ опровергаетъ это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколовъ съѣзда увидятъ, что Мартовъ ошибается. Поповъ, вносящій предложеніе отъ имени О. К., *ни слова* не говоритъ о мотивахъ (стр. 41 прот. съѣзда партіи). Егоровъ передвигаетъ вопросъ на пунктъ о дисциплинѣ, а по существу говоритъ лишь: „у О. К. могли явиться новыя соображенія“... (но явились ли и какія?—неизвѣстно)... „онъ могъ забыть внести кого нибудь и т. д.“ (Это „и т. д.“ — единственное прибѣжище оратора, ибо О. К.

не могъ *забыть* дважды обсуждавшагося имъ до съѣзда и разъ передъ коммиссіей вопроса о „Борьбѣ"). „О. К. принялъ это рѣшеніе не потому, что измѣнилъ свое отношеніе къ группѣ „Борьба", но потому, что хочетъ устранить лишніе камни на пути будущей центральной организаціи партіи при первыхъ шагахъ ея дѣятельности". Это — не мотивировка, а именно уклоненіе отъ мотивировки. Всякій искренній соціальдемократъ (а мы не допускаемъ и сомнѣнія въ искренности кого бы то ни было изъ участниковъ съѣзда) заботится объ устраненіи того, что *онъ считаетъ* подводнымъ камнемъ, объ устраненіи *тѣми способами*, какіе *онъ признаетъ* цѣлесообразными. Мотивировать значитъ объяснить и точно высказать свой взглядъ на вещи, а не отдѣлаться труизмомъ. И мотивировать *нельзя бы было*, не „измѣняя своего отношенія къ „Борьбѣ", потому что прежнія, противоположныя рѣшенія О. К. тоже заботились объ устраненіи подводныхъ камней, но видѣли эти „камни" какъ разъ въ обратномъ. Тов. Мартовъ и напалъ чрезвычайно рѣзко и чрезвычайно основательно на этотъ доводъ, назвавъ его „*мелкимъ*" и вызваннымъ желаніемъ „*отговариваться*", давъ совѣтъ О. К. „*не бояться того, что люди скажутъ*". Этими словами тов. Мартовъ превосходно охарактеризовалъ суть и смыслъ того политическаго оттѣнка, который сыгралъ громадную роль на съѣздѣ и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствіемъ своей линіи, боязнью того, что скажутъ люди, вѣчнымъ колебаніемъ между обѣими опредѣленными сторонами, боязнью открытаго изложенія своего credo, — однимъ словомъ „болотностью"[1]).

Эта политическая безхарактерность неустойчивой группы привела, между прочимъ, къ тому, что *никто*, кромѣ бундовца Юдина (стр. 53), такъ и не внесъ на съѣздъ резолюціи о приглашеніи одного изъ членовъ группы „Борьба". Вотировали за резолюцію Юдина пять голосовъ — очевидно, всѣ бундовцы: колеблющіеся элементы еще разъ переметнулись! Какъ велико было приблизительно число голосовъ средней группы, показали вотировки резолюцій Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцемъ шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцемъ — 16, т. е., кромѣ восьми анти-искровскихъ голосовъ, два голоса тов. Махова (стр. 46), четыре голоса членовъ группы „Южнаго Рабочаго" и еще два голоса. Мы по-

[1]) У насъ есть теперь въ партіи люди, которые, слыша это слово, приходятъ въ ужасъ и кричатъ о нетоварищеской полемикѣ. Странное извращеніе чутья подъ вліяніемъ оффаціальности..., не къ мѣсту примѣняемой! Едва ли хоть одна политическая партія, знающая внутреннюю борьбу, обходилась безъ этого термина, которымъ всегда обозначаютъ неустойчивые элементы, колеблющіеся между борцами. И нѣмцы, умѣющіе вдвигать внутреннюю борьбу въ превосходно выдержанныя рамки, не обижаются по поводу слова „versumpft" и не приходятъ въ ужасъ, не проявляютъ смѣшной оффиціальной pruderie.

кажемъ сейчасъ, что такое распредѣленіе отнюдь нельзя считать случайнымъ, но сначала отмѣтимъ вкратцѣ *теперешнее* мнѣніе Мартова объ этомъ инцидентѣ съ О. К. Мартовъ утверждалъ въ Лигѣ, что „Павловичъ и другіе раздували страсти". Достаточно справиться съ протоколами съѣзда, чтобы видѣть, что самыя обстоятельныя, горячія и рѣзкія рѣчи противъ „Борьбы" и О. К. принадлежатъ самому Мартову. Пытаясь свалить „вину" на Павловича, онъ только демонстрируетъ свою неустойчивость: до съѣзда именно Павловича онъ выбиралъ седьмымъ въ редакцію, на съѣздѣ вполнѣ присоединялся къ Павловичу (стр. 44) противъ Егорова, а потомъ, потерпѣвъ пораженіе отъ Павловича, начинаетъ обвинять его въ „раздуваніи страстей". Это только смѣшно.

Въ „Искрѣ" (№ 56) Мартовъ иронизируетъ по поводу того, что придается важное значеніе вопросу о приглашеніи икса или игрека. Иронія эта обращается опять противъ Мартова, ибо именно инцидентъ съ О. К. послужилъ завязкой къ спорамъ о такомъ „важномъ" вопросѣ, какъ приглашеніе икса или игрека въ Ц. К. и въ Ц. О. Нехорошо это — мѣрить на два разныхъ аршина, смотря по тому, *своей* ли „группы низшаго порядка" (по отношенію къ партіи) касается дѣло или *чужой*. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партійное отношеніе къ дѣлу. Простое сопоставленіе рѣчи Мартова въ Лигѣ (стр. 57) съ рѣчью на съѣздѣ (стр. 44) достаточно доказываетъ это. „Мнѣ непонятно — сказалъ Мартовъ, между прочимъ, въ Лигѣ — какъ это люди въ одно и тоже время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами". Странное непониманіе различія между „называть себя" и „быть", между словомъ и дѣломъ. Самъ Мартовъ на съѣздѣ *называлъ себя* противникомъ принудительныхъ группировокъ, а послѣ съѣзда *былъ* ихъ сторонникомъ...

г) Распущеніе группы „Южнаго Рабочаго".

Распредѣленіе делегатовъ въ вопросѣ объ О. К. могло бы показаться, пожалуй, случайнымъ. Но такое мнѣніе было бы ошибочнымъ, и чтобы устранить его, мы отступимъ отъ хронологическаго порядка и разсмотримъ сейчасъ же инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ съѣзда, но самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ предыдущимъ. Инцидентъ этотъ — распущеніе группы „Южнаго Рабочаго". Противъ искровскихъ организаціонныхъ тенденцій — полнаго сплоченія партійныхъ силъ и устраненія дробящаго силы хаоса — выступили здѣсь интересы *одной* изъ группъ, которая дѣлала полезное дѣло при отсутствіи настоящей партіи и которая стала излишней при централистической постановкѣ работы.

Во имя интересовъ кружка — группа „Южнаго Рабочаго" съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ старая редакція „Искры", могла претендовать на сохраненіе „преемственности" и на свою неприкосновенность. Во имя интересовъ партіи — группа эта должна была подчиниться перемѣщенію ея силъ въ „соотвѣтствующія партійныя организаціи" (стр. 313, конецъ резолюціи принятой съѣздомъ). Съ точки зрѣнія интересовъ кружка и „обывательщины" не могло не казаться „щекотливымъ" (выраженіе тов. Русова и тов. Дейча), распущеніе полезной группы, которая такъ же не хотѣла этого, какъ не хотѣла и старая редакція „Искры". Съ точки зрѣнія интересовъ партіи являлось необходимымъ распущеніе, „раствореніе" (выраженіе Гусева) въ партіи. Группа „Южнаго Рабочаго" прямо заявила, что она „не находитъ нужнымъ" объявить себя распущенной и требуетъ, чтобы „съѣздъ рѣшительно заявилъ свое мнѣніе" и притомъ „немедленно: да или нѣтъ". Группа „Южнаго Рабочаго" прямо ссылалась на ту самую „преемственность", къ которой стала апеллировать старая редакція „Искры"... послѣ ея распущенія! „Хотя всѣ мы по одиночкѣ составляемъ единую партію, — сказалъ тов. Егоровъ — но она всетаки состоитъ изъ цѣлаго ряда организацій, съ которыми приходится считаться, *какъ съ историческими величинами*... Если подобная организація *не вредна партіи, то ее не къ чему распускать*".

Такимъ образомъ, важный *принципіальный* вопросъ былъ поставленъ совершенно опредѣленно, и всѣ искровцы — покуда еще интересы ихъ собственной кружковщины не выплывали впередъ — рѣшительно встали противъ неустойчивыхъ элементовъ (бундовцы и двое изъ рабочедѣльцевъ въ это время уже не были на съѣздѣ: они несомнѣнно стояли бы горой за необходимость „считаться съ историческими величинами"). Голосованіе дало *31 за*, пять противъ и пять воздержавшихся (четыре голоса членовъ группы „Южнаго Рабочаго" и еще одинъ, вѣроятно, Бѣлова, судя по его прежнимъ заявленіямъ, стр. 308). Группа въ *десять голосовъ*, относящаяся рѣзко отрицательно къ послѣдовательному организаціонному плану „Искры" и отстаивающая кружковщину противъ партійности, обрисовывается съ полной опредѣленностью. Въ дебатахъ искровцы ставятъ этотъ вопросъ именно принципіально (см. рѣчь Ланге, стр. 315), высказываясь противъ кустарничества и разброда, отказываясь считаться съ „симпатіями" отдѣльныхъ организацій, говоря прямо, что „если бы товарищи изъ „Южнаго Рабочаго" держались болѣе принципіальной точки зрѣнія раньше, еще годъ или два тому назадъ, то дѣло объединенія партіи и торжество тѣхъ началъ программы, которыя мы здѣсь санкціонировали, было бы достигнуто раньше". Въ этомъ духѣ высказываются и Орловъ, и Гусевъ, и Лядовъ, и Муравьевъ, и Русовъ, и Пав-

ловичъ, и Глѣбовъ, и Горинъ. Искровцы изъ „меньшинства“ не только не возстаютъ противъ этихъ, неоднократно поднимавшихся на съѣздѣ, опредѣленныхъ указаній на недостаточно принципіальную политику и „линію“ „Южнаго Рабочаго“, Махова и другихъ, не только не дѣлаютъ какихъ либо оговорокъ на этотъ счетъ, а напротивъ, въ лицѣ Дейча, рѣшительно присоединяются къ нимъ, осуждая „хаосъ“ и привѣтствуя „прямую постановку вопроса“ (стр. 315) того самаго тов. Русова, который *въ этомъ же засѣданіи* имѣлъ — о ужасъ! — дерзость „прямо поставить“ и вопросъ о старой редакціи на чисто партійную почву (стр. 325).

Со стороны группы „Южнаго Рабочаго“ вопросъ объ ея распущеніи вызвалъ страшное возмущеніе, слѣды котораго есть и въ протоколахъ (надо не забывать, что протоколы даютъ лишь блѣдную картину преній, ибо вмѣсто полныхъ рѣчей, они приводятъ самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоровъ назвалъ даже „ложью“ простое упоминаніе имени группы „Рабочая Мысль“ наряду съ „Южнымъ Рабочимъ“ — характерный образчикъ того, какое отношеніе къ послѣдовательному экономизму господствовало на съѣздѣ. Егоровъ даже гораздо позже, въ 37-омъ засѣданіи, говоритъ о распущеніи „Южнаго Рабочаго“ съ величайшимъ раздраженіемъ (стр. 356), прося занести въ протоколъ, что при обсужденіи вопроса объ „Южномъ Рабочемъ“ членовъ этой группы не спрашивали ни о средствахъ на изданіе, ни о контролѣ Ц. О. и Ц. К. Тов. Поповъ намекаетъ во время преній о „Южномъ Рабочемъ“ на компактное большинство, какъ бы предрѣшившее вопросъ объ этой группѣ. „*Теперь* — говоритъ онъ (стр. 316), — *все, послѣ рѣчей тов. Гусева и Орлова, ясно*“. Смыслъ этихъ словъ несомнѣненъ: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцію, все ясно, т. е. ясно, что „Южный Рабочій“ будетъ распущенъ, вопреки его волѣ. Представитель „Южнаго Рабочаго“ самъ отдѣляетъ здѣсь искровцевъ (и притомъ такихъ, какъ Гусева и Орлова) отъ своихъ сторонниковъ, какъ представителей разныхъ „линій“ организаціонной политики. И когда теперешняя „Искра“ выставляетъ группу „Южнаго Рабочаго“ (а также, вѣроятно, Махова?) „типичными искровцами“, то это лишь наглядно показываетъ забвеніе самыхъ крупныхъ (съ точки зрѣнія этой группы) событій съѣзда и желаніе новой редакціи замести слѣды, указывающіе, изъ какихъ элементовъ создалось такъ называемое „меньшинство“.

Къ сожалѣнію, на съѣздѣ не поднялось вопроса о популярномъ органѣ. Всѣ искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этотъ вопросъ и до съѣзда и во время съѣзда внѣ засѣданій, соглашаясь въ томъ, что въ настоящій моментъ партійной жизни предпринимать изданіе такого органа или превращать въ него одинъ изъ существующихъ чрезвычайно

нераціонально. Анти-искровцы высказались на съѣздѣ въ противоположномъ смыслѣ, группа „Южнаго Рабочаго“ тоже въ своемъ докладѣ, и только случайностью или нежеланіемъ подымать „безнадежный“ вопросъ можно объяснить, что за подписью десяти лицъ не было внесено соотвѣтствующей резолюціи.

д) Инцидентъ съ равноправіемъ языковъ.

Вернемся къ порядку засѣданій съѣзда.

Мы убѣдились теперь, что еще до перехода къ обсужденію вопросовъ по существу на съѣздѣ ясно обнаружилась не только совершенно опредѣленная группа анти-искровцевъ (8 голосовъ), но и группа промежуточныхъ, неустойчивыхъ элементовъ, готовыхъ поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16-18 голосовъ.

Вопросъ о мѣстѣ Бунда въ Партіи, обсуждавшійся на съѣздѣ чрезвычайно, черезчуръ подробно, свелся къ рѣшенію принципіальнаго тезиса, практическое же рѣшеніе было отложено до обсужденія организаціонныхъ отношеній. Въ виду того, что въ литературѣ до съѣзда довольно много мѣста было удѣлено разъясненію относящихся сюда темъ, на съѣздѣ обсужденіе дало мало сравнительно новаго. Нельзя не замѣтить только, что сторонники „Раб. Дѣла“ (Мартыновъ, Акимовъ и Брукэръ), соглашаясь съ резолюціей Мартова, оговаривали, что признаютъ ея недостаточность и расходятся въ выводахъ изъ нея (стр. 69, 73, 83, 86).

Отъ вопроса о мѣстѣ Бунда съѣздъ перешелъ къ программѣ. Пренія вращались здѣсь большей частью около частныхъ поправокъ, представляющихъ мало интереса. Принципіально оппозиція анти-искровцевъ выразилась лишь въ походѣ тов. Мартынова противъ пресловутой постановки вопроса о стихійности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедѣльцы цѣликомъ. Неосновательность его возраженій показали, между прочимъ, Мартовъ и Плехановъ. Какъ курьезъ надо отмѣтить, что теперь редакція „Искры“ (подумавъ, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говоритъ обратное тому, что говорила на съѣздѣ! Должно быть, это соотвѣтствуетъ знаменитому принципу „преемственности“... Остается выждать, когда редакція разберется вполнѣ и выяснитъ намъ вопросъ, въ какой именно мѣрѣ согласилась она съ Мартыновымъ, въ чемъ именно и съ какого именно времени. Въ ожиданіи этого мы спросимъ только, видано ли гдѣ-нибудь такой *партійный* органъ, редакція котораго заговорила послѣ съѣзда какъ разъ обратное тому, что она говорила на съѣздѣ?

Минуя споры о признаніи „Искры“ Центр. Органомъ (мы касались уже ихъ выше) и начало дебатовъ объ уставѣ (ихъ

удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи со всѣмъ обсужденіемъ устава), перейдемъ къ обнаружившимся при обсужденіи программы принципіальнымъ оттѣнкамъ. Отмѣтимъ прежде всего одну деталь чрезвычайно характернаго свойства: пренія по вопросу о пропорціональномъ представительствѣ. Тов. Егоровъ изъ „Южн. Раб.“ защищалъ внесеніе его въ программу и защищалъ такъ, что вызвалъ справедливое замѣчаніе Посадовскаго (искровецъ изъ меньшинства) о „серьезномъ разногласіи“. „Несомнѣнно, — сказалъ тов. Посадовскій, — что мы не сходимся по слѣдующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тѣмъ или другимъ основнымъ демократическимъ принципамъ, признавъ за ними абсолютную цѣнность*, или же всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи? Я рѣшительно высказываюсь за послѣднее“. Плехановъ „вполнѣ присоединяется“ къ Посадовскому, возставая въ еще болѣе опредѣленныхъ и болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ противъ „абсолютной цѣнности демократическихъ принциповъ“, противъ „отвлеченнаго“ разсматриванія ихъ. „Гипотетически мыслимъ случай, — говоритъ онъ, — когда мы, соціальдемократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія итальянскихъ республикъ лишала когда-то политическихъ правъ лицъ принадлежавшихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права“. Рѣчь Плеханова встрѣчена рукоплесканьями и *шиканьемъ*, и когда Плехановъ опротестовываетъ Zwischenruf „вы не должны шикать“ и проситъ товарищей не стѣсняться, то тов. Егоровъ встаетъ и говоритъ: „разъ такія рѣчи вызываютъ рукоплесканья, то я обязанъ шикать“. Вмѣстѣ съ тов. Гольдблатомъ (делегатомъ Бунда) тов. Егоровъ высказывается противъ взглядовъ Посадовскаго и Плеханова. Къ сожалѣнію, дебаты были закрыты, и всплывшій по поводу нихъ вопросъ сошелъ тотчасъ со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартовъ ослабить и даже свести на нѣтъ его значеніе, говоря на съѣздѣ Лиги: „Эти слова (Плеханова) вызвали негодованіе части делегатовъ, котораго легко было бы избѣжать, если бы тов. Плехановъ добавилъ, что, разумѣется, нельзя себѣ представить такого трагическаго положенія дѣлъ, при которомъ пролетаріату для упроченія своей побѣды приходилось бы попирать такія политическія права, какъ свободу печати... (Плехановъ: merci)“. (стр. 58 прот. Лиги). Это толкованіе *прямо* противорѣчитъ совершенно категорическому заявленію тов. Посадовскаго *на съѣздѣ* о „серьезномъ разногласіи“ и расхожденіи по „основному вопросу“. По этому основному вопросу всѣ искровцы высказались на съѣздѣ *противъ* представителей анти-искров-

ской „правой“ (Гольдблатъ) и съѣздовскаго „центра“ (Егоровъ). Это фактъ, и можно смѣло ручаться, что если бы „центру“ (надѣюсь, это слово будетъ менѣе шокировать „оффиціальныхъ“ сторонниковъ мягкости, чѣмъ какое-либо другое. . .), если бы „центру“ пришлось (въ лицѣ тов. Егорова или Махова) высказываться „*непринужденно*“ по этому или аналогичнымъ вопросамъ, то серьезное разногласіе обнаружилось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнѣе по вопросу о „равноправіи языковъ“ (стр. 171 и слѣд. прот.). По этому пункту краснорѣчивы не столько пренія, сколько голосованія: подсчитывая сумму ихъ, получаемъ невѣроятное число — *шестнадцать!* Изъ-за чего? Изъ-за того, достаточно ли въ программѣ оговорить равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола и т. д. *и языка*, или же необходимо сказать: „свобода языка“, или „равноправіе языковъ“. Тов. Мартовъ на Лигѣ довольно вѣрно охарактеризовалъ этотъ эпизодъ, сказавши, что „ничтожный споръ о редакціи одного пункта программы принялъ принципіальное значеніе, потому что половина съѣзда готова была свергнуть программную коммиссію“. Именно такъ[1]). Поводъ къ столкновенію былъ именно ничтожный, и тѣмъ не менѣе столкновеніе приняло дѣйствительно *принципіальный* характеръ, а потому и страшно ожесточенныя формы вплоть до попытки „*свергнуть*“ программную коммиссію, вплоть до подозрѣній въ желаніи „*подвести съѣздъ*“ (въ этомъ заподозрилъ Егоровъ Мартова!), вплоть до обмѣна личными замѣчаніями самаго... ругательнаго свойства (с. 178). Даже тов. Поповъ „выражалъ сожалѣніе, что по поводу пустяковъ создается *такая атмосфера*“ (курсивъ мой, с. 182), которая царила въ теченіе трехъ засѣданій (16, 17 и 18).

Всѣ эти выраженія въ высшей степени опредѣленны и категорически указываютъ на тотъ выразительный фактъ, что атмосфера „подозрѣній“ и самыхъ ожесточенныхъ формъ борьбы („сверженіе“), — въ созданіи которой обвинялось по-

---

[1]) Мартовъ добавляетъ: „Въ этомъ случаѣ намъ сильно повредила острота Плеханова объ ослахъ“ (когда говорили о свободѣ языка, то одинъ бундовецъ, кажется, упомянулъ среди учрежденій учрежденіе коннозаводства, и Плехановъ бросилъ про себя: „лошади не говорятъ, а вотъ ослы иногда разговариваютъ“). Я, конечно, не могу видѣть въ этой остротѣ особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мнѣ все же странно, что Мартовъ, признавши *принципіальное значеніе* спора, не останавливается совершенно на разборѣ того, въ чемъ тутъ принципіальность и какіе оттѣнки тутъ сказались, а ограничивается указаніемъ на „вредъ“ остротъ. Это ужъ вотъ поистинѣ бюрократическая и формалистическая точка зрѣнія! Рѣзкія остроты дѣйствительно „сильно повредили на съѣздѣ“ и не только остроты на счетъ бундовцевъ, но и на счетъ тѣхъ, кого иногда поддерживали и даже спасали отъ пораженія бундовцы. Однако, разъ признано принципіальное значеніе инцидента, нельзя отдѣлываться фразой о „непозволительности“ (стр. 58 прот. Лиги) нѣкоторыхъ остротъ.

томъ, на съѣздѣ Лиги. большинство искровцевъ! — на самомъ дѣлѣ создалась *гораздо раньше, чѣмъ мы раскололись на большинство и меньшинство.* Повторяю, это фактъ громадной важности, основной фактъ, непониманіе котораго приводитъ очень и очень многихъ къ самымъ легкомысленнымъ мнѣніямъ относительно искусственности большинства въ концѣ съѣзда. Съ теперешней точки зрѣнія тов. Мартова, увѣряющаго, что на съѣздѣ было $^{9}/_{10}$ искровцевъ, абсолютно необъяснимъ и нелѣпъ тотъ фактъ, что изъ за „пустяковъ", изъ за „ничтожнаго" повода могло произойти столкновеніе, получившее „принципіальный характеръ" и едва не доведшее до сверженія съѣздовской коммиссіи. Было бы смѣшно отдѣлываться отъ этого *факта* сѣтованіями и сожалѣніями по поводу „повредившихъ" остротъ. *Принципіальнаго* значенія столкновеніе не могло получить ни изъ за какихъ рѣзкихъ остротъ, такое значеніе могло получиться исключительно въ силу характера политическихъ группировокъ на съѣздѣ. Не рѣзкости и не остроты создали конфликтъ, — онѣ были только *симптомомъ* того, что въ самой политической группировкѣ съѣзда есть „противорѣчіе", есть всѣ залоги конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая съ имманентной силой прорывается при каждомъ, *даже ничтожномъ*, поводѣ.

Напротивъ, съ той точки зрѣнія, съ которой я смотрю на съѣздъ и которую я считаю своимъ долгомъ отстаивать, какъ извѣстное политическое пониманіе событій, хотя бы это пониманіе и казалось кому-либо обиднымъ, — съ этой точки зрѣнія вполнѣ объяснимъ и неизбѣженъ отчаянно-рѣзкій конфликтъ *принципіальнаго* характера по „ничтожному" поводу. Разъ у насъ на съѣздѣ *все время* шла борьба искровцевъ съ анти-искровцами, разъ между ними стояли неустойчивые элементы, разъ эти послѣдніе вмѣстѣ съ анти-искровцами составляли $^{1}/_{3}$ голосовъ (8+10 = 18 изъ 51, по моему счету, разумѣется, приблизительному), — то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпаденіе отъ искровцевъ хотя бы небольшого меньшинства ихъ*, создавало возможность побѣды анти-искровскаго направленія и вызывало, поэтому, „бѣшеную" борьбу. Это не результатъ неумѣстно рѣзкихъ выходокъ и нападокъ, а результатъ политической комбинаціи. Не рѣзкости создавали политическій конфликтъ, а существованіе политическаго конфликта въ самой группировкѣ съѣзда создавало рѣзкости и нападки, — въ этомъ противопоставленіи заключается основное наше принципіальное расхожденіе съ Мартовымъ въ оцѣнкѣ политическаго значенія съѣзда и результатовъ съѣзда.

Въ теченіе всего съѣзда было три наиболѣе крупныхъ случая отпаденія незначительнаго числа искровцевъ отъ большинства ихъ, — равноправіе языковъ, § 1 устава и выборы — и во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ получалась ожесточенная борьба,

приведшая въ концѣ концовъ къ теперешнему тяжелому кризису въ партіи. Чтобы политически осмыслить этотъ кризисъ и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительныхъ остротахъ, а разсмотрѣть политическія группировки оттѣнковъ, столкнувшихся на съѣздѣ. Инцидентъ съ „равноправіемъ языковъ" представляетъ поэтому двойной интересъ съ точки зрѣнія выясненія причины расхожденія, ибо здѣсь еще Мартовъ былъ (еще былъ!) искровцемъ и воевалъ едва ли не больше всѣхъ противъ анти-искровцевъ и „центра".

Война началась споромъ тов. Мартова съ лидеромъ бундовцевъ, тов. Либеромъ (страницы 171-172). Мартовъ доказываетъ достаточность требованія „равноправія гражданъ". „Свобода языка" отклоняется, но сейчасъ же выдвигается „равноправіе языковъ", и вмѣстѣ съ Либеромъ ополчается на бой тов. Егоровъ. Мартовъ заявляетъ, что это — *фетишизмъ*, „когда ораторы настаиваютъ на равноправіи національностей и переносятъ неравноправность въ область языка. Между тѣмъ, вопросъ слѣдуетъ разсматривать какъ разъ съ другой стороны: существуетъ неравноправность національностей, которая выражается, между прочимъ, и въ томъ, что люди, принадлежащіе къ извѣстной націи, лишены права пользоваться роднымъ языкомъ" (стр. 172). Мартовъ былъ тогда совершенно правъ. Дѣйствительно, какимъ-то фетишизмомъ являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность ихъ формулировки и найти у насъ нежеланіе или неумѣніе провести принципъ равноправія національностей. На самомъ дѣлѣ они, какъ „фетишисты", отстаивали именно слово, а не принципъ, дѣйствовали не изъ боязни какой-либо принципіальной ошибки, а изъ боязни того, что скажутъ люди. Какъ разъ эту психологію неустойчивости (а что если насъ за это „другіе" обвинятъ?), — отмѣченную нами въ инцидентѣ съ Орг. Ком., — проявилъ тутъ съ полной ясностью и весь нашъ „центръ". Другой представитель его, близко стоящій къ „Южному Рабочему" горнозаводскій делегатъ Львовъ, „считаетъ вопросъ объ угнетеніи языковъ, выдвинутый окраинами, очень серьезнымъ. Важно, чтобы мы, поставивши пунктъ объ языкѣ въ нашей программѣ, удалили всякое предположеніе о руссофикаторствѣ, въ которомъ могутъ подозрѣвать соціалдемократовъ". Вотъ замѣчательная мотивировка „серьезности" вопроса. Вопросъ очень серьезенъ *потому*, что надо удалить возможныя подозрѣнія окраинъ! Ораторъ не даетъ ровно ничего по существу, онъ не отвѣчаетъ на обвиненія въ фетишизмѣ, а цѣликомъ подтверждаетъ ихъ, выказывая полное отсутствіе своихъ доводовъ, отдѣлываясь ссылкой на то, что скажутъ окраины. Все, что онѣ *могли бы* сказать, *невѣрно*, — говорятъ ему. Вмѣсто разбора, вѣрно это или невѣрно, онъ отвѣчаетъ: „*могутъ подозрѣвать*".

Такая постановка вопроса, съ претензіей на его серьезность и важность, дѣйствительно уже получаетъ принципіальный характеръ, только вовсе не тотъ, который хотѣли найти тутъ Либеры, Егоровы, Львовы. Принципіальнымъ становится вопросъ: должны ли мы предоставить организаціямъ и членамъ партіи примѣнять общія и основныя положенія программы, примѣняя ихъ къ конкретнымъ условіямъ и развивая ихъ въ направленіи такого примѣненія, или мы должны, изъ простой боязни подозрѣній, заполнять программу мелкими деталями, частными указаніями, повтореніями, казуистикой. Принципіальнымъ становится вопросъ о томъ, какъ могутъ социальдемократы въ борьбѣ съ казуистичностью усматривать („подозрѣвать") попытки суженія элементарныхъ демократическихъ правъ и вольностей. Да когда же, наконецъ, мы отучимся отъ этого фетишистскаго преклоненія предъ казусами? — вотъ мысль, которая мелькала у насъ при видѣ борьбы изъ за „языковъ".

Группировка делегатовъ въ этой борьбѣ особенно ясна, благодаря обилію именныхъ голосованій. Ихъ было цѣлыхъ три. Противъ искровскаго ядра горой стоятъ все время всѣ анти-искровцы (8 голос.) и, съ самыми небольшими колебаніями, весь центръ (Маховъ, Львовъ, Егоровъ, Поповъ, Медвѣдевъ, Ивановъ, Царевъ, Бѣловъ, — только два послѣдніе колебались вначалѣ, то воздерживаясь, то голосуя съ нами, и опредѣлились вполнѣ лишь къ третьему голосованію). Отъ искровцевъ отпадаетъ часть — главнымъ образомъ, кавказцы (трое съ шестью голосами) — и благодаря этому перевѣсъ, въ концѣ концовъ, получаетъ направленіе „фетишизма". При третьемъ голосованіи, когда сторонники обѣихъ тенденцій наиболѣе выяснили свои позиціи, отъ искровцевъ большинства отдѣлились къ противной сторонѣ трое кавказцевъ съ шестью голосами; отъ искровцевъ меньшинства отдѣлились двое съ двумя голосами — Посадовскій и Костичъ; при двухъ первыхъ голосованіяхъ переходили къ противной сторонѣ или воздерживались: Ленскій, Степановъ и Горскій изъ большинства искровцевъ, Дейчъ изъ меньшинства. *Отдѣленіе восьми искровскихъ голосовъ (отъ всего числа 33) дало перевѣсъ коалиціи анти-искровцевъ и неустойчивыхъ элементовъ.* Это — именно тотъ *основной фактъ* съѣздовской группировки, который повторился (при отдѣленіи *другихъ* только искровцевъ) и при голосованіи § перваго устава и при выборахъ. Неудивительно, что потерпѣвшіе пораженіе на выборахъ старательно закрываютъ теперь глаза на *политическія причины* этого пораженія, на *исходные пункты* той борьбы оттѣнковъ, которая все болѣе вскрывала и все безпощаднѣе разоблачала передъ партіей неустойчивые и политически безхарактерные элементы. Инцидентъ съ равноправіемъ языковъ показываетъ намъ эту борьбу

тѣмъ рельефнѣе, что тогда еще и тов. Мартовъ не успѣлъ заслужить похвалъ и одобренія Акимова и Махова.

e) Аграрная программа.

Принципіальная невыдержанность анти-искровцевъ и „центра“ сказалась рельефно и на преніяхъ объ аграрной программѣ, которыя заняли немало времени у съѣзда (см. стр. 190-226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересныхъ вопросовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, походъ противъ программы поднимаетъ тов. Мартыновъ (послѣ мелкихъ замѣчаній тов. Либера и Егорова). Онъ выдвигаетъ старый доводъ объ исправленіи „именно данной исторической несправедливости“, чѣмъ будто бы косвенно мы „освящаемъ другія историческія несправедливости“ и т. д. На его сторону становится и тов. Егоровъ, которому даже „неясно, каково значеніе этой программы. Есть ли это — программа для насъ, т. е. опредѣляетъ ли она требованія, которыя мы выставляемъ, или мы хотимъ сдѣлать ее популярной“ (!?!?). Тов. Либеръ „хотѣлъ бы сдѣлать тѣ же указанія, что и тов. Егоровъ“. Тов. Маховъ выступаетъ со свойственной ему рѣшительностью, заявляя, что „большинство(?) изъ говорившихъ рѣшительно не понимаетъ, что изъ себя представляетъ выставленная программа и какія цѣли она преслѣдуетъ“. Предлагаемую программу, видите ли, „трудно считать за соц.-дем. аграрную программу“; она . . „нѣсколько пахнетъ игрой въ исправленіе историческихъ несправедливостей“, на ней лежитъ „оттѣнокъ демагогіи и авантюризма“. Теоретическимъ подтвержденіемъ этого глубокомыслія является обычная утрировка и упрощеніе вульгарнаго марксизма: искровцы, будто бы „съ крестьянами хотятъ оперировать, какъ съ чѣмъ то единымъ по составу; а такъ какъ крестьянство ужъ давно (?) разслоено на классы, то выставленіе единой программы неизбѣжно ведетъ къ тому, что программа становится въ цѣломъ демагогической и при проведеніи въ жизнь сдѣлается авантюрой“ (202). Тов. Маховъ „выбалтываетъ“ здѣсь истинную причину отрицательнаго отношенія къ нашей аграрной программѣ со стороны многихъ социальдемократовъ, готовыхъ признавать „Искру“ (какъ призналъ ее и самъ Маховъ), но совершенно не продумавшихъ ея направленія, ея теоретическую и практическую позицію. Именно вульгаризація марксизма въ примѣненіи его къ такому сложному и многостороннему явленію, какъ современный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства, вызывала и вызываетъ непониманіе этой программы, а вовсе не расхожденіе по отдѣльнымъ частностямъ. И на такой вульгарно-марксистской точкѣ зрѣнія быстро сошлись лидеры анти-искровскихъ элементовъ (Либеръ и Мартыновъ) и

„центра“ — Егоровъ и Маховъ. Тов Егоровъ откровенно выразилъ также одну изъ характерныхъ чертъ „Южнаго Рабочаго“ и тяготѣющихъ къ нему группъ и кружковъ, именно — непониманіе значенія крестьянскаго движенія, непониманіе того, что не переоцѣнка, а, наоборотъ, скорѣе недооцѣнка этого значенія (и недостатокъ силъ для использованія движенія) составляла слабую сторону нашихъ соціальдемократовъ во время первыхъ знаменитыхъ крестьянскихъ возстаній. „Я далекъ отъ увлеченія редакціи крестьянскимъ движеніемъ, — сказалъ т. Егоровъ — увлеченія, послѣ крестьянскихъ волненій охватившихъ многихъ соціальдемократовъ“. Т. Егоровъ не потрудился только, къ сожалѣнію, познакомить съѣздъ сколько-нибудь точно съ тѣмъ, въ чемъ же выразилось это увлеченіе *редакціи*, не потрудился привести конкретныхъ указаній на литературный матеріалъ, данный „Искрой“. Онъ забылъ кромѣ того, что *всѣ* основные пункты нашей аграрной программы были развиты „Искрой“ еще въ ея третьемъ номерѣ т. е. *задолго* до крестьянскихъ волненій. Кто „признавалъ“ „Искру“ не на словахъ только, тому не грѣхъ было бы проявить немного больше вниманія къ ея теоретическимъ и тактическимъ принципамъ!

„Нѣтъ, въ крестьянствѣ мы много сдѣлать не можемъ“! — восклицаетъ т. Егоровъ и объясняетъ далѣе это восклицаніе не въ смыслѣ протеста противъ того или другого отдѣльнаго „увлеченія“, а въ смыслѣ отрицанія всей нашей позиціи: „Это и значитъ, что нашъ лозунгъ не можетъ конкуррировать съ авантюристскимъ лозунгомъ“. Прехарактерная формулировка безпринципнаго отношенія къ дѣлу, сводящаго все къ „конкурренціи“ лозунговъ разныхъ партій! И это говорится послѣ того, какъ ораторъ объявляетъ себя „удовлетвореннымъ“ теоретическими объясненіями, въ которыхъ указывалось, что мы стремимся къ прочному успѣху въ агитаціи, не смущаясь временными неудачами и что прочный успѣхъ (вопреки шумнымъ крикамъ „конкуррентовъ“... на минуту) невозможенъ безъ устойчиваго теоретическаго базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этимъ увѣреніемъ объ „удовлетворенности“ и немедленнымъ повтореніемъ вульгарныхъ положеній, унаслѣдованныхъ отъ стараго экономизма, для котораго „конкурренція лозунговъ“ рѣшала всѣ вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. „Вы не заставите батрака — говорилъ т. Егоровъ — бороться рядомъ съ богатымъ крестьяниномъ за отрѣзки, которыя уже въ немалой части находятся въ рукахъ этого богатаго крестьянина“.

Опять то же упрощеніе, несомнѣнно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивалъ, что невозможно „заставить“ пролетарія бороться

за то, что въ немалой части находится въ рукахъ буржуазіи и въ еще большей части попадетъ въ ея руки въ будущемъ. Опять та же вульгаризація, забывающая о русскихъ особенностяхъ общекапиталистическаго отношенія между батракомъ и богатымъ крестьяниномъ. Отрѣзки давятъ сейчасъ, давятъ на дѣлѣ *и* батрака, котораго нечего „заставлять" бороться за освобожденіе отъ кабалы. „Заставлять" приходится нѣкоторыхъ интеллигентовъ — заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться отъ шаблоновъ при обсужденіи конкретныхъ вопросовъ, заставлять считаться съ исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цѣли. Именно только предразсудокъ, что мужикъ глупъ, — предразсудокъ, проскальзывавшій, по справедливому замѣчанію т. Мартова (с. 202), въ рѣчахъ т. Махова и другихъ противниковъ аграрной программы, — только предразсудокъ объясняетъ забвеніе этими противниками реальныхъ условій быта нашего батрака.

Упростивъ вопросъ до голаго противоположенія: рабочій и капиталистъ, представители нашего „центра" старались, какъ водится, свалить свою узость на мужика. „Именно потому — говорилъ т. Маховъ — что я считаю мужика въ мѣру его узкой классовой точки зрѣнія умнымъ, я полагаю, что онъ будетъ стоять за мелкобуржуазный идеалъ захвата и раздѣла". Тутъ смѣшиваются явно двѣ вещи: характеристика классовой точки зрѣнія мужика, какъ мелкаго буржуа, *и суженіе* этой точки зрѣнія, сведеніе *ея* къ „узкой мѣрѣ". Вотъ въ этомъ то сведеніи и заключается ошибка Егоровыхъ и Маховыхъ (точно такъ же, какъ въ сведеніи къ „узкой мѣрѣ" точки зрѣнія пролетарія состояла ошибка Мартыновыхъ и Акимовыхъ). Между тѣмъ и логика, и исторія учатъ, что мелкобуржуазная классовая точка зрѣнія можетъ быть болѣе или менѣе узкой, болѣе или менѣе прогрессивной, именно въ виду двойственности положенія мелкаго буржуа. И наша задача никоимъ образомъ не можетъ состоять въ опусканіи рукъ по поводу узости („глупости") мужика или господства надъ нимъ „предразсудка", а наоборотъ, въ неустанномъ расширеніи его точки зрѣнія, въ содѣйствіи побѣдѣ его разсудка надъ его предразсудкомъ.

Вульгарно-„марксистская" точка зрѣнія на русскій аграрный вопросъ нашла свое кульминаціонное выраженіе въ заключительныхъ словахъ принципіальной рѣчи т. Махова, вѣрнаго защитника старой редакціи „Искры". Недаромъ встрѣчены были эти слова апплодисментами, ... правда, ироническими. „Я не знаю, конечно, что называть бѣдой" — говоритъ т. Маховъ, возмущенный указаніемъ Плеханова, что движеніе въ пользу чернаго передѣла насъ нисколько не пугаетъ, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движеніе. — „Но револю-

ція эта, если ее можно такъ назвать, будетъ не революціонной. Я сказалъ бы правильнѣе, что это будетъ уже не революція, а реакція *(смѣхъ)*, "революція вродѣ бунта... Подобная революція отброситъ насъ назадъ и потребуетъ извѣстное время для того, чтобы вновь придти къ тому положенію, которое мы теперь имѣемъ. А мы теперь имѣемъ гораздо больше, чѣмъ во время французской революціи (*ироническіе аплодисменты)*, мы имѣемъ соц.-дем. партію *(смѣхъ)*"... Да, такая соц.-дем. партія, которая разсуждала бы по-Маховски, или имѣла центральныя учрежденія, опирающіяся на Маховыхъ, дѣйствительно заслуживала бы только смѣха...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и по чисто принципіальнымъ вопросамъ, поднятымъ аграрной программой, сейчасъ же сказалась знакомая уже намъ группировка. Антиискровцы (8 голосовъ) идутъ въ походъ во имя вульгарнаго марксизма, за ними плетутся вожди „центра", Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрѣнія. Совершенно естественно поэтому, что голосованіе нѣкоторыхъ пунктовъ аграрной программы даетъ цифры 30 и 35 голосовъ за (стр. 225 и 226), т. е. какъ разъ именно то приблизительное число, которое мы видѣли и при спорѣ о мѣстѣ обсужденія вопроса о Бундѣ, и на инцидентѣ съ О. К., и на вопросѣ о закрытіи „Южнаго Рабочаго". Стоитъ подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему изъ рамокъ обычнаго и установленнаго уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельнаго приложенія теоріи Маркса къ своеобразнымъ и новымъ (для нѣмцевъ новымъ) соціально-экономическимъ отношеніямъ, — и тотчасъ же искровцевъ, умѣющихъ стать на высотѣ задачи, оказывается лишь ³/₅ голосовъ, тотчасъ же весь „центръ" поворачиваетъ за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартовъ усиливается еще затушевать этотъ очевидный фактъ, боязливо обходя тѣ голосованія, гдѣ ясно обнаружились оттѣнки!

Изъ преній по аграрной программѣ ясно видна борьба искровцевъ противъ добрыхъ двухъ пятыхъ съѣзда. Кавказскіе делегаты занимали тутъ совершенно правильную позицію, — въ значительной степени, вѣроятно, благодаря тому, что близкое знакомство съ мѣстными формами многочисленныхъ остатковъ крѣпостничества предостерегало ихъ отъ абстрактно-школьническихъ голыхъ противоположеній, удовлетворявшихъ Маховыхъ. Противъ Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плехановъ, и Гусевъ (подтверждающій, что „такой пессимистическій взглядъ на нашу работу въ деревнѣ"... какъ взглядъ тов. Егорова... ему „приходилось встрѣчать нерѣдко среди дѣйствовавшихъ въ Россіи товарищей"), и Костровъ, и Карскій, и Троцкій. Послѣдній правильно указываетъ, что „благожелательные совѣты" кри-

тиковъ аграрной програмы „слишкомъ отдаютъ *филистерствомъ*". Надо замѣтить лишь къ вопросу объ изученіи политическихъ группировокъ на съѣздѣ, что въ этомъ мѣстѣ его рѣчи (страница 208) едва ли правильно поставленъ рядомъ съ Егоровымъ и Маховымъ товарищъ Ланге. Кто внимательно прочтетъ протоколы, тотъ увидитъ, что Ланге и Горинъ занимаютъ совсѣмъ не ту позицію, какую занимаютъ Егоровъ и Маховъ. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта объ отрѣзкахъ, они понимаютъ вполнѣ идею нашей аграрной програмы, пытаясь *иначе* провести ее въ жизнь, работая положительно надъ тѣмъ, чтобы подыскать болѣе безупречную, съ ихъ точки зрѣнія, формулировку, внося проекты резолюцій съ тѣмъ, чтобы убѣдить авторовъ програмы или встать на ихъ сторону противъ всѣхъ не-искровцевъ. Достаточно сравнить, напр., предложенія Махова объ отклоненіи всей аграрной програмы (стр. 212, за *девять*, противъ 38) и ея отдѣльныхъ пунктовъ (стр. 216 и др.) съ позиціей Ланге, *вносящаго* самостоятельную редакцію пункта объ отрѣзкахъ (стр. 225), чтобы убѣдиться въ коренномъ различіи между ними.[1])

Говоря дальше о доводахъ, отдающихъ „филистерствомъ", тов. Троцкій указалъ, что „въ наступающій революціонный періодъ мы должны связать себя съ крестьянствомъ"... „Предъ лицомъ этой задачи, скептицизмъ и политическая „дальновидность" Махова и Егорова вреднѣе всякой близорукости". Тов. Костичъ, другой искровецъ меньшинства, очень мѣтко указалъ на „неувѣренность въ себѣ, въ своей принципіальной устойчивости" со стороны тов. Махова, — характеристика, попадающая не въ бровь, а въ глазъ нашему „центру". „Въ пессимизмѣ тов. Маховъ сошелся съ тов. Егоровымъ, хотя между ними есть оттѣнки", — продолжалъ тов. Костичъ. — „Онъ забываетъ, что уже въ данное время соціальдемократы работаютъ въ крестьянствѣ, уже руководятъ ихъ движеніемъ въ той мѣрѣ, какъ это возможно. И этимъ своимъ пессимизмомъ они суживаютъ размахъ нашей работы" (стр. 210).

Чтобы покончить съ вопросомъ о програмныхъ преніяхъ на съѣздѣ, стоитъ отмѣтить еще краткіе дебаты о поддержкѣ оппозиціонныхъ теченій. Въ нашей програмѣ ясно сказано, что Соціальдемократическая Партія поддерживаетъ „всякое *оппозиціонное* и революціонное движеніе, *направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка*". Казалось бы, эта послѣдняя оговорка достаточно точно показываетъ, *какія именно* изъ оппозиціонныхъ теченій мы поддерживаемъ. Тѣмъ не менѣе различіе оттѣнковъ, давно уже сложившихся въ нашей пар-

[1]) Ср. рѣчь Горина, стр. 213.

тіи, сразу обнаружилось *и тутъ*, какъ ни трудно было предположить, что возможны еще „недоумѣнія и недоразумѣнія" по вопросу, до такой степени разжеванному! Дѣло было, очевидно, именно не въ недоразумѣніяхъ, а въ *оттѣнкахъ*. Маховъ, Либеръ и Мартыновъ сейчасъ же забили тревогу и опять таки оказались въ такомъ „компактномъ" меньшинствѣ, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здѣсь объяснять это интригой, подстраиваніемъ, дипломатіей и прочими милыми вещами (см. рѣчь его на съѣздѣ Лиги), къ которымъ прибѣгаютъ люди, не способные вдуматься въ политическія причины образованія „компактныхъ" группъ и меньшинства и большинства.

Маховъ начинаетъ опять съ вульгарнаго упрощенія марксизма. „У насъ единственный революціонный классъ — пролетаріатъ", заявляетъ онъ и изъ этого справедливаго положенія дѣлаетъ сейчасъ же несправедливый выводъ: „остальные такъ себѣ, съ боку припека *(общій смѣхъ)*... Да, съ боку припека и хотятъ только попользоваться. Я противъ того, чтобы ихъ поддерживать" (с. 226). Безподобная формулировка своей позиціи тов. Маховымъ многихъ (изъ его сторонниковъ) смутила, но по существу дѣла съ нимъ сошлись и Либеръ и Мартыновъ, предлагая устранить слово оппозиціонное или ограничить его добавленіемъ „демократическое-оппозиціонное". Противъ этой поправки Мартынова справедливо возсталъ Плехановъ. „Мы должны критиковать либераловъ, — говорилъ онъ, — разоблачать ихъ половинчатость. Это вѣрно... Но, разоблачая узость и ограниченность всѣхъ другихъ движеній, кромѣ соціальдемократическаго, мы обязаны разъяснять пролетаріату, что по сравненію съ абсолютизмомъ даже конституція, не дающая всеобщаго избирательнаго права, есть шагъ впередъ и что поэтому онъ не долженъ предпочитать существующій порядокъ такой конституціи". Товарищи Мартыновъ, Либеръ и Маховъ не соглашаются съ этимъ и отстаиваютъ свою позицію, на которую нападаютъ Аксельродъ, Старовѣръ, Троцкій и еще разъ Плехановъ. Тов. Маховъ успѣлъ при этомъ еще разъ побить самого себя. Сначала онъ сказалъ, что остальные классы (кромѣ пролетаріата) „такъ себѣ" и онъ „противъ того, чтобы ихъ поддерживать". Потомъ онъ смилостивился и призналъ, что „будучи реакціонной по существу, буржуазія часто бываетъ революціонной, — когда, напримѣръ, идетъ рѣчь о борьбѣ съ феодализмомъ и его остатками". „Но есть группы — продолжалъ онъ, поправляясь еще разъ изъ кулька въ рогожку, — которыя всегда (?) реакціонны, таковы ремесленники". Вотъ до какихъ перловъ въ принципіальномъ отношеніи договаривались тѣ самые лидеры нашего „центра", которые потомъ съ пѣной у рта защищали старую редакцію! Именно ремесленники даже въ

Западной Европѣ, гдѣ цеховое устройство было такъ сильно, проявляли, какъ и другіе мелкіе буржуа въ городахъ, особенную революціонность въ эпоху паденія абсолютизма. Именно русскому соціальдемократу особенно нелѣпо повторять, не подумавши, то, что говорятъ западные товарищи про теперешнихъ ремесленниковъ въ эпоху, отстоящую на столѣтіе и полустолѣтіе отъ паденія абсолютизма. Въ Россіи реакціонность ремесленниковъ по сравненію съ буржуазіей въ области политическихъ вопросовъ является не болѣе, какъ шаблонно-заученной фразой.

Къ сожалѣнію, въ протоколахъ не сохранилось никакихъ указаній на число голосовъ, которое собрали отвергнутыя поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можемъ сказать лишь, что лидеры анти-искровскихъ элементовъ и одинъ изъ лидеровъ „центра"[1]) сплотились и тутъ въ знакомой уже намъ группировкѣ противъ искровцевъ. Подводя итогъ *всѣмъ* преніямъ о *программѣ*, нельзя не сдѣлать того вывода, что не было *ни разу* сколько-нибудь оживленныхъ, возбуждавшихъ всеобщій интересъ, дебатовъ, которые бы не обнаружили разницы оттѣнковъ, замалчиваемой нынѣ товарищемъ Мартовымъ и новой редакціей „Искры".

ж) Уставъ Партіи. Проектъ т. Мартова.

Отъ программы съѣздъ перешелъ къ уставу партіи (мы минуемъ затронутый выше вопросъ о Ц. О. и делегатскіе доклады, которые, къ сожалѣнію, не могли быть представлены въ удовлетворительномъ видѣ большинствомъ делегатовъ). Нечего и говорить, что вопросъ объ уставѣ имѣлъ для всѣхъ насъ громадное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь „Искра" выступила съ самаго начала не только въ качествѣ литературнаго органа, но и въ качествѣ *организаціонной* ячейки. Въ редакціонной статьѣ четвертаго номера („Съ чего начать?") „Искра" выдвинула цѣлый организаціонный планъ[2]), и систематически, неуклонно проводила этотъ планъ

[1]) Другой лидеръ той же группы, тов. Егоровъ, высказался по вопросу о поддержкѣ оппозиціонныхъ теченій въ другомъ мѣстѣ, по поводу резолюціи Аксельрода о соціалистахъ-революціонерахъ (стр. 359). Тов. Егоровъ усмотрѣлъ „противорѣчіе" между требованіемъ программы *поддерживать* всякое оппозиціонное и революціонное движеніе и *отрицательнымъ* отношеніемъ и къ соціалистамъ-революціонерамъ и къ либераламъ. Въ иной формѣ и нѣсколько съ другой стороны подходя къ вопросу, тов. Егоровъ обнаружилъ здѣсь то же узкое пониманіе марксизма и то же неустойчивое полу-враждебное отношеніе къ („признанной" имъ) позиціи „Искры", какъ и товарищи Маховъ, Либеръ и Мартыновъ.

[2]) Въ рѣчи своей о признаніи „Искры" Центральнымъ Органомъ тов. Поповъ, между прочимъ, говорилъ: „Я вспоминаю статью въ 3 или 4 номерѣ „Искры" — „Съ чего начать?". Многіе изъ дѣйствующихъ въ Россіи товарищей нашли ее нетактичной; другимъ этотъ планъ казался фантастиче-

въ теченіе *трехъ лѣтъ.* Когда второй съѣздъ партіи призналъ „Искру“ Центральнымъ Органомъ, то въ числѣ трехъ пунктовъ мотивировки соотвѣтствующей резолюціи (стр. 147), два пункта были посвящены *именно этому организаціонному плану и организаціоннымъ идеямъ „Искры“*: роль ея въ дѣлѣ руководства *практической* партійной работой и руководящая роль въ объединительной работѣ. Совершенно естественно поэтому, что работа „Искры“ и все дѣло партійной организаціи, все дѣло *фактическаго* возстановленія партіи *не могло* считаться оконченнымъ безъ признанія всей партіей и формальнаго закрѣпленія опредѣленныхъ организаціонныхъ идей. Выполнить эту задачу и долженъ былъ организаціонный уставъ партіи.

Основныя идеи, которыя „Искра“ стремилась положить въ основу партійной организаціи, сводились въ сущности къ слѣдующимъ двумъ. Первая, идея централизма, принципіально опредѣляла способъ рѣшенія всей массы частныхъ и детальныхъ организаціонныхъ вопросовъ. Вторая — особая роль идейно руководящаго органа, газеты, учитывала временныя и особыя нужды именно русскаго соціальдемократическаго рабочаго движенія въ обстановкѣ политическаго рабства, при условіи созданія *первоначальной* операціонной базы революціоннаго натиска заграницей. Первая идея, какъ единственно принципіальная, должна была проникать собой весь уставъ: вторая, какъ частная, порождаемая временными обстоятельствами мѣста и образа дѣйствія, выражалась въ *кажущемся* отступленіи отъ централизма, въ созданіи *двухъ центровъ, Ц. О. и Ц. К.* Обѣ эти основныя идеи искровской организаціи партіи были развиты мной и въ редакціонной статьѣ „Искры“ (№ 4) „Съ чего начать?“ и въ „Что дѣлать?“ и, наконецъ, подробно разъяснены въ видѣ почти что устава въ „Письмѣ къ товарищу“. Оставалась только, въ сущности, редакціонная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который долженъ былъ воплотить въ жизнь именно эти идеи, если признаніе „Искры“ не оставалось на бумагѣ, не было только условной фразой. Въ предисловіи къ переизданному мной „Письму къ товарищу“ я уже указывалъ, что достаточно простого сличенія устава партіи съ этой брошюрой для установленія полнаго тожества организаціонныхъ идей тамъ и здѣсь.

По поводу редакціонной работы формулировки искровскихъ организаціонныхъ идей въ уставѣ мнѣ приходится коснуться одного инцидента, поднятаго тов. Мартовымъ.

скимъ, и большинство (? вѣроятно, большинство окружавшихъ тов. Попова лицъ) объясняло его только честолюбіемъ“ (стр. 140). Какъ видитъ читатель, мнѣ уже не привыкать стать къ этому объясненію моихъ политическихъ взглядовъ честолюбіемъ, объясненію, подогрѣтому теперь тов. Аксельродомъ и тов. Мартовымъ.

... Фактическая справка вамъ покажетъ — говорилъ Мартовъ на съѣздѣ Лиги (стр. 58), — насколько неожиданнымъ было для Ленина мое впаденіе въ оппортунизмъ по этому (т. е. первому) параграфу. За 1½-2 мѣсяца до съѣзда я показалъ Ленину мой проектъ, гдѣ § 1 былъ изложенъ какъ разъ такъ, какъ это было мной предложено на съѣздѣ. Ленинъ высказался противъ моего проекта, какъ слишкомъ детальнаго, и сказалъ мнѣ, что ему нравится только идея § 1 — опредѣленіе членства, которую онъ восприметъ въ свой уставъ съ видоизмѣненіями, ибо находитъ мою формулировку неудачной. Такимъ образомъ, Ленинъ былъ знакомъ съ моей формулировкой уже давно, онъ зналъ мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, такимъ образомъ, что я поѣхалъ на съѣздъ съ открытымъ забраломъ, не скрывая своихъ взглядовъ. Я предупредилъ, что буду бороться съ взаимной кооптаціей, съ принципами единогласія при кооптаціи въ Центральный Комитетъ и Центральный Органъ и такъ далѣе".

Насчетъ предупрежденія о борьбѣ съ взаимной кооптаціей мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, какъ было дѣло. Теперь остановимся на этомъ „открытомъ забралѣ" Мартовскаго устава. Передавая въ Лигѣ по памяти эпизодъ со своимъ неудачнымъ проектомъ (который Мартовъ на съѣздѣ самъ взялъ назадъ, какъ неудачный, а послѣ съѣзда, со свойственной ему послѣдовательностью, опять извлекъ на свѣтъ божій), — Мартовъ, какъ водится, многое перезабылъ и поэтому опять напуталъ. Казалось бы, довольно уже было фактовъ, предостерегающихъ отъ ссылокъ на частные разговоры и на свою память (невольно вспоминаютъ люди только то, что имъ выгодно!), — и все же тов. Мартовъ, за неимѣніемъ другого матеріала, пользуется недоброкачественнымъ. Теперь даже и тов. Плехановъ начинаетъ подражать ему — должно быть, дурной примѣръ заразителенъ.

„Идея" перваго параграфа въ проектѣ Мартова не могла мнѣ „нравиться", ибо *никакой идеи*, выплывшей на съѣздѣ, въ его проектѣ и не было. Память ему измѣнила. Мнѣ посчастливилось найти въ бумагахъ проектъ Мартова, гдѣ „*первый параграфъ изложенъ какъ разъ не такъ, какъ это было имъ предложено на съѣздѣ*"! Вотъ вамъ и „открытое забрало"!

§ 1 въ проектѣ Мартова: „Принадлежащимъ къ Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи считается всякій, кто, признавая ея программу, активно работаетъ для проведенія въ жизнь ея задачъ подъ контролемъ и руководствомъ органовъ (sic!) Партіи."

§ 1 въ моемъ проектѣ: „Членомъ Партіи считается всякій, признающій ея программу и поддерживающій Партію

какъ матеріальными средствами, такъ и личнымъ участіемъ въ одной изъ партійныхъ организацій."

§ 1 въ формулировкѣ, предложенной Мартовымъ на съѣздѣ и принятой съѣздомъ: „Членомъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи считается всякій, признающій ея программу, поддерживающій партію матеріальными средствами и оказывающій ей регулярное личное содѣйствіе подъ руководствомъ одной изъ ея организацій."

Изъ этого сопоставленія ясно видно, что въ проектѣ Мартова именно нѣтъ никакой *идеи*, а есть только *пустая фраза*. Что члены партіи работаютъ подъ контролемъ и руководствомъ *органовъ* партіи, это ясно само собой, *это не можетъ быть иначе*, объ этомъ говорятъ только люди, любящіе говорить, чтобы ничего не сказать, любящіе наполнять „уставы" бездной словесной воды и бюрократическихъ (т. е. ненужныхъ для дѣла и якобы нужныхъ для парада) формулъ. *Идея* перваго параграфа появляется лишь съ постановкой вопроса: могутъ ли *органы партіи* осуществлять *на дѣлѣ* свое руководство надъ членами партіи, *не входящими* ни въ одну изъ *партійныхъ организацій*. Этой идеи даже и слѣда нѣтъ въ проектѣ тов. Мартова. Слѣдовательно, *я не могъ быть знакомъ* со „взглядами" тов. Мартова „по этому вопросу", ибо *никакихъ взглядовъ* по *этому вопросу* въ проектѣ тов. Мартова *не имѣется*. Фактическая справка тов. Мартова оказывается *путаницей*.

Наоборотъ, именно про тов. Мартова приходится сказать, что онъ изъ моего проекта „зналъ мои взгляды по этому вопросу" и не опротестовалъ, не опровергалъ ихъ ни въ редакціонной коллегіи, хотя мой проектъ былъ показанъ всѣмъ недѣли за 2-3 до съѣзда, ни передъ делегатами, знакомившимися *только* съ моимъ проектомъ. Мало того. Даже *на съѣздѣ*, когда я внесъ свой проектъ устава[1]) и защищалъ его *до выбора уставной коммиссіи*, — то тов. Мартовъ заявилъ прямо: „присоединяюсь къ выводамъ тов. Ленина. *Только въ двухъ вопросахъ я расхожусь съ послѣднимъ*" (курсивъ мой) — въ вопросѣ о способѣ составленія Совѣта и объ едино-

[1]) Кстати. Протокольная коммиссія напечатала въ приложеніи XI проектъ устава, „*внесенный на съѣздъ Ленинымъ*" (стр. 393). Протокольная коммиссія тутъ тоже немножко напутала. Она смѣшала мой *первоначальный* проектъ, показанный всѣмъ делегатамъ (и очень многимъ до съѣзда) *съ внесеннымъ на съѣздъ* проектомъ и *напечатала первый* подъ видомъ второго. Я ничего не имѣю, конечно, противъ опубликованія своихъ проектовъ, *хотя бы и во всѣхъ стадіяхъ ихъ подготовки*, но путаницу вносить все же не слѣдуетъ. А путаница получилась, ибо Поповъ и Мартовъ (стр. 154 и 157) критикуютъ такія формулировки моего внесеннаго дѣйствительно на съѣздъ проекта, *какихъ нѣтъ въ проектѣ*, напечатанномъ протокольной коммиссіей (ср. стр. 394, §§ 7 и 11). При болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу легко было замѣтить ошибку изъ простого сличенія указанныхъ мною страницъ.

гласной кооптаціи (стр. 157). О *несогласіи* по § 1 тутъ еще *не говорится ни слова.*

Въ своей брошюрѣ объ осадномъ положеніи тов. Мартовъ нашелъ нужнымъ еще разъ и съ особенной подробностью вспомнить о своемъ уставѣ. Онъ увѣряетъ тамъ, что его уставъ, подъ которымъ онъ и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвѣстно, что будетъ мѣсяца черезъ три) готовъ подписаться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ частностей, „достаточно ясно выражалъ его отрицательное отношеніе къ гипертрофіи централизма“ (стр. IV). Невнесеніе этого проекта на съѣздъ тов. Мартовъ объясняетъ *теперь* во 1-хъ, тѣмъ, что „искровское воспитаніе внушило ему пренебрежительное отношеніе къ уставамъ“ (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровскій означаетъ уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направленіе! Жаль только, что искровское воспитаніе за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношеніе къ анархической фразѣ, которою интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушеніе сообща принятаго устава). Во 2-хъ, видите ли, онъ, тов. Мартовъ, избѣгалъ „внесенія какого бы то ни было диссонанса въ тактику того основного организаціоннаго ядра, какимъ была „Искра“. Это замѣчательно какъ связно выходитъ! въ *принципіальномъ* вопросѣ объ оппортунистической формулировкѣ § 1 или о гипертрофіи централизма тов. Мартовъ такъ боялся диссонанса (страшнаго только съ самой узкой кружковой точки зрѣнія), что не вынесъ своихъ разногласій даже и передъ такимъ ядромъ, какъ редакція! По *практическому* вопросу о составѣ центровъ тов. Мартовъ отъ вотума большинства членовъ организаціи „Искры“ (этого настоящаго *основного организаціоннаго ядра*) аппеллировалъ къ помощи Бунда и рабочедѣльцевъ. „Диссонанса“ въ своихъ фразахъ, подсовывающихъ кружковщину въ защиту quasi-редакціи для отрицанія „кружковщины“ въ оцѣнкѣ вопроса тѣми, кто наиболѣе компетентны, диссонанса этого тов. Мартовъ не замѣчаетъ. Въ наказаніе ему мы приведемъ *полностью* его проектъ устава, отмѣчая съ своей стороны, какіе *взгляды* и какую *гипертрофію* онъ обнаруживаетъ:[1])

„Проектъ устава партіи. — I. Принадлежность къ партіи. — 1) Принадлежащимъ къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи считается всякій, кто, признавая ея программу, активно работаетъ для проведенія въ жизнь ея задачъ подъ контролемъ и руководствомъ органовъ партіи. — 2) Исключеніе члена изъ партіи за поступки, несовмѣстимые съ интересами партіи, постановляется Центральнымъ Комитетомъ. [Мотивированный приговоръ объ исключеніи сохраняется въ архивѣ партіи и сообщается, по требованію, каждому комитету партіи. Рѣшеніе Ц. К. объ исключеніи подлежитъ аппеляціи съѣзда

---

[1]) Замѣчу, что я не могъ найти, къ сожалѣнію, перваго варіанта Мартовскаго проекта, который состоялъ что-то изъ 48 параграфовъ, страдая еще болѣе „гипертрофіей“ никчемнаго формализма.

въ случаѣ требованія двухъ или болѣе комитетовъ]"... Скобками я буду обозначать *явно* безсодержательныя положенія Мартовскаго проекта, не содержащія въ себѣ не только никакой „идеи", но и никакого опредѣленнаго условія или требованія, — вродѣ безподобнаго указанія въ „уставѣ", *гдѣ именно* надо сохранять приговоръ, или ссылки на то, что рѣшенія Ц. К. объ исключеніи (а не всѣ вообще и всякія его рѣшенія?) подлежатъ аппеляціи съѣзда. Это именно гипертрофія фразы, или настоящій бюрократическій формализмъ въ смыслѣ сочиненія лишнихъ, завѣдомо безполезныхъ или волокитныхъ, пунктовъ и параграфовъ. „... II. Мѣстные комитеты. — 3) Представителями партіи въ ея мѣстной работѣ являются комитеты партіи..." (и ново и умно!) „... 4) [Комитетами партіи признается наличный въ моментъ второго съѣзда составъ представленныхъ на съѣздѣ комитетовъ]. — 5) Новые, сверхъ обозначенныхъ въ § 4, комитеты партіи назначаются Центральнымъ Комитетомъ, [который либо признаетъ комитетомъ наличный составъ данной мѣстной организаціи, либо составляетъ мѣстный комитетъ путемъ реформы послѣдней]. — 6) Комитеты пополняютъ свой составъ путемъ кооптаціи. — 7) Ц. К. имѣетъ право дополнить составъ мѣстнаго комитета такимъ количествомъ (извѣстныхъ ему) товарищей, чтобы оно составляло не болѣе ¹/₃ всего даннаго состава..." Образчикъ канцелярщины: почему не болѣе ¹/₃? къ чему это? какой смыслъ въ этомъ ограниченіи, ничего не ограничивающемъ, ибо *дополненіе* можетъ быть повторено много разъ? „... 8) [Въ случаѣ если мѣстный комитетъ распался или разбитъ" (т. е. не весь взятъ?) „преслѣдованіями, Ц. К. возстановляетъ его"]... (уже не считаясь съ § 7? А не находитъ ли тов. Мартовъ сходства между § 8 и тѣми россійскими законами о благочиніи, которые повелѣваютъ въ будни работать, а въ праздники отдыхать?) „... 9) [Очередной съѣздъ партіи можетъ поручить Ц. К. реформировать составъ какого-либо мѣстнаго комитета, если дѣятельность послѣдняго признана несовмѣстимой съ интересами партіи. Въ послѣднемъ случаѣ комитетъ въ данномъ составѣ признается распущеннымъ и товарищи въ мѣстѣ его дѣйствій свободными отъ подчиненія[1]) ему."]... Правило, содержащееся въ семъ §, столь же высокополезно, какъ и имѣющаяся до сихъ поръ въ русскихъ законахъ статья, которая гласитъ: всѣмъ и каждому воспрещается пьянство. „... 10) [Мѣстные комитеты партіи руководятъ всей мѣстной пропагандистской, агитаціонной и организаціонной дѣятельностью партіи и содѣйствуютъ по мѣрѣ силъ Ц. К. и Ц. О. партіи въ выполненіи лежащихъ на нихъ общепартійныхъ задачъ."]... Уфъ! Къ чему это, ради всего святого?... 11) [„Внутренніе порядки мѣстной организаціи, взаимныя отношенія между комитетомъ и подчиненными" (слышите, слышите, тов. Аксельродъ?) „ему группами и предѣлы компетенціи и автономіи" (а развѣ предѣлы компетенціи не одно и то же, что предѣлы автономіи?) „этихъ группъ устанавливаются самимъ комитетомъ и сообщаются къ свѣдѣнію Ц. К. и редакціи Ц. О."]... (Пробѣлъ: не сказано, гдѣ сохраняются эти сообщенія)... „12) [Всѣ подчиненныя комитетамъ группы и отдѣльные члены партіи имѣютъ право требовать, чтобы ихъ мнѣніе или пожеланіе по любому вопросу было сообщено Ц. К. партіи и ея центральнымъ органамъ]. — 13) Мѣстный комитетъ партіи изъ своихъ доходовъ обязанъ отчислять въ кассу Ц. К. долю, приходящуюся на него по раскладкѣ, производимой Ц. К. — III. Организаціи для цѣлей агитаціи на иныхъ (кромѣ русскаго) языкахъ. — 14) [Для цѣлей агитаціи на одномъ изъ не-русскихъ языковъ и организаціи рабочихъ, среди которыхъ такая агитація ведется, могутъ образовываться отдѣльныя организаціи въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ представляется необходимость въ спеціализированіи такой агитаціи и выдѣленіи подобной организаціи]. — 15) Рѣшеніе вопроса о томъ, насколько такая потребность существуетъ, представляется Ц. К. партіи, а въ спорныхъ случаяхъ — съѣзду партіи"... Первая часть параграфа излишня, если принять во вниманіе дальнѣйшія постановленія устава, а вторая часть насчетъ спор-

[1]) Обращаемъ вниманіе тов. Аксельрода на это словечко. Вѣдь это ужасъ что такое! Вотъ гдѣ корни-то „якобинства", доходящаго даже... даже до измѣненія состава редакціи...

ныхъ случаевъ просто смѣхотворна... „16) [Мѣстныя организаціи, обозначенныя въ § 14, въ своихъ спеціальныхъ дѣлахъ автономны, но дѣйствуютъ подъ контролемъ мѣстнаго комитета и подчинены ему, причемъ формы этого контроля и норма организаціонныхъ отношеній между даннымъ комитетомъ и данной спеціальной организаціей устанавливается мѣстнымъ комитетомъ“... (ну, и слава богу! вотъ и видно теперь, что не къ чему было и городить весь этотъ огородъ пустыхъ словъ.)... „По отношенію къ общимъ дѣламъ партіи такія организаціи дѣйствуютъ, какъ часть комитетской организаціи“.] — 17) [Мѣстныя организаціи, обозначенныя въ § 14, могутъ образовывать автономный союзъ для успѣшнаго достиженія своихъ спеціальныхъ задачъ. Такой союзъ можетъ имѣть свои спеціальные литературные и административные органы; причемъ тѣ и другіе состоятъ подъ непосредственнымъ контролемъ Ц. К. партіи. Уставъ такого союза вырабатывается имъ самимъ, но утверждается Ц. К. партіи]. — 18 [Въ составъ обозначеннаго въ § 17 автономнаго союза могутъ входить и мѣстные комитеты партіи, если они по мѣстнымъ условіямъ посвящаютъ себя преимущественно агитаціи на данномъ языкѣ. *Примѣчаніе.* Являясь частью автономнаго союза, такой комитетъ не перестаетъ быть комитетомъ партіи“]... (весь параграфъ чрезвычайно полезенъ и отмѣнно уменъ, а примѣчаніе еще того больше)... „19) [Мѣстныя организаціи, входящія въ составъ автономнаго союза, въ своихъ сношеніяхъ съ его центральными органами находятся подъ контролемъ мѣстныхъ комитетовъ.] — 20) [Центральные литературные и административные органы автономныхъ союзовъ состоятъ къ Ц. К. партіи въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и мѣстные комитеты партіи.] — IV. Центральный Комитетъ и литературные органы партіи. — 21) [Представителями партіи въ цѣломъ являются ея Ц. К. и литературные органы — политическій и научный.] — 22) На Ц. К. лежитъ общее руководство всей практической дѣятельностью партіи; забота о правильномъ использованіи и распредѣленіи всѣхъ ея силъ; контроль надъ дѣятельностью всѣхъ частей партіи; снабженіе мѣстныхъ организацій литературой; постановка техническаго аппарата партіи; созывъ партійныхъ съѣздовъ. — 23) На литературныхъ органахъ партіи лежитъ идейное руководство партійной жизнью; пропаганда партійной программы и научная и публицистическая разработка міровозрѣнія соціальдемократіи. — 24) Всѣ мѣстные комитеты партіи и автономные союзы состоятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, какъ съ Ц. К. партіи, такъ и съ редакціей партійныхъ органовъ и періодически освѣдомляютъ ихъ о ходѣ движенія и организаціонной работы на мѣстахъ. — 25) Редакція литературныхъ органовъ партіи назначается съѣздомъ партіи и функціонируетъ до слѣдующаго съѣзда. — 26) [Редакція автономна въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ] и можетъ, въ промежутокъ между двумя съѣздами, пополнять и измѣнять свой составъ, о чемъ каждый разъ сообщается Ц. К. — 27) Всѣ заявленія, исходящія отъ Ц. К. или получившія его санкцію, печатаются, по требованію Ц. К., въ партійномъ органѣ. — 28) Ц. К., по соглашенію съ редакціей партійныхъ органовъ, образуетъ спеціальныя литературныя группы для тѣхъ или иныхъ видовъ литературной работы. — 29) Ц. К. назначается на съѣздѣ партіи и функціонируетъ до слѣдующаго съѣзда. Ц. К. пополняетъ свой составъ путемъ кооптаціи въ неограниченномъ количествѣ, о чемъ онъ каждый разъ доводитъ до свѣдѣнія редакціи центральныхъ органовъ партіи. — V. Заграничная организація партіи. — 30) Заграничная организація партіи завѣдуетъ пропагандой среди проживающихъ заграницей русскихъ и организаціей соціалистическихъ элементовъ среди нихъ. Во главѣ ея стоитъ выборная администрація. — 31) Автономные союзы, входящіе въ составъ партіи, могутъ имѣть свои отдѣленія заграницей для содѣйствія спеціальнымъ задачамъ этихъ союзовъ. Эти отдѣленія входятъ, какъ автономныя группы, въ составъ общей заграничной организаціи. — VI. Съѣзды партіи. — 32) Высшей партійной инстанціей является ея съѣздъ. — 33) [Съѣздъ партіи устанавливаетъ ея программу, уставъ и руководящіе принципы ея дѣятельности; контролируетъ работу всѣхъ партійныхъ органовъ и разбираетъ конфликты между ними.] — 34) Представительство на съѣздѣ принадлежитъ: а) всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ партіи; б) центральнымъ административнымъ органамъ всѣхъ авто-

номныхъ союзовъ, входящихъ въ составъ партіи; в) Ц. К. партіи и редакціи ея центральныхъ органовъ; г) заграничной организаціи партіи. — 35) Передача мандатовъ допускается, но съ тѣмъ, чтобы одинъ делегатъ не представлялъ болѣе, чѣмъ три дѣйствительныхъ мандата. Допускается раздѣлъ мандата между двумя представителями. Императивные мандаты не допускаются. — 36) Ц. К. предоставляется приглашать на съѣздъ съ совѣщательнымъ голосомъ товарищей, присутствіе коихъ можетъ быть полезно. — 37) Въ вопросахъ объ измѣненіи программы или устава партіи требуется большинство $^2/_3$ наличныхъ голосовъ; прочіе вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ. — 38) Съѣздъ считается дѣйствительнымъ, если на немъ представлено болѣе половины всѣхъ наличныхъ въ моментъ съѣзда комитетовъ партіи. — 39) Съѣздъ созывается — по мѣрѣ возможности — разъ въ два года. [Въ случаѣ независящихъ отъ воли Ц. К. помѣхъ къ созыву съѣзда въ этотъ срокъ, онъ за своей отвѣтственностью откладываетъ его*].

Читатель, у котораго хватило, въ видѣ исключенія, терпѣнія дочитать до конца этотъ такъ называемый уставъ, навѣрное не потребуетъ отъ насъ особаго разсмотрѣнія нижеслѣдующихъ выводовъ. Первый выводъ: уставъ страдаетъ трудно излѣчимой водянкой. Второй выводъ: особаго оттѣнка организаціонныхъ взглядовъ въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ гипертрофіи централизма открыть въ семъ уставѣ не представляется возможности. Третій выводъ: тов. Мартовъ поступилъ въ высокой степени благоразумно, когда скрылъ отъ глазъ свѣта (и отъ обсужденія на съѣздѣ) свыше $^{38}/_{39}$ своего устава. Нѣсколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытія говорится объ открытомъ забралѣ.

з) Пренія о централизмѣ до раскола внутри искровцевъ.

Прежде чѣмъ переходить къ дѣйствительно интересному и несомнѣнно вскрывающему различные оттѣнки взглядовъ вопросу о формулировкѣ § 1 устава, остановимся еще немного на тѣхъ краткихъ общихъ преніяхъ объ уставѣ, которыя заняли 14 засѣданіе съѣзда и часть 15. Пренія эти представляютъ извѣстное значеніе потому, что они *предшествовали* полному расхожденію организаціи „Искры" по вопросу о составѣ центровъ. Наоборотъ, позднѣйшія пренія объ уставѣ вообще, и кооптаціи въ особенности, имѣли мѣсто *послѣ* нашего расхожденія въ организаціи „Искры". Естественно, что *до* расхожденія мы способны были высказывать свои взгляды болѣе безпристрастно въ смыслѣ большей независимости соображеній отъ взволновавшаго всѣхъ вопроса о личномъ составѣ Ц. К. Тов. Мартовъ, какъ я уже отмѣчалъ, *присоединился* (стр. 157) къ моимъ организаціоннымъ взглядамъ, оговоривъ только два несогласія по *частностямъ*. Напротивъ, и анти-искровцы, и „центръ" сейчасъ же подняли походъ противъ обѣихъ *основныхъ* идей всего организаціоннаго плана „Искры" (и, слѣдовательно, всего устава):

и противъ централизма, и противъ „двухъ центровъ". Тов. Либеръ назвалъ мой уставъ „организованнымъ недовѣріемъ", усмотрѣлъ *децентрализмъ* въ двухъ центрахъ (какъ и тов. Поповъ и Егоровъ). Тов. Акимовъ выразилъ желаніе опредѣлить сферу компетенціи мѣстныхъ комитетовъ шире, въ частности предоставить имъ самимъ „право измѣненія своего состава". „Необходимо предоставить имъ большую свободу дѣятельности... Мѣстные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной мѣстности, какъ избирается Ц. К. представителями всѣхъ активныхъ организацій въ Россіи. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будетъ ограничено число членовъ, назначаемыхъ Ц. К. въ мѣстные комитеты..." (158). Тов. Акимовъ подсказываетъ, какъ видите, доводъ противъ „гипертрофіи централизма", но тов. Мартовъ остается глухъ къ этимъ авторитетнымъ указаніямъ, пока еще пораженіе по вопросу о составѣ центровъ не побуждаетъ его идти за Акимовымъ. Онъ остается глухъ даже тогда, когда тов. Акимовъ подсказываетъ ему „*идею*" *его же устава* (§ 7 — ограниченіе правъ Ц. К. вводить членовъ въ комитеты)! Тогда еще т. Мартовъ не хотѣлъ „диссонанса" съ нами и потому терпѣлъ диссонансъ и съ т. Акимовымъ, и съ самимъ собой... Тогда еще противъ „чудовищнаго централизма" ратовали только тѣ, кому явно былъ *невыгоденъ* централизмъ „Искры": ратовали Акимовъ, Либеръ, Гольдблатъ, за ними *шли* осторожно, осмотрительно (такъ, чтобы всегда назадъ повернуть можно было) Егоровъ (см. стр. 156 и 272) и т. д. Тогда еще для громаднаго большинства партіи было ясно, что именно приходскіе, кружковые интересы „Бунда", „Южнаго Рабочаго" и т. д. вызываютъ протестъ противъ централизма. Впрочемъ, и теперь вѣдь для большинства партіи ясно, что именно кружковые интересы старой редакціи „Искры" вызываютъ ея протестъ противъ централизма...

Возьмите, напримѣръ, рѣчь т. Гольдблата (160-1). Онъ ропщетъ противъ моего „чудовищнаго" централизма, якобы ведущаго къ „уничтоженію" низшихъ организацій, „проникнутаго насквозь стремленіемъ предоставить центру неограниченную власть, право неограниченнаго вмѣшательства во все", предоставляющаго организаціямъ „одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будетъ приказано свыше" и т. д. „Создаваемый проектомъ центръ очутится въ пустомъ пространствѣ, вокругъ него не будетъ никакой периферіи, а лишь нѣкая аморфная масса, въ которой будутъ двигаться его исполнительные агенты". Вѣдь это точь въ точь такое же *фальшивое фразерство*, которымъ послѣ своего пораженія на съѣздѣ стали угощать насъ Мартовы и Аксельроды. Смѣялись надъ „Бундомъ", который, воюя противъ *нашего* централизма, самъ *у себя* предоставляетъ

центру *еще опредѣленнѣе* очерченныя неограниченныя права (хотя бы, напримѣръ, ввода и исключенія членовъ, даже недопущенія делегатовъ на съѣзды). Смѣяться будутъ, разобравъ дѣло, и надъ воплями *меньшинства*, которое кричитъ противъ централизма и противъ устава, когда оно въ меньшинствѣ, и сейчасъ же опирается на уставъ, когда оно пробралось въ большинство.

По вопросу о двухъ центрахъ группировка тоже сказалась ясно: противъ *всѣхъ* искровцевъ стоятъ и Либеръ, и Акимовъ (первый затянувшій любимую теперь Аксельродовски-Мартовскую пѣсню о превалированіи въ Совѣтѣ Ц. О. надъ Ц. К.), и Поповъ, и Егоровъ. Изъ тѣхъ организаціонныхъ идей, которыя всегда развивала *старая* „Искра" (и которыя были одобрены *на словахъ* тов. Поповыми и Егоровыми!), планъ двухъ центровъ вытекалъ самъ собою. Съ планами „Южнаго Рабочаго", съ планами созданія параллельнаго популярнаго органа и превращенія его въ фактически преобладающій органъ, шла въ разрѣзъ политика *старой* „Искры". Вотъ гдѣ лежитъ корень того страннаго на первый взглядъ противорѣчія, что за одинъ центръ т. е. *за большій якобы централизмъ* стоятъ всѣ анти-искровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такіе делегаты, которые едва ли понимали ясно, къ чему приведутъ и должны въ силу хода вещей, привести организаціонные планы „Южнаго Рабочаго", но ихъ толкала на сторону анти-искровцевъ самая уже ихъ нерѣшительная и неувѣренная въ себѣ натура.

Изъ рѣчей искровцевъ во время *этихъ* (предшествовавшихъ расколу искровцевъ) дебатовъ объ уставѣ особенно замѣчательны рѣчи т.т. Мартова („присоединеніе" къ моимъ организаціоннымъ идеямъ) и Троцкаго. Послѣдній отвѣтилъ т.т. Акимову и Либеру такъ, что этотъ отвѣтъ каждымъ словомъ изобличаетъ всю фальшь послѣсъѣздовскаго поведенія и послѣсъѣздовскихъ теорій „меньшинства". „Уставъ, говорилъ онъ (т. Акимовъ), опредѣляетъ сферу компетенціи Ц. К. недостаточно точно. Я не могу согласиться съ нимъ. Наоборотъ, это опредѣленіе точно и означаетъ: поскольку партія есть цѣлое, необходимо обезпечить ее контролемъ надъ мѣстными комитетами. Т. Либеръ говорилъ, что уставъ есть, употребляя мое выраженіе, „организованное недовѣріе". Это вѣрно. Но это выраженіе было употреблено мной по отношенію къ предложенному представителями „Бунда" уставу, который представлялъ организованное недовѣріе со стороны части партіи ко всей партіи. Нашъ же уставъ" (тогда этотъ уставъ былъ „нашъ", до пораженія по вопросу о составѣ центровъ!) „представляетъ организованное недовѣріе со стороны партіи ко всѣмъ ея частямъ, т. е. контроль надъ всѣми мѣстными, районными,

національными и другими организаціями" (158). Да, *нашъ* уставъ охарактеризованъ *здѣсь* правильно, и мы почаще совѣтовали бы вспоминать эту характеристику людямъ, которые теперь со спокойной совѣстью увѣряютъ, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему „организованнаго недовѣрія" или, что то же, „осаднаго положенія". Достаточно сличить приведенную рѣчь съ рѣчами на съѣздѣ Заграничной Лиги, чтобы получить образчикъ политической безхарактерности, образчикъ того, какъ мѣнялись взгляды Мартова и К°, смотря по тому, шла ли рѣчь объ ихъ собственной или о чужой коллегіи низшаго порядка.

и) Параграфъ первый устава.

Мы уже привели тѣ различныя формулировки, изъ за которыхъ разгорѣлись интересные дебаты на съѣздѣ. Дебаты эти заняли почти два засѣданія и закончились *двумя именными* голосованіями (въ теченіе всего съѣзда было, если я не ошибаюсь, только восемь именныхъ голосованій, которыя предпринимались лишь въ особо важныхъ случаяхъ вслѣдствіе громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованіями). Вопросъ затронутъ былъ, несомнѣнно, принципіальный. Интересъ съѣзда къ дебатамъ былъ громадный. Въ голосованіи участвовали *всѣ* делегаты — явленіе рѣдкое на нашемъ съѣздѣ (какъ и на всякомъ большомъ съѣздѣ) и свидѣтельствующее равнымъ образомъ о заинтересованности спорившихъ.

Въ чемъ же, спрашивается, заключалась суть спорнаго вопроса? Я сказалъ уже на съѣздѣ и повторялъ потомъ не разъ, что „вовсе не считаю наше разногласіе (по § первому) такимъ существеннымъ, чтобы отъ него зависѣла жизнь или смерть партіи. Отъ плохого пункта устава мы далеко еще не погибнемъ!" (250). Само по себѣ это разногласіе, хотя оно и вскрываетъ принципіальные оттѣнки, никоимъ образомъ не могло вызвать такого расхожденія (фактически, если говорить безъ условностей, того раскола), которое создалось послѣ съѣзда. Но всякое *маленькое* разногласіе можетъ сдѣлаться *большимъ*, если на немъ настаивать, если выдвинуть его на первый планъ, если *приняться* за разысканіе всѣхъ корней и всѣхъ вѣтвей этого разногласія. Всякое *маленькое* разногласіе можетъ получить *огромное* значеніе, если оно послужитъ исходнымъ пунктомъ *поворота* къ извѣстнымъ ошибочнымъ воззрѣніямъ и если эти ошибочныя воззрѣнія соединятся, въ силу новыхъ и добавочныхъ расхожденій, съ *анархическими* дѣйствіями, доводящими партію до раскола.

Именно такъ обстояло дѣло и въ данномъ случаѣ. Небольшое сравнительно разногласіе по § первому получило теперь громадное значеніе, ибо именно оно послужило поворотнымъ пунктомъ къ оппортунистическому глубокомыслію и къ анархическому фразерству меньшинства (на съѣздѣ Лиги въ особенности, а потомъ и на страницахъ новой „Искры"). Именно оно *положило начало* той коалиціи искровскаго меньшинства съ анти-искровцами и съ болотомъ, которая окончательно отлилась въ опредѣленныя формы ко времени выборовъ и безъ пониманія которой *нельзя понять* и главнаго, коренного расхожденія въ вопросѣ о составѣ центровъ. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла изъ себя маленькую щель въ нашей посудинѣ (какъ я выразился на съѣздѣ Лиги). Можно было связать посудину покрѣпче, мертвымъ *узломъ* (а не мертвой петлей, какъ послышалось Мартову, находившемуся во время съѣзда Лиги въ состояніи, близкомъ къ истерикѣ). Можно было направить *всѣ* усилія на то, чтобы сдѣлать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобнымъ анархическимъ мѣрамъ усердныхъ мартовцевъ, именно послѣднее. Разногласіе по параграфу первому сыграло немалую роль въ вопросѣ о выборѣ центровъ, а пораженіе Мартова по этому вопросу привело его къ „принципіальной борьбѣ" путемъ грубо-механическихъ и даже скандальныхъ (рѣчи на съѣздѣ Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем.) средствъ.

Теперь, послѣ всѣхъ этихъ происшествій, вопросъ о § первомъ получилъ, такимъ образомъ, *огромное значеніе*, и мы должны дать себѣ точный отчетъ и въ характерѣ группировокъ на съѣздѣ при голосованіи этого § и, — что еще несравненно важнѣе — въ дѣйствительномъ характерѣ тѣхъ *оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ*, которые намѣтились или начали намѣчаться по § первому. *Теперь*, послѣ извѣстныхъ читателямъ происшествій, вопросъ *поставленъ* уже такимъ образомъ: отразилась ли на формулировкѣ Мартова, защищавшейся Аксельродомъ, его (или ихъ) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, какъ выражался я на съѣздѣ партіи (333), его (или ихъ) уклоненіе въ жоресизмъ и анархизмъ, какъ полагалъ Плехановъ на съѣздѣ Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировкѣ моей, защищавшейся Плехановымъ, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, несоціальдемократическое пониманіе централизма? *Оппортунизмъ и анархизмъ или бюрократизмъ и формализмъ?* — такъ *поставленъ* вопросъ *теперь*, когда маленькое расхожденіе сдѣлалось большимъ. И мы должны *имѣть въ виду* именно *эту*, — событіями навязанную намъ всѣмъ, — исторически-данную, сказалъ бы я, еслибъ это не звучало слишкомъ громко, —

постановку вопроса при обсужденіи *по существу* доводовъ за и противъ моей формулировки.

Начнемъ разборъ этихъ доводовъ съ анализа съѣздовскихъ преній. Первая рѣчь, тов. Егорова, интересна только тѣмъ, что его отношеніе (non liquet, мнѣ еще не ясно, я еще не знаю, гдѣ правда) очень характерно для отношенія многихъ делегатовъ, которымъ не легко было разобраться въ дѣйствительно новомъ, довольно сложномъ и детальномъ вопросѣ. Слѣдующая рѣчь, тов. Аксельрода, ставитъ уже сразу вопросъ принципіально. Это — первая принципіальная, вѣрнѣе даже сказать: вообще первая рѣчь тов. Аксельрода на съѣздѣ, и трудно признать его дебютъ съ пресловутымъ „профессоромъ" особенно удачнымъ. „Я думаю, что намъ нужно — говорилъ тов. Аксельродъ — разграничить понятія — партія и организація. А здѣсь эти два понятія смѣшиваются. Это смѣшеніе опасно" Таковъ первый доводъ противъ моей формулировки. Присмотритесь къ нему поближе. Если я говорю, что партія должна быть *суммой* (и не простой ариѳметической суммой, а комплексомъ) *организацій*[1]), то значитъ ли это, что я „смѣшиваю" понятія партія и организація? Конечно, нѣтъ. Я выражаю этимъ совершенно ясно и точно свое пожеланіе, свое требованіе, чтобы партія, какъ передовой отрядъ класса, представляла собою нѣчто возможно болѣе *организованное*, чтобы партія воспринимала въ себя лишь такіе элементы, которые *допускаютъ хоть минимумъ организованности*. Наоборотъ, мой оппонентъ *смѣшиваетъ* въ партіи организованные элементы съ неорганизованными, поддающіеся руководству и неподдающіеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могутъ войти въ организацію. Вотъ *это смѣшеніе* дѣйствительно *опасно*. Тов. Аксельродъ ссылается дальше на „строго конспиративныя и централистическія организаціи прошлаго" (Земли и Воли и Народной Воли): вокругъ нихъ де „группировался цѣлый рядъ лицъ, не входившихъ въ организа-

---

[1]) Слово „организація" употребляется обыкновенно въ двухъ смыслахъ, широкомъ и узкомъ. Въ узкомъ смыслѣ оно означаетъ отдѣльную ячейку человѣческаго коллектива, хотя бы въ минимальной степени оформленнаго. Въ широкомъ смыслѣ оно означаетъ сумму такихъ ячеекъ, сплоченныхъ въ одно цѣлое. Напр., флотъ, армія, государство представляютъ изъ себя въ одно и то же время сумму организацій (въ узкомъ смыслѣ слова) и разновидность общественной организаціи (въ широкомъ смыслѣ слова). Учебное вѣдомство есть организація (въ широкомъ смыслѣ слова), учебное вѣдомство состоитъ изъ ряда организацій (въ узкомъ смыслѣ слова). Точно такъ же и партія есть организація, *должна быть* организаціей (въ широкомъ смыслѣ слова); въ то же время партія должна состоять изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ организацій (въ узкомъ смыслѣ слова). Поэтому тов. Аксельродъ, говорящій о разграниченіи понятій — партія и организація, во-первыхъ, не принялъ во вниманіе этой разницы въ широкомъ и узкомъ значеніи слова организація, а во-вторыхъ, не замѣтилъ того, что онъ самъ *смѣшалъ* организованные и неорганизованные элементы въ одну кучу.

цію, но такъ или иначе помогавшихъ ей и считавшихся членами партіи.... Этотъ принципъ долженъ быть еще болѣе строго проведенъ въ соціальдемократической организаціи". Вотъ именно тутъ мы и подошли къ одному изъ *гвоздей* вопроса: дѣйствительно ли „этотъ принципъ" есть соціальдемократическій, — принципъ, разрѣшающій называть себя членами партіи тѣмъ, кто ни въ одну изъ организацій партіи не входитъ, а только „такъ или иначе помогаетъ ей"? И Плехановъ далъ единственно возможный отвѣтъ на этотъ вопросъ: „Аксельродъ былъ неправъ въ своей ссылкѣ на 70-ые гг. Тогда существовалъ хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центръ, существовали вокругъ него созданныя имъ организаціи разныхъ разрядовъ, а что было внѣ этихъ организацій, было хаосомъ, анархіей. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партіи, но дѣло не выигрывало, а теряло отъ этого. Намъ нужно не подражать анархіи 70-хъ годовъ, а избѣгать ея". Такимъ образомъ, „этотъ принципъ", который тов. Аксельродъ хотѣлъ выдать за соціальдемократическій, на самомъ дѣлѣ есть *принципъ анархическій.* Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины внѣ организаціи, надо показать *необходимость* того, чтобы „элементамъ хаоса" было присваиваемо названіе членовъ партіи. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого.* Тов. Аксельродъ для примѣра взялъ „профессора, который считаетъ себя соціальдемократомъ и заявляетъ объ этомъ". Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся въ этомъ примѣрѣ, тов. Аксельродъ долженъ былъ бы сказать далѣе: признаютъ ли сами организованные соціальдемократы этого профессора соціальдемократомъ? Не поставивъ этого дальнѣйшаго вопроса, тов. Аксельродъ бросилъ свою аргументацію на половинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ. Или организованные соціальдемократы признаютъ интересующаго насъ профессора соціальдемократомъ, — и тогда почему бы имъ не включить его въ ту или другую соціальдемократическую организацію? Только при условіи такого включенія „заявленія" профессора будутъ соотвѣтствовать его дѣламъ, будутъ не пустыми фразами (каковыми слишкомъ часто остаются профессорскія заявленія). Или организованные соціальдемократы *не* признаютъ профессора соціальдемократомъ, — и тогда нелѣпо, безсмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и отвѣтственное званіе члена партіи. Дѣло сводится, такимъ образомъ, именно къ послѣдовательному проведенію принципа организаціи или къ освященію разброда и анархіи. Строимъ ли мы партію, исходя изъ того уже создавшагося и сплотившагося ядра *соціальдемократовъ*, которое создало, скажемъ, партійный съѣздъ и которое должно расширять и умножать

всяческія партійныя организаціи, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что всѣ помогающіе суть члены партіи? „Если мы примемъ формулу Ленина, — продолжалъ тов. Аксельродъ — то мы выбросимъ за бортъ часть людей, хотя бы и не могущихъ быть принятыми непосредственно въ организацію, но являющихся тѣмъ не менѣе членами партіи“. Смѣшеніе понятій, въ которомъ хотѣлъ обвинить меня тов. Аксельродъ, выступаетъ тутъ у него самого съ полной ясностью: онъ принимаетъ уже за данное, что всѣ помогающіе *являются* членами партіи, тогда какъ изъ за этого и идетъ споръ, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкованія. Какое содержаніе этой страшной, на первый взглядъ, фразы: выбросить за бортъ? Если членами партіи признаются только члены организацій, признанныхъ за партійныя, то люди, не могущіе „непосредственно“ войти ни въ одну партійную организацію, могутъ вѣдь работать въ организаціи непартійной, но примыкающей къ партіи. О выбрасываніи за бортъ въ смыслѣ отстраненія отъ работы, отъ участія въ движеніи не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи. Напротивъ, чѣмъ крѣпче будутъ наши партійныя организаціи, включающія въ себѣ *дѣйствительныхъ* соціальдемократовъ, чѣмъ меньше шаткости и неустойчивости будетъ *внутри* партіи, тѣмъ шире, разностороннѣе, богаче и плодотворнѣе будетъ вліяніе партіи на окружающіе ее, руководимые ею элементы рабочихъ *массъ*. Вѣдь нельзя же смѣшивать, въ самомъ дѣлѣ, партію, какъ передовой отрядъ рабочаго класса, со всѣмъ классомъ. А именно въ такое смѣшеніе (характерное для нашего оппортунистическаго экономизма вообще) впадаетъ тов. Аксельродъ, когда онъ говоритъ: „Мы создаемъ, конечно, прежде всего организацію наиболѣе активныхъ элементовъ партіи, организацію революціонеровъ, но мы должны, разъ мы партія класса, подумать о томъ, чтобы не оставить внѣ партіи людей, сознательно, хотя быть можетъ и не совсѣмъ активно, примыкающихъ къ этой партіи“. Во-первыхъ, въ число активныхъ элементовъ соціальдемократической рабочей партіи войдутъ вовсе не однѣ только организаціи революціонеровъ, а *цѣлый рядъ* рабочихъ организацій, признанныхъ за партійныя. Во-вторыхъ, по какой бы это причинѣ, въ силу какой логики изъ того факта, что мы — партія класса, могъ слѣдовать выводъ о ненужности различія между *входящими* въ партію и *примыкающими* къ партіи? Какъ разъ напротивъ: именно въ силу существованій различій по степени сознательности и степени активности необходимо провести различіе по степени близости къ партіи. Мы — партія класса, и потому *почти весь классъ* (а въ военныя времена, въ эпоху гражданской войны, и совершенно весь классъ) долженъ дѣйствовать подъ руководствомъ нашей партіи, долженъ при-

мыкать къ нашей партіи, какъ можно плотнѣе, но было бы маниловщиной и „хвостизмомъ“ думать, что когда либо почти весь классъ или весь классъ въ состояніи, при капитализмѣ, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей соціальдемократической партіи. Ни одинъ еще разумный соціальдемократъ не сомнѣвался въ томъ, что при капитализмѣ даже профессіональная организація (болѣе примитивная, болѣе доступная сознательности неразвитыхъ слоевъ) не въ состояніи охватить почти весь или весь рабочій классъ. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность нашихъ задачъ, суживать эти задачи значило бы забывать о различіи между передовыми отрядами и всѣми массами, тяготѣющими къ нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все болѣе и болѣе обширные слои до этого передового уровня. Именно такимъ закрываніемъ глазъ и забвеніемъ является стираніе разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партія класса, *въ оправданіе* организаціонной расплывчатости, *въ оправданіе* смѣшенія организаціи и дезорганизаціи — значитъ повторять ошибку Надеждина, который смѣшивалъ „философскій и соціально-историческій вопросъ о „корняхъ“ движенія въ „глубинѣ“, съ технически-организаціоннымъ вопросомъ“ („Что дѣлать“, стр 91). Именно это смѣшеніе, съ легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затѣмъ десятки разъ ораторы, защищавшіе формулировку тов. Мартова. „Чѣмъ шире будетъ распространено названіе члена партіи, тѣмъ лучше“ — говоритъ Мартовъ, не объясняя, однако, какая же польза отъ широкаго распространенія *названія*, не соотвѣтствующаго содержанію. Можно ли отрицать, что контроль за невходящими въ организацію партіи членами есть фикція? Широкое распространеніе фикціи вредно, а не полезно. „Мы можемъ только радоваться, если каждый стачечникъ, каждый демонстрантъ, отвѣчая за свои дѣйствія, сможетъ объявить себя членомъ партіи“ (стр. 229). Въ самомъ дѣлѣ? *Каждый стачечникъ* долженъ имѣть право *объявить себя членомъ партіи?* Этимъ положеніемъ тов. Мартовъ сразу доводитъ свою ошибку до абсурда, *принижая* соціальдемократизмъ до стачкизма, повторяя злоключенія Акимовыхъ. Мы можемъ только радоваться, если соціальдемократіи удается руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность соціальдемократіи руководить всѣми проявленіями классовой борьбы пролетаріата, а стачка есть одна изъ глубочайшихъ и наиболѣе могучихъ проявленій этой борьбы. Но мы будемъ хвостистами, если допустимъ *отождествленіе* такой первоначальной, ipso facto не болѣе, какъ трэдъ-юніонистской формы борьбы съ всесторонней и сознательной соціальдемократической борьбой. Мы

будемъ оппортунистически *узаконять завѣдомую фальшь*, если дадимъ право каждому стачечнику „объявлять себя членомъ партіи“, ибо такое „объявленіе“ *въ массѣ случаевъ* будетъ объявленіемъ *ложнымъ*. Мы станемъ убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаемъ увѣрять себя и другихъ, что *каждый стачечникъ* можетъ *быть* соціальдемократомъ и членомъ соціальдемократической партіи при томъ безконечномъ раздробленіи, угнетеніи и отупленіи, которое при капитализмѣ неизбѣжно будетъ тяготѣть надъ очень и очень широкими слоями „необученныхъ“, неквалифицированныхъ рабочихъ. Именно на примѣрѣ „*стачечника*“ особенно ясно видна разница между *революціоннымъ стремленіемъ* соціальдемократически руководить каждой стачкой и *оппортунистической фразой*, объявляющей членомъ партіи *каждаго* стачечника. Мы—партія класса, поскольку мы *на дѣлѣ* соціальдемократически руководимъ почти всѣмъ или даже всѣмъ классомъ пролетаріата; но изъ этого только Акимовы могутъ дѣлать выводъ, что мы *на словахъ* должны отождествлять партію и классъ.

„Я не боюсь заговорщической организаціи“, говорилъ въ той же рѣчи тов. Мартовъ, но, добавлялъ онъ, „заговорщическая организація для меня имѣетъ смыслъ постольку, поскольку ее облекаетъ широкая соціальдемократическая рабочая партія“ (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точнымъ: поскольку ее облекаетъ широкое соціальдемократическое рабочее *движеніе*. И въ такой формѣ положеніе тов. Мартова не только безспорно, оно является прямымъ труизмомъ. Я останавливаюсь на этомъ пунктѣ лишь потому, что изъ труизма тов. Мартова послѣдующіе ораторы сдѣлали очень *ходкій и очень вульгарный* доводъ, что де Ленинъ хочетъ „ограничить всю сумму членовъ партіи суммой заговорщиковъ“. Этотъ выводъ, способный вызвать лишь улыбку, дѣлалъ и тов. Посадовскій и тов. Поповъ, а когда его подхватили Мартыновъ и Акимовъ, то истинный его характеръ обрисовался уже вполнѣ, именно характеръ оппортунистической фразы. Въ настоящее время этотъ же доводъ развиваетъ въ новой „Искрѣ“ тов. Аксельродъ для ознакомленія читающей публикѣ съ новыми организаціонными взглядами новой редакціи. Еще на съѣздѣ, въ первомъ же засѣданіи, обсуждавшемъ вопросъ о § 1, я замѣтилъ, что оппоненты хотятъ воспользоваться такимъ дешевымъ оружіемъ, и потому предостерегалъ въ своей рѣчи (стр. 240): „Не надо думать, что партійныя организаціи должны быть только изъ профессіональныхъ революціонеровъ. Намъ нужны самыя разнообразныя организаціи всѣхъ видовъ, ранговъ и оттѣнковъ, начиная отъ чрезвычайно узкихъ и конспиративныхъ и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen“. Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумѣющаяся истина, что на ней останавливаться я считалъ лишнимъ. Но по

нынѣшнимъ временамъ, когда насъ оттащили назадъ въ очень и очень многомъ, приходится „повторять зады“ и здѣсь. Для такого повторенія приведу нѣсколько выписокъ изъ „Что дѣлать“ и изъ „Письма къ товарищу“.

...„Кружку корифеевъ, вродѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса“. Чтобы быть соціальдемократической *партіей*, надо добиться *поддержки* именно *класса*. Не партія должна облекать заговорщическую организацію, какъ думалъ тов. Мартовъ, а революціонный классъ, пролетаріатъ, долженъ облекать партію, включающую въ себя и заговорщическія и незаговорщическія организаціи.

...„Организаціи рабочихъ для экономической борьбы должны быть профессіональными организаціями. Всякій соціальдемократъ рабочій долженъ по мѣрѣ возможности оказывать содѣйствіе и активно работать въ этихъ организаціяхъ... Но вовсе не въ нашихъ интересахъ требовать, чтобы членами цеховыхъ союзовъ могли быть только соціальдемократы: это сузило бы размѣры нашего вліянія на массу. Пусть въ цеховомъ союзѣ участвуетъ всякій рабочій, понимающій необходимость объединенія для борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ. Самая цѣль цеховыхъ союзовъ была бы недостижима, если бы они не объединяли всѣхъ, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень пониманія, еслибы эти цеховые союзы не были очень *широкими* организаціями. И чѣмъ шире эти организаціи, тѣмъ шире будетъ наше вліяніе на нихъ, вліяніе, оказываемое не только „стихійнымъ“ развитіемъ экономической борьбы, но и прямымъ сознательнымъ воздѣйствіемъ на товарищей соціалистическихъ членовъ союза“ (стр. 86). Кстати сказать, примѣръ профессіональныхъ союзовъ особенно характеренъ для оцѣнки спорнаго вопроса о § 1. Что эти союзы *должны* работать „подъ контролемъ и руководствомъ“ соціальдемократическихъ организацій, — объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній среди соціальдемократовъ. Но *на этомъ основаніи* давать право всѣмъ членамъ такихъ союзовъ „объявлять себя“ членами соціальдемократической партіи было бы явной нелѣпостью и грозило бы принести двоякій вредъ: *сузить* размѣры цехового движенія и ослабить солидарность рабочихъ на этой почвѣ, съ одной стороны. Съ другой стороны, это открывало бы двери соціальдемократической партіи для расплывчатости и шаткости. Германская соціальдемократія имѣла случай разрѣшать подобный вопросъ

въ конкретной постановкѣ, когда всплылъ знаменитый инцидентъ съ гамбургскими каменьщиками, работавшими сдѣльно. Соціальдемократія ни минуты не колебалась призпать штрейкбрехерство безчестнымъ съ точки зрѣнія соціальдемократа поступкомъ, т. е. признать руководство стачками, поддержку ихъ *своимъ* кровнымъ дѣломъ, но въ то же время она столь же рѣшительно отвергла требованіе отождествить интересы партіи съ инересами цеховыхъ союзовъ, *возложить на партію отвѣтственность* за отдѣльные шаги отдѣльныхъ союзовъ. Партія должна и будетъ стараться пропитать своимъ духомъ, подчинить своему вліянію цеховые союзы, но именно въ интересахъ этого вліянія она должна выдѣлять вполнѣ соціальдемократическіе (входящіе въ соціальдемократическую партію) элементы этихъ союзовъ отъ невполнѣ сознательныхъ и невполнѣ политически активныхъ, а не смѣшивать тѣ и другіе, какъ хочетъ тов. Аксельродъ.

„...Централизація наиболѣе конспиративныхъ функцій организаціей революціонеровъ не обезсилитъ, а обогатитъ широту и содержательность дѣятельности цѣлой массы другихъ организацій, разсчитанныхъ на широкую публику и потому возможно менѣе оформленныхъ и возможно менѣе конспиративныхъ: и рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, и рабочихъ кружковъ самообразованія и чтенія нелегальной литературы, и соціалистическихъ, а также демократическихъ кружковъ во *всѣхъ* другихъ слояхъ населенія и проч. и прч. Такіе кружки, союзы и организаціи необходимы повсюду въ *самомъ широкомъ* числѣ, съ самыми разнообразными функціями, но нелѣпо и вредно *смѣшивать* ихъ съ организаціей *революціонеровъ*, стирать грань между ними“... (стр. 96). Изъ этой справки видно, какъ не кстати напоминалъ мнѣ тов. Мартовъ, что организацію революціонеровъ должны *облекать* широкія рабочія организаціи. Я указывалъ на это еще въ „Что дѣлать“, а въ „Письмѣ къ товарищу“ развивалъ эту идею конкретнѣе. Заводскіе кружки — писалъ я тамъ — „для насъ особенно важны: вѣдь вся главная сила движенія — въ организованности рабочихъ на *крупныхъ* заводахъ, ибо крупные заводы (и фабрики) включаютъ въ себя не только преобладающую по численности, но еще болѣе преобладающую по вліянію, развитію, способности ея къ борьбѣ часть рабочаго класса. Каждый заводъ долженъ быть нашей крѣпостью... Заводской подкомитетъ долженъ стараться охватить весь заводъ, возможно большую долю рабочихъ сѣтью всевозможныхъ кружковъ (или агентовъ)... Всѣ группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положеніи комитетскихъ учрежденій или филіальныхъ отдѣленій комитета. Одни изъ нихъ прямо заявятъ о своемъ желаніи войти въ составъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар. и, *при условіи утвержденія* комитетомъ, войдутъ въ ея составъ, примутъ на себя

(по порученію комитета или по соглашенію съ нимъ) извѣстныя функціи, обяжутся повиноваться распоряженіямъ органовъ партіи, *получатъ права всѣхъ членовъ партіи*, будутъ считаться ближайшими кандидатами въ члены комитета и т. д. Другіе *не войдутъ* въ Р. С.-Д. Р. П., будутъ на положеніи кружковъ, устроенныхъ членами партіи, или примыкающихъ къ той или иной группѣ партіи и т. д." (стр. 17-18). Изъ подчеркнутыхъ мною словъ особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки § 1 вполнѣ выражена уже въ „Письмѣ къ товарищу". Условія вхожденія въ партію прямо указаны здѣсь, именно: 1) извѣстная степень организованности и 2) утвержденіе комитета партіи. Страницей дальше я указываю примѣрно и то, какія группы и организаціи и по какимъ соображеніямъ должны (или не должны) быть вводимы въ партію: „Группа разносчиковъ должна принадлежать къ Р. С.-Д. Р. П. и знать извѣстное число ея членовъ и ея должностныхъ лицъ. Группа, изучающая профессіональныя условія труда и вырабатывающая виды профессіональныхъ требованій, не обязательно должна принадлежать къ Р. С.-Д. Р. П. Группа студентовъ, офицеровъ, служащихъ, занимающихся самообразованіемъ *при участіи* одного-двухъ членовъ партіи, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности къ партіи и т. д." (стр. 18-19).

Вотъ вамъ еще матеріалъ къ вопросу объ „открытомъ забралѣ"! Въ то время, какъ формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагиваетъ даже отношенія партіи къ организаціи, — я указывалъ уже чуть ли не за годъ до съѣзда, что однѣ организаціи должны войти въ партію, другія — нѣтъ. Въ „Письмѣ къ товарищу" ясно выступаетъ уже идея, защищавшаяся мною на съѣздѣ. Дѣло наглядно могло бы быть представлено слѣдующимъ образомъ. По степени организованности вообще и конспиративности организаціи въ частности можно различать такіе, примѣрно, разряды: 1) организаціи революціонеровъ; 2) организаціи рабочихъ, возможно болѣе широкія и разнообразныя (я ограничиваюсь однимъ рабочимъ классомъ, предполагая само собою разумѣющимся, что извѣстные элементы другихъ классовъ тоже войдутъ сюда, при извѣстныхъ условіяхъ). Эти два разряда составляютъ партію. Далѣе, 3) организаціи рабочихъ, примыкающія къ партіи; 4) организаціи рабочихъ, не примыкающія къ партіи, но фактически подчиняющіяся ея контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочаго класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ крупныхъ проявленій классовой борьбы, руководству соціальдемократіи. Вотъ какъ, приблизительно, представляется дѣло, съ моей точки зрѣнія. Наоборотъ, съ точки зрѣнія тов. Мартова, граница партіи остается совершенно неопредѣленной, ибо „каждый стачечникъ" можетъ „объявлять себя

членомъ партіи". Какая польза отъ этой расплывчатости? Широкое распространеніе „названія". Вредъ ея — внесеніе *дезорганизующей* идеи о смѣшеніи класса и партіи.

Для иллюстраціи выставленныхъ нами общихъ положеній бросимъ еще бѣглый взглядъ на дальнѣйшія пренія на съѣздѣ по § 1. Тов. Брукэръ высказывается (къ удовольствію тов. Мартова) за мою формулировку, но *его* союзъ со мною оказывается, въ отличіе отъ союза тов. Акимова съ Мартовымъ, основаннымъ на недоразумѣніи. Тов. Брукэръ „несогласенъ со всѣмъ уставомъ и всѣмъ его духомъ" (страница 239) и защищаетъ мою формулу, *какъ основу демократизма*, желаннаго для сторонниковъ „Рабочаго Дѣла". Т. Брукэръ не поднялся еще на ту точку зрѣнія, что въ политической борьбѣ приходится иногда выбирать *меньшее изъ золъ;* т. Брукэръ не замѣтилъ, что защищать демократизмъ на такомъ съѣздѣ, какъ нашъ, безполезно. Т. Акимовъ оказался прозорливѣе. Онъ совершенно вѣрно поставилъ вопросъ, признавши, что „тт. Мартовъ и Ленинъ спорятъ, какая (формулировка) лучше достигаетъ ихъ общей цѣли" (стр. 252). „Я и Брукэръ — продолжаетъ онъ — хотимъ выбрать ту, *которая меньше достигаетъ цѣли.* Въ этомъ отношеніи я выбираю формулировку Мартова". И т. Акимовъ съ откровенностью пояснилъ, что „самую цѣль ихъ" (Плеханова, Мартова и мою — созданіе руководящей организаціи революціонеровъ) онъ считаетъ „неосуществимой и вредной"; онъ отстаиваетъ, какъ и тов. Мартыновъ,[1]) идею экономистовъ о ненужности „организаціи революціонеровъ". Онъ „полонъ вѣры, что жизнь все же ворвется въ нашу партійную организацію, независимо отъ того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина". На этомъ „хвостистскомъ" пониманіи „жизни" не стоило бы останавливаться, если бы мы не встрѣтили его также у т. Мартова. Вторая рѣчь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоитъ разобрать подробно.

Первый доводъ т. Мартова: контроль партійныхъ организацій надъ не входящими въ организаціи членами партіи „осуществимъ, поскольку комитетъ, поручая кому-либо извѣстную функцію, имѣетъ возможность слѣдить за ней" (стр. 245). Этотъ тезисъ замѣчательно характеренъ, ибо онъ „выдаетъ",

1) Тов. Мартыновъ, впрочемъ, хочетъ отличаться отъ тов. Акимова, хочетъ доказать, что заговорщическій будто бы не значитъ конспиративный, что за разницей этихъ словъ скрывается разница понятій. Какая это разница, ни тов. Мартыновъ, ни идущій теперь по его стопамъ тов. Аксельродъ такъ и не объяснили. Тов. Мартыновъ „дѣлаетъ видъ", будто я, напримѣръ, въ „Что дѣлать" не высказался рѣшительно (какъ и въ Задачахъ) противъ „*суженія* политической борьбы до заговора". Тов. Мартыновъ хочетъ заставить слушателей *забыть*, что тѣ, съ кѣмъ я воевалъ, *не видѣли* надобности въ *организаціи революціонеровъ,* какъ не видитъ ея и сейчасъ товарищъ Акимовъ.

если можно такъ выразиться, *кому* нужна и кому будетъ *на дѣлѣ* служить формулировка Мартова: интеллигентнымъ ли одиночкамъ или рабочимъ группамъ и рабочимъ массамъ. Дѣло въ томъ, что возможны два толкованія формулы Мартова: 1) членомъ партіи вправѣ „*объявлять себя*“ (слова самого т. Мартова) всякій, кто оказываетъ ей регулярное личное содѣйствіе подъ руководствомъ одной изъ ея организацій; 2) членомъ партіи всякая ея организація *вправѣ признать* всякаго, кто оказываетъ ей регулярное личное содѣйствіе подъ ея руководствомъ. Только первое толкованіе даетъ дѣйствительно возможность „каждому стачечнику“ назваться членомъ партіи, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеровъ, Акимовыхъ и Мартыновыхъ. Но это толкованіе является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдетъ весь рабочій классъ, и сотрется различіе между партіей и классомъ: о контролѣ и руководствѣ за „каждымъ стачечникомъ“ можно говорить только „символически“. Вотъ почему т. Мартовъ и сбился во второй своей рѣчи сейчасъ же на второе толкованіе (хотя, въ скобкахъ сказать, *оно прямо отклонено съѣздомъ*, отвергшимъ резолюцію Костича, стр. 255): комитетъ будетъ поручать функціи и слѣдить за ихъ выполненіемъ. Такія спеціальныя порученія никогда, конечно, не будутъ имѣть мѣста по отношенію къ *массѣ* рабочихъ, къ *тысячамъ* пролетаріевъ (о которыхъ говоритъ т. Аксельродъ и т. Мартыновъ), — они будутъ даваться зачастую вотъ именно тѣмъ *профессорамъ*, которыхъ поминалъ т. Аксельродъ, тѣмъ *гимназистамъ*, о которыхъ заботился т. Либеръ и т. Поповъ (с. 241), той *революціонной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельродъ въ своей второй рѣчи (стр. 242). Однимъ словомъ, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесетъ пользу главнымъ образомъ и почти исключительно „*интеллигентамъ, насквозь пропитаннымъ буржуазнымъ индивидуализмомъ*“ и не желающимъ входить въ организацію. *На словахъ* формула Мартова отстаиваетъ интересы широкихъ слоевъ пролетаріата; *на дѣлѣ* эта формула послужитъ интересамъ *буржуазной интеллигенціи*, чурающейся пролетарской дисциплины и организаціи. Никто не рѣшится отрицать, что *интеллигенція, какъ особый слой* современныхъ капиталистическихъ обществъ, характеризуется, въ общемъ и цѣломъ, *именно индивидуализмомъ* и неспособностью къ дисциплинѣ и организаціи (ср. хотя бы извѣстныя статьи Каутскаго объ интеллигенціи); въ этомъ, между прочимъ, состоитъ невыгодное отличіе этого общественнаго слоя отъ пролетаріата; въ этомъ заключается одно изъ объясненій интеллигентской дряблости и неустойчивости, такъ часто дающей себя чувствовать пролетаріату; и это свойство интеллигенціи стоитъ въ неразрывной связи съ обычными условіями ея жизни, условіями ея заработка, приближающимися въ

очень и очень многомъ къ условіямъ *мелкобуржуазнаго существованія* (работа въ одиночку или въ очень мелкихъ коллективахъ и т. д.). Не случайность, наконецъ, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примѣры профессоровъ и гимназистовъ! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, въ спорахъ о § 1, противъ поборниковъ радикально-заговорщической организаціи, какъ думали тт. Мартыновъ и Аксельродъ, а сторонники *буржуазно-интеллигентскаго индивидуализма* столкнулись съ сторонниками *пролетарской организаціи и дисциплины*.

Тов. Поповъ говорилъ: „Всюду въ С.-Петербургѣ, какъ въ Николаевѣ или Одессѣ, по свидѣтельству представителей этихъ городовъ, есть десятки рабочихъ, которые распространяютъ литературу, ведутъ устную агитацію и которые не могутъ быть членами организаціи. Ихъ можно приписать къ организаціи, но считать членами нельзя“ (стр. 241). Почему они не могутъ быть членами организаціи? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировалъ выше мѣсто изъ „Письма къ товарищу“, показывающее, что именно включеніе всѣхъ такихъ рабочихъ (сотнями, а не десятками) въ организаціи и возможно и необходимо, причемъ очень и очень многія изъ этихъ организацій могутъ и должны войти въ партію.

Второй доводъ т. Мартова: „Для Ленина нѣтъ иныхъ организацій въ партіи кромѣ партійныхъ организацій“... Совершенно вѣрно! „Для меня, напротивъ, такія организаціи должны существовать. Жизнь создаетъ и плодитъ организаціи скорѣе, чѣмъ мы успѣемъ включить ихъ въ іерархію нашей боевой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“... Это въ двухъ отношеніяхъ невѣрно: 1) „жизнь“ плодитъ гораздо меньше дѣльныхъ организацій революціонеровъ, чѣмъ намъ нужно, чѣмъ требуется рабочимъ движеніемъ; 2) партія наша должна быть іерархіей не только организацій революціонеровъ, но и массы рабочихъ организацій... „Ленинъ думаетъ, что Ц. К. утвердитъ въ званіи партійныхъ только тѣ организаціи, которыя будутъ вполнѣ надежны въ принципіальномъ отношеніи. Но т. Брукэръ хорошо понимаетъ, что жизнь (sic!) возьметъ свое и что Ц. К., чтобы не оставить внѣ партіи множества организацій, долженъ будетъ ихъ легализировать, несмотря на ихъ вполнѣ ненадежный характеръ; поэтому т. Брукэръ и присоединяется къ Ленину...“ Вотъ уже по-истинѣ хвостистское пониманіе „жизни“! Конечно, если бы Ц. К. *обязательно* состоялъ изъ людей, руководящихся не своимъ мнѣніемъ, а тѣмъ, что другіе скажутъ (см. инцидентъ съ О. К.), тогда „жизнь“ взяла бы „свое“ въ томъ смыслѣ, что наиболѣе отсталые элементы партіи взяли бы верхъ *(какъ это и случилось теперь, когда составилось изъ отсталыхъ элементовъ партійное „меньшинство“)*. Но ни одной *осмысленной* причины нельзя привести,

которая бы заставила *толковый* Ц. К. вводить въ партію „ненадежные“ элементы. Именно этой ссылкой на „жизнь“, которая „плодитъ“ ненадежные элементы, т. Мартовъ и показываетъ воочію оппортунистическій характеръ своего организаціоннаго плана!.. „Я же думаю, — продолжаетъ онъ, — что если такая организація (не вполнѣ надежная) согласна принять партійную программу и партійный контроль, то мы можемъ ввести ее въ партію, не дѣлая ее тѣмъ самымъ партійной организаціей. Я бы считалъ большимъ торжествомъ нашей партіи, если бы, напримѣръ, какой-нибудь союзъ „независимыхъ“ опредѣлилъ, что онъ принимаетъ точку зрѣнія соціальдемократіи и ея программу и вступаетъ въ партію, что не значитъ, однако, что мы включаемъ союзъ въ партійную организацію“... Вотъ до какой путаницы доводитъ формула Мартова: непартійныя организаціи, входящія въ партію! Представьте только себѣ *его* схему: партія = 1) организаціи революціонеровъ + 2) организаціи рабочихъ, признанныя партійными, + 3) организаціи рабочихъ, непризнанныя партійными (преимущественно изъ „независимыхъ“) + 4) одиночки, исполняющія разныя функціи, профессора, гимназисты и т. д. + 5) „каждый стачечникъ“. Рядомъ съ этимъ замѣчательнымъ планомъ можно поставить лишь слова т. Либера: „Наша задача не только организовать организацію (!!), мы можемъ и должны организовать партію“ (стр. 241). Да, конечно, мы можемъ и должны сдѣлать это, но для этого нужны не лишенныя смысла слова объ „организаціи организацій“, а *прямое требованіе* отъ членовъ партіи, чтобы они работали надъ *организаціей* на дѣлѣ. Говорить объ „организаціи партіи“ и защищать прикрытіе словомъ партія всякой неорганизованности и всякаго разброда — значитъ говорить пустыя слова.

„Наша формулировка — говоритъ т. Мартовъ — выражаетъ стремленіе къ тому, чтобы между организаціей революціонеровъ и массой былъ рядъ организацій“. Именно нѣтъ. Этого-то дѣйствительно обязательнаго стремленія и *не выражаетъ* формула Мартова, ибо она *не даетъ стимула организоваться*, не содержитъ требованія организоваться, не отдѣляетъ организованнаго отъ неорганизованнаго. Она даетъ одно только *званье*[1]), и по этому поводу нельзя не вспомнить

[1]) На съѣздѣ Лиги тов. Мартовъ выдвинулъ еще одинъ доводъ въ пользу своей формулировки, надъ которымъ стоитъ посмѣяться. „Мы могли бы указать, — говоритъ онъ — что формула Ленина, понятая буквально, выключаетъ изъ партіи *агентовъ Ц. К.*, ибо послѣдніе не составляютъ организаціи“ (стр. 59). Доводъ этотъ и на съѣздѣ Лиги былъ встрѣченъ *смѣхомъ*, какъ значится въ протоколахъ. Тов. Мартовъ полагаетъ, что указанное имъ „затрудненіе“ разрѣшимо только тѣмъ, что агенты Ц. К. входятъ въ „организацію Ц. К.“ Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что своимъ примѣромъ тов. Мартовъ наглядно показалъ *свое полное непониманіе идеи § 1*, показалъ чисто буквоѣдскій образчикъ критики, дѣйствительно заслуживающій насмѣшки. *Формально*, достаточно было бы образовать „организацію

словъ т. Аксельрода: „Никакими декретами нельзя запретить имъ (кружкамъ революціонной молодежи и проч.) и отдѣльнымъ лицамъ называть себя соціальдемократами“ (святая истина!) „и даже считать себя частью партіи“... вотъ это уже *безусловно невѣрно!* Запрещать называться соціальдемократомъ нельзя и *незачѣмъ*, ибо это слово выражаетъ *непосредственно* лишь систему убѣжденій, а не опредѣленныя организаціонныя отношенія. Запрещать отдѣльнымъ кружкамъ и лицамъ „считать себя частью партіи“ можно и должно, когда эти кружки и лица вредятъ дѣлу партіи, развращаютъ или дезорганизуютъ ее. Смѣшно было бы говорить о *партіи*, какъ цѣломъ, какъ политической величинѣ, если бы она не могла „декретомъ запретить“ кружку „считать себя частью“ цѣлаго! И къ чему бы тогда опредѣлять порядокъ и условія исключенія изъ партіи? Тов. Аксельродъ наглядно привелъ къ абсурду основную ошибку т. Мартова; онъ возвелъ даже эту ошибку въ *оппортунистическую теорію*, когда добавилъ: „въ формулировкѣ Ленина § 1 является прямымъ принципіальнымъ противорѣчіемъ съ самой сущностью (!!), съ задачами соціальдемократической партіи пролетаріата“ (стр. 243). Это значитъ не больше и не меньше какъ: предъявленіе болѣе высокихъ требованій къ партіи, чѣмъ къ классу, есть принципіальное противорѣчіе съ самой сущностью задачъ пролетаріата. Неудивительно, что Акимовъ горой всталъ за такую *теорію*.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что тов. Аксельродъ, *теперь* желающій превратить эту ошибочную, явно клонящую къ оппортунизму формулировку, въ зерно *новыхъ* взглядовъ, —на съѣздѣ выразилъ, наоборотъ, готовность „поторговаться“, сказавши: „Но я замѣчаю, что стучусь въ открытую дверь“... (я замѣчаю также это и на новой „Искрѣ“)... „потому что тов. Ленинъ со своими периферійными кружками, считающимися частями партійной организаціи, идетъ навстрѣчу моему требованію“... (и не только съ периферійными кружками, но и со всякаго рода рабочими союзами: ср. стр. 242

агентовъ Ц. К.“, составить *постановленіе* о включеніи ея въ партію, и „затрудненіе“, причинившее столько головоломной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. *Идея* же § 1 въ моей формулировкѣ состоитъ въ *стимулѣ:* „организуйтесь!“ въ *обезпеченіи реальнаго* контроля и руководства. Съ точки зрѣнія *существа дѣла* смѣшонъ самый вопросъ о томъ, войдутъ ли въ партію агенты Ц. К., ибо *реальный* контроль за ними обезпеченъ вполнѣ и безусловно *уже тѣмъ, что они назначены въ агенты*, уже тѣмъ, что ихъ оставляютъ въ должности агентовъ. Слѣд., о смѣшеніи организованнаго и неорганизованнаго (корень ошибки въ формулировкѣ тов. Мартова) здѣсь нѣтъ и рѣчи. Негодность формулы тов. Мартова состоитъ въ томъ, что всякій и каждый можетъ *объявить себя* членомъ партіи, всякій оппортунистъ, всякій праздноболтающій, всякій „профессоръ“ и всякій „гимназистъ“. Эту *ахиллесову пяту* своей формулировки тов. Мартовъ тщетно пытается *заговорить* посредствомъ такихъ примѣровъ, когда не можетъ быть и рѣчи о самозачисленіи себя въ члены, объ объявленіи себя членомъ.

прот.. изъ рѣчи тов. Страхова, и цитированныя выше выписки изъ „Что дѣлать“ и „Письма къ товарищу“)... „Остаются еще отдѣльныя лица, но и тутъ можно бы еще поторговаться“. Я отвѣтилъ тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и долженъ пояснить теперь, въ какомъ смыслѣ было сказано это. Именно насчетъ отдѣльныхъ лицъ, всѣхъ этихъ профессоровъ, гимназистовъ и проч., всего менѣе согласился бы я на уступки: но если возбуждено было сомнѣніе насчетъ рабочихъ организацій, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную несостоятельность этихъ сомнѣній) добавить къ моему 1 § примѣчаніе вродѣ такого: „Рабочія организаціи, принимающія программу и уставъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, должны быть въ возможно большемъ числѣ включены въ число партійныхъ организацій“. Конечно, говоря строго, такому пожеланію мѣсто не въ уставѣ, который долженъ ограничиваться юридическими опредѣленіями, а въ пояснительныхъ комментаріяхъ, въ брошюрахъ (и я уже указалъ, что въ своихъ брошюрахъ я задолго до устава приводилъ такія поясненія), но такое примѣчаніе не содержало бы, по крайней мѣрѣ, въ себѣ ни тѣни *невѣрныхъ*, способныхъ вести къ дезорганизаціи, мыслей, ни тѣни *оппортунистическихъ* разсужденій[1])

[1]) Къ числу такихъ разсужденій, неизбѣжно всплывающихъ при попыткахъ обоснованія Мартовской формулы, принадлежитъ въ особенности фраза тов. Троцкаго (стр. 248 и 346), что „оппортунизмъ создается болѣе сложными (или: опредѣляется болѣе глубокими) причинами, чѣмъ тотъ или другой пунктъ устава. — онъ вызывается относительнымъ уровнемъ развитія буржуазной демократіи и пролетаріата“... Не въ томъ дѣло, что пункты устава могутъ создавать оппортунизмъ, а въ томъ, чтобы сковать при помощи ихъ болѣе или менѣе острое оружіе противъ оппортунизма. Чѣмъ глубже его причины, тѣмъ острѣе должно быть это оружіе. Поэтому *оправдывать* „глубокими причинами“ оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизмъ чистѣйшей воды. Когда тов. Троцкій былъ противъ тов. Либера, онъ понималъ, что уставъ есть „организованное недовѣріе“ цѣлаго къ части, передового отряда къ отсталому отряду; а когда тов. Троцкій оказался на сторонѣ тов. Либера, онъ уже забылъ это и даже сталъ оправдывать *слабость* и шаткость нашей организаціи этого недовѣрія (недовѣрія къ оппортунизму) „сложными причинами“, „уровнемъ развитія пролетаріата“ и т. п. Другой доводъ тов. Троцкаго: „интеллигентной молодежи, такъ или иначе сорганизованной, гораздо легче *занести себя* (курс. мой) въ списки партіи“. Именно. Поэтому страдаетъ интеллигентской расплывчатостью та формулировка, въ силу коей даже неорганизованные элементы *объявляютъ себя* членами партіи, а не моя, *устраняющая* право „заносить *себя*“ въ списки. Тов. Троцкій говоритъ, что если Ц. К. „не признаетъ“ организаціи оппортунистовъ, то только изъ за характера лицъ, а разъ эти лица извѣстны, какъ политическія индивидуальности, то они не опасны, ихъ можно удалить общепартійнымъ бойкотомъ. Это вѣрно лишь по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда нужно *удалить изъ партіи* (да и то вѣрно на половину, ибо организованная партія *удаляетъ* вотумомъ, а не бойкотомъ). Это совершенно невѣрно по отношенію къ гораздо болѣе частымъ случаямъ, когда нелѣпо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для цѣлей контроля Ц. К. *нарочно* можетъ включить въ партію на извѣстныхъ условіяхъ не совсѣмъ надежную, но работоспособную организацію съ тѣмъ, чтобы испытать ее, чтобы

и „*анархическихъ концепцій*", несомнѣнно входящихъ въ формулировку тов. Мартова.

Послѣднее, приведенное мною въ ковычкахъ, выраженіе принадлежитъ тов. Павловичу, который очень справедливо отнесъ къ *анархизму* признаніе членовъ „*безотвѣтственныхъ* и самихъ себя *зачисляющихъ* въ партію". „Въ переводѣ на простой языкъ" — разъяснялъ тов. Павловичъ мою формулировку тов. Либеру — она означаетъ: „разъ ты хочешь быть членомъ партіи, ты долженъ не только платонически признавать и организаціонныя отношенія". Какъ ни простъ этотъ „переводъ", онъ оказался, однако, не лишнимъ (какъ показали событія послѣ съѣзда) не только для разныхъ сомнительныхъ профессоровъ и гимназистовъ, но и для самыхъ доподлинныхъ членовъ партіи, для людей верха... Не менѣе справедливо указалъ тов. Павловичъ на противорѣчіе между формулой тов. Мартова и тѣмъ безспорнымъ положеніемъ научнаго соціализма, которое цитировалъ такъ неудачно тотъ же тов. Мартовъ. „Наша партія есть сознательная выразительница безсознательнаго процесса". Именно такъ. И именно поэтому неправильно тянуться за тѣмъ, чтобы „каждый стачечникъ" могъ называть себя членомъ партіи, ибо если бы „каждая стачка" была не только стихійнымъ выраженіемъ могучаго классового инстинкта и классовой борьбы, неизбѣжно ведущей къ соціальной революціи, а *сознательнымъ выраженіемъ* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партія сейчасъ же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочій классъ а, слѣдовательно, сразу покончила бы и со *всѣмъ буржуазнымъ обществомъ*. Чтобы быть *на дѣлѣ* сознательной выразительницей, партія должна умѣть выработать такія организаціонныя отношенія, которыя бы *обезпечивали извѣстный уровень* сознательности и систематически поднимали этотъ уровень. „Ужъ если идти путемъ Мартова — сказалъ тов. Павловичъ — то прежде всего нужно выкинуть пунктъ о признаніи *программы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признаніе программы обусловливается довольно высокимъ уровнемъ политическаго сознанія". Мы никогда не допу-

---

попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своимъ руководствомъ парализовать ея частичныя уклоненія и т. д. Такое включеніе не опасно, *если* не допускается вообще „*занесеніе себя*" въ списки партіи. Такое включеніе часто будетъ полезно для открытаго и *отвѣтственнаго*, подконтрольнаго, выраженія (и обсужденія) ошибочныхъ взглядовъ и ошибочной тактики. „Но если юридическія опредѣленія должны соотвѣтствовать фактическимъ отношеніямъ, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута" — говоритъ тов. Троцкій и говоритъ опять, какъ оппортунистъ. Фактическія отношенія не мертвы, а живутъ и развиваются. Юридическія опредѣленія могутъ соотвѣтствовать прогрессивному развитію этихъ отношеній, но могутъ также (если эти опредѣленія плохи) „соотвѣтствовать" регрессу или застою. Этотъ послѣдній случай и есть „случай" тов. Мартова.

стимъ, чтобы *поддержки* соціальдемократіи, чтобы *участіе* въ руководимой ей борьбѣ искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованіями (усвоенія, пониманія и проч.), ибо самое это *участіе* однимъ уже фактомъ своего проявленія *поднимаетъ* и сознательность и организаціонные инстинкты, но разъ *мы соединились въ партію* для планомѣрной работы, то мы должны позаботиться объ обезпеченіи этой планомѣрности.

Что предостереженіе тов. Павловича насчетъ программы оказалось не лишнимъ, это обнаружилось *тотчасъ же*, втеченіе *того же самаго* засѣданія. Тов. Акимовъ и Либеръ, которые провели формулировку тов. Мартова[1]), *сейчасъ же* обнаружили свою истинную натуру, потребовавъ (стр. 254-5), чтобы и программу надо было (для „членства" въ партіи) признавать лишь платонически, лишь ея „основныя положенія". „Предложеніе тов. Акимова вполнѣ логично, съ точки зрѣнія тов. Мартова" — отмѣтилъ тов. Павловичъ. Къ сожалѣнію, мы не видимъ изъ протоколовъ, *сколько* голосовъ объединило это Акимовское предложеніе, — по всей вѣроятности, не менѣе семи (пять бундовскихъ, Акимовъ и Брукэръ). И какъ разъ уходъ именно *семи* делегатовъ со съѣзда превратилъ „компактное большинство" (анти-искровцевъ, „центра" и мартовцевъ), начавшее складываться по § 1 устава, въ компактное меньшинство! Какъ разъ уходъ именно *семи* делегатовъ повелъ къ провалу предложенія объ утвержденіи старой редакціи, этого якобы вопіющаго нарушенія „преемственности" въ веденіи „Искры"! Оригинальная же *семерка* была единственнымъ спасеніемъ и залогомъ искровской „преемственности": эту семерку составляли бундовцы, Акимовъ и Брукэръ, т. е. какъ разъ делегаты, вотировавшіе противъ *мотивовъ* признанія „Искры" центральнымъ органомъ, какъ разъ делегаты, оппортунизмъ которыхъ десятки разъ былъ признаваемъ съѣздомъ и признанъ, въ частности, Мартовымъ и Плехановымъ по вопросу о *смягченіи* § 1 насчетъ программы. „Преемственность" „Искры", охраняемая анти-искровцами! — мы подходимъ тутъ къ *завязкѣ* послѣсъѣздовской трагикомедіи.

* *
*

Группировка голосовъ по § первому устава обнаружила явленіе совершенно того же типа, какъ и въ инцидентѣ съ

[1]) За нее было подано 28 голосовъ, противъ 22. Изъ восьми анти-искровцевъ семь было за Мартова, одинъ за меня. Безъ помощи оппортунистовъ тов. Мартовъ не провелъ бы своей оппортунистической формулы. (На съѣздѣ Лиги тов. Мартовъ очень неудачно пытался опровергнуть этотъ несомнѣнный фактъ, ограничиваясь почему-то голосами однихъ бундовцевъ и забывая о тов. Акимовѣ и его друзьяхъ. — вѣрнѣе, вспоминая о нихъ *лишь* тогда, когда это могло свидѣтельствовать противъ меня — согласіе со мной тов. Брукэра).

равноправіемъ языковъ: отпаденіе отъ искровскаго большинства четвертой (приблизительно) его части даетъ возможность побѣды анти-искровцамъ, за которыми идетъ „центръ". Конечно, и здѣсь есть отдѣльные голоса, нарушающіе полную стройность картины, — въ такомъ большомъ собраніи, какъ нашъ съѣздъ, неизбѣжно оказывается часть „дикихъ", случайно попадающихъ то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, какъ § первый, гдѣ истинный характеръ расхожденія только еще намѣчался и многіе прямо *неуспѣвали разобраться* (при отсутствіи предварительной разработки вопроса въ литературѣ.) Отъ искровцевъ большинства отпало пять голосовъ (Русовъ и Карскій по два голоса и Ленскій съ однимъ голосомъ): наоборотъ, къ нимъ примкнули одинъ анти-искровецъ (Брукеръ) и трое изъ центра (Медвѣдевъ, Егоровъ и Царевъ); получилась сумма въ 23 голоса (24 — 5 + 4), на одинъ голосъ меньше окончательной группировки по выборамъ. *Большинство дали Мартову анти-искровцы*, изъ которыхъ 7 было за него и одинъ за меня (изъ „центра" тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиція меньшинства искровцевъ съ анти-искровцами и съ „центромъ", которая образовала компактное меньшинство въ концѣ съѣзда и послѣ съѣзда, *начала складываться*. Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сдѣлавшихъ *несомнѣнный шагъ къ оппортунизму и къ анархическому индивидуализму* въ формулировкѣ § перваго и особенно въ защитѣ этой формулировки, обнаружилась тотчасъ же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой аренѣ съѣзда, обаружилась тѣмъ, что наименѣе устойчивые и наименѣе принципіально-выдержанные элементы сразу двинули всѣ свои силы для расширенія той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядахъ революціонной соціальдемократіи. Совмѣстная работа на съѣздѣ людей, которые открыто преслѣдовали въ организаціонной области *разныя цѣли* (см. рѣчь Акимова), тотчасъ же толкнула *принципіальныхъ* противниковъ нашего организаціоннаго плана и нашего устава къ поддержкѣ ошибки т.т. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшіеся и въ этомъ вопросѣ вѣрными взглядамъ революціонной соціальдемократіи, оказались *въ меньшинствѣ*. Это — обстоятельство *громадной важности*, ибо безъ уясненія его совершенно нельзя понять ни борьбы изъ за частностей устава, ни борьбы изъ за личнаго состава Центральнаго Органа и Центральнаго Комитета.

i) Невинно пострадавшіе отъ ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ.

Прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшимъ преніямъ объ уставѣ, необходимо, для выясненія нашего расхожденія

по вопросу о личномъ составѣ центральныхъ учрежденій, коснуться *частныхъ* засѣданій организаціи „Искры", происходившихъ во время съѣзда. Послѣднее и самое важное изъ этихъ четырехъ засѣданій имѣло мѣсто *какъ разъ послѣ* голосованія о § первомъ устава, — такимъ образомъ, происшедшій на этомъ засѣданіи расколъ организаціи „Искры" явился и хронологически и логически предшествующимъ условіемъ дальнѣйшей борьбы.

Частныя засѣданія организаціи „Искры [1]) начались вскорѣ послѣ инцидента съ О. К., который далъ поводъ къ обсужденію вопроса о возможныхъ кандидатурахъ въ Ц. К. Само собою понятно, что въ силу отмѣны императивныхъ мандатовъ эти засѣданія носили исключительно совѣщательный, никого не связывающій характеръ, но ихъ значеніе тѣмъ не менѣе было огромно. Выборъ въ Ц. К. представлялъ значительныя трудности для делегатовъ, не знавшихъ ни конспиративныхъ именъ ни внутренней работы организаціи „Искры", — организаціи, создавшей фактическое единство Партіи, осуществившей то руководство практическимъ движеніемъ, которое послужило однимъ изъ мотивовъ оффиціальнаго признанія „Искры". Мы уже видѣли, что при единствѣ искровцевъ имъ было вполнѣ обезпечено крупное, до 3/5, большинство на съѣздѣ, и всѣ делегаты прекрасно понимали это. Всѣ искровцы именно и ждали того, чтобы *организація „Искры"* выступила съ рекомендаціей опредѣленнаго личнаго состава Ц. К., и ни одинъ членъ этой организаціи не возразилъ ни словомъ противъ предварительнаго обсужденія въ ней состава Ц. К., ни одинъ не заикнулся объ утвержденіи всего состава О. К., т. е. превращеніи его въ Ц. К., не заикнулся *даже о совѣщаніи* со всѣмъ составомъ О. К. относительно кандидатовъ въ Ц. К. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно и его крайне важно имѣть въ виду, ибо *теперь* мартовцы *заднимъ числомъ* усердно защищаютъ О. К., доказывая этимъ только въ сотый и тысячный разъ свою политическую безхарактерность. [2]) Покуда еще расколъ изъ за состава центровъ не сплотилъ

[1]) Я уже на съѣздѣ Лиги старался намѣтить по возможности узкія рамки изложенія того, что было на частныхъ собраніяхъ, во избѣжаніе неразрѣшимыхъ споровъ. Основные факты изложены и въ моемъ „Письмѣ въ редакцію „Искры" (с. 4). Т. Мартовъ не опротестовалъ ихъ въ своемъ „Отвѣтѣ".

[2]) Представьте только себѣ хорошенько эту „картину нравовъ": *делегатъ* организаціи „Искры" *на съѣздѣ* совѣщается *только* съ нею *и не заикается* даже о совѣщаніи съ О. К. Послѣ же пораженія своего и въ этой организаціи и на съѣздѣ, онъ начинаетъ *жалѣть* о не утвержденіи О. К., воспѣвать его заднимъ числомъ и величественно игнорировать организацію, которая дала ему мандатъ! Можно ручаться, что не найдется аналогичнаго факта въ исторіи ни единой дѣйствительно соціальдемократической и дѣйствительно рабочей партіи.

Мартова съ Акимовыми, — для всѣхъ ясно было на съѣздѣ то, въ чемъ легко убѣдится, изъ протоколовъ съѣзда и изъ всей исторіи „Искры“, всякій безпристрастный человѣкъ, именно: что О. К. былъ *главнымъ образомъ* коммиссіей по созыву съѣзда, коммиссіей, составленной нарочно изъ представителей разныхъ оттѣнковъ вплоть до бундовскаго; дѣйствительную же работу *созданія* организаціоннаго единства партіи всецѣло вынесла на своихъ плечахъ организація „Искры“ (надо имѣть также въ виду, что на съѣздѣ совершенно случайно отсутствовали *нѣсколько* искровскихъ членовъ О. К. какъ въ силу арестовъ, такъ и по другимъ „независящимъ“ обстоятельствамъ). Составъ бывшей на съѣздѣ организаціи „Искры“ приведенъ уже въ брошюрѣ т. Павловича (см. его Письмо о II съѣздѣ, стр. 13).

Окончательнымъ результатомъ жаркихъ дебатовъ въ организаціи „Искры“ было два вотума, приведенныхъ уже мной въ „Письмѣ въ редакцію“. Первый вотумъ: „отвергается одна изъ поддерживаемыхъ Мартовымъ кандидатуръ девятью голосами противъ четырехъ при трехъ воздержавшихся.“ Казалось бы, что можетъ быть проще и естественнѣе такого факта: съ общаго согласія всѣхъ шестнадцати бывшихъ на съѣздѣ членовъ организаціи „Искры“ обсуждается вопросъ о возможныхъ кандидатурахъ, и большинствомъ отвергается одна изъ кандидатуръ т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, какъ выболталъ уже теперь, не утерпѣвъ, и самъ т. Мартовъ, ст. 69 „Осаднаго положенія“)? Вѣдь на партійный съѣздъ мы и собрались, между прочимъ, какъ разъ для того, чтобы обсудить и рѣшить вопросъ о томъ, кому вручить „дирижерскую палочку“ — и нашей общей партійной обязанностью было удѣлить этому пункту порядка дня самое серьезное вниманіе, рѣшить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія *интересовъ дѣла*, а не „обывательскихъ нѣжностей“, какъ выразился потомъ совершенно справедливо т. Русовъ. Конечно, при обсужденіи вопроса о кандидатахъ *на съѣздѣ* нельзя было не коснуться и извѣстныхъ личныхъ качествъ, нельзя было не высказать своего одобренія или неодобренія,[1]) особ-

[1]) Тов. Мартовъ горько жаловался въ Лигѣ на рѣзкость моего неодобренія. не замѣчая, что изъ его жалобъ получается выводъ противъ него самого. Ленинъ велъ себя, — употребляя его же выраженіе, бѣшено (с. 63 протоколовъ Лиги). Вѣрно. Онъ хлопалъ дверью. Правда. Онъ возмутилъ своимъ поведеніемъ (на второмъ или третьемъ засѣданіи орг. „Искры“) оставшихся на собраніи членовъ. Истина. — Но что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что мои доводы по существу спорныхъ вопросовъ были убѣдительны и подтверждались ходомъ съѣзда. Въ самомъ дѣлѣ, если со мной оказалось все же, въ концѣ концовъ, девять изъ шестнадцати членовъ организаціи „Искры“, то ясно, что это произошло *несмотря* на зловредныя рѣзкости, *вопреки* имъ. Значитъ, если бы не было „рѣзкостей“, то можетъ быть еще больше, чѣмъ девять, было бы на моей сторонѣ. Значитъ, тѣмъ болѣе убѣдительны были доводы и факты, чѣмъ большее „возмущеніе“ должны были они перевѣсить.

бенно въ неоффиціальномъ и тѣсномъ собраніи. *И я уже на съѣздѣ Лиги предупреждалъ*, что неодобреніе кандидатуры нелѣпо считать чѣмъ то „позорящимъ“ (с. 49 прот. Лиги), нелѣпо дѣлать „сцену“ и подымать истерику изъ-за того, что входитъ въ прямое выполненіе партійной обязанности выбирать должностныхъ лицъ сознательно и осмотрительно. А, между тѣмъ, вѣдь для нашего меньшинства отсюда то и загорѣлся сыръ-боръ, они стали кричать *послѣ съѣзда* о „разрушеніи репутаціи“ (с. 70 прот. Лиги) и увѣрять *печатно широкую публику*, что т. Штейнъ былъ „главнымъ дѣятелемъ“ бывшаго О. К. и что его неосновательно обвиняли „въ какихъ то адскихъ планахъ“ (с. 69 „Осадное Положеніе“). Ну, развѣ это не истерика, когда по поводу одобренія или неодобренія кандидатовъ кричать о „разрушеніи репутаціи“? Развѣ это не дрязга, когда, потерпѣвъ пораженіе и въ частномъ собраніи организаціи „Искры“, и въ оффиціальномъ, высшемъ партійномъ собраніи, на съѣздѣ, люди потомъ подымаютъ жалобы передъ улицей и рекомендуютъ почтеннѣйшей публикѣ забракованныхъ кандидатовъ, какъ „главныхъ дѣятелей“? — когда люди потомъ навязываютъ партіи своихъ кандидатовъ путемъ раскола и требованія *кооптаціи*? У насъ до того смѣшались въ затхлой заграничной атмосферѣ политическія понятія, что т. Мартовъ не умѣетъ уже отличить партійнаго долга отъ кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизмъ и формализмъ — думать, что вопросъ о кандидатахъ умѣстно обсуждать и рѣшать *только* на съѣздахъ, гдѣ делегаты собираются для обсужденія, прежде всего, важныхъ принципіальныхъ вопросовъ, гдѣ сходятся представители движенія, способные безпристрастно отнестись къ вопросу о лицахъ, способные (и обязанные) *затребовать* и собрать всѣ свѣдѣнія о кандидатахъ для подачи рѣшающаго голоса, гдѣ удѣленіе извѣстнаго мѣста спорамъ изъ за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вмѣсто этого бюрократическаго и формалистическаго взгляда, у насъ введены теперь иные нравы: мы будемъ, послѣ съѣздовъ, говорить направо и налѣво о политическихъ похоронахъ Ивана Иваныча, о разрушеніи репутаціи Ивана Никифоровича: кандидатовъ будутъ рекомендовать въ брошюрахъ тѣ или иные литераторы и при этомъ фарисейски увѣрять, бія себя въ грудь: не кружокъ а партія... Читающая публика изъ тѣхъ, кто охочъ до скандаловъ, такъ жадно будетъ упиваться этой сенсаціонной новостью, что вотъ такой то былъ главнымъ дѣятелемъ О. К., по увѣренію самого Мартова.[1]) Эта читающая пу-

[1]) Я тоже проводилъ въ организаціи „Искры“ и тоже не провелъ, подобно Мартову, одного кандидата въ Ц. К., относительно котораго я тоже могъ бы говорить о его великолѣпной, исключительными фактами доказываемой, репутаціи до съѣзда и въ началѣ съѣзда. Но мнѣ это не приходитъ

блика гораздо болѣе способна обсудить и рѣшить вопросъ, чѣмъ формалистическія учрежденія вродѣ съѣздовъ съ ихъ грубо-механическими рѣшеніями по большинству... Да, большія еще Авгіевы конюшни заграничной дрязги предстоитъ очистить нашимъ настоящимъ партійнымъ работникамъ!

Другой вотумъ организаціи „Искры“: „принимается десятью голосами противъ двухъ, при четырехъ воздержавшихся, списокъ пяти (въ Ц. К.), въ который введенъ, по моему предложенію, одинъ лидеръ неискровскихъ элементовъ и одинъ лидеръ искровскаго меньшинства.“ Этотъ вотумъ крайне важенъ, ибо онъ ясно и неопровержимо доказываетъ всю лживость наросшихъ потомъ, въ атмосферѣ дрязги, росказней, будто мы хотѣли вышибать изъ партіи или отстранять неискровцевъ, будто большинство выбирало только одной половиной съѣзда изъ одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотумъ показываетъ, что не только изъ партіи, но даже и изъ Ц. К. неискровцевъ мы не устраняли, а давали своимъ оппонентамъ весьма значительное *меньшинство*. Все дѣло было въ томъ, что они *хотѣли имѣть большинство* и, когда это скромное желаніе не осуществилось, они подняли *скандалъ*, съ полнымъ отказомъ отъ участія въ центрахъ. Что дѣло было именно такъ, вопреки утвержденіямъ т. Мартова въ Лигѣ, это видно изъ слѣдующаго *письма*, посланнаго намъ, большинству искровцевъ (и большинству съѣзда, по уходѣ семи) меньшинствомъ организаціи Искры вскорѣ послѣ принятія 1 § устава на съѣздѣ (надо замѣтить, что собраніе организаціи „Искры“, о которомъ я говорилъ, было *послѣднимъ*: послѣ него *фактически* организація распалась, и обѣ стороны старались убѣдить въ своей правотѣ остальныхъ делегатовъ съѣзда).

Вотъ текстъ письма:

„Выслушавъ объясненія делегатовъ Сорокина и Саблиной по вопросу о желаніи большинства редакціи и группы „Освобожденія Труда“ участвовать

въ голову. Этотъ товарищъ *достаточно уважаетъ себя*, чтобы *не позволить* никому выдвигать послѣ съѣзда печатно его кандидатуру или жаловаться на политическіе похороны, на разрушеніе репутаціи и т. д.

[1]) По моему разсчету, дата, приведенная въ письмѣ, приходится на вторникъ. Собраніе было во вторникъ вечеромъ, т. е. *послѣ* 28-го засѣданія съѣзда. Эта хронологическая справка очень важна. Она *документально опровергаетъ* мнѣніе тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу объ организаціи центровъ, а не по вопросу объ ихъ личномъ составѣ. Она *документально доказываетъ* правильность моего изложенія на съѣздѣ Лиги и въ „Письмѣ въ редакцію“. *Послѣ 28-го* засѣданія съѣзда тт. Мартовъ и Старовѣръ усиленно толкуютъ о ложномъ обвиненіи въ оппортунизмѣ и *ни слова не говорятъ* о расхожденіи по вопросу о составѣ Совѣта или о кооптаціи въ центры (о чемъ мы спорили въ 25, 26 и 27 засѣданіяхъ).

на собраніи (такого-то числа[1]) и установивъ съ помощью этихъ делегатовъ, что на предыдущемъ собраніи читался, какъ якобы исходящій отъ насъ списокъ кандидатовъ въ Ц. К., которымъ пользовались для неправильной характеристики всей нашей *политической* позиціи, и имѣя въ виду, что, во-первыхъ, намъ этотъ списокъ приписанъ безъ всякой попытки провѣрить происхожденіе этого списка; что, во-вторыхъ, это обстоятельство стоитъ въ несомнѣнной связи съ распространяемымъ открыто обвиненіемъ большинства редакціи „Искры" и группы „Освобожденія Труда" въ оппортунизмѣ; и что, въ-третьихъ, для насъ совершенно ясна связь этого обвиненія съ имѣющимся вполнѣ опредѣленнымъ планомъ *измѣненія состава редакціи „Искры"*. — мы находимъ данныя намъ объясненія о причинахъ недопущенія на собраніе неудовлетворяющими насъ, а нежеланіе допустить на собраніе — доказательствомъ нежеланія дать намъ возможность разсѣять вышеуказанныя ложныя обвиненія.

„По вопросу о возможномъ соглашеніи между нами объ общемъ спискѣ кандидатовъ въ Ц. К. мы заявляемъ, что единственнымъ спискомъ, который мы можемъ принять, какъ основу соглашенія, является такой: Поповъ, Троцкій, Глѣбовъ, причемъ подчеркиваемъ характеръ этого списка, какъ списка *компромиссного*, такъ какъ включеніе въ этотъ списокъ тов. Глѣбова имѣетъ значеніе только уступки желаніямъ большинства, ибо послѣ выяснившейся для насъ роли тов. Глѣбова на съѣздѣ, *мы не считаемъ тов. Глѣбова* удовлетворяющимъ требованіямъ, которыя слѣдуетъ предъявлять къ кандидату въ Ц. К.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы подчеркиваемъ то обстоятельство, что, вступая въ переговоры о кандидатурахъ въ Ц. К., мы это дѣлаемъ безъ всякаго отношенія къ вопросу о составѣ редакціи Ц. О., такъ какъ мы ни въ какіе переговоры по этому вопросу (о составѣ редакціи) не согласны вступать.

За товарищей Мартовъ и Старовѣръ"

Это письмо, точно воспроизводящее настроеніе спорящихъ сторонъ и положеніе спора, сразу вводитъ насъ въ „сердцевину" начинающагося раскола и показываетъ его дѣйствительныя причины. Меньшинство организаціи „Искры", не пожелавъ согласиться съ большинствомъ, предпочтя свободную агитацію на съѣздѣ (имѣя на то, конечно, полное право), добивается, тѣмъ не менѣе, отъ „делегатовъ" большинства допущенія на ихъ частное собраніе! Понятно, что забавное требованіе встрѣтило въ нашемъ собраніи (письмо было, разумѣется, прочтено на собраніи) только улыбку и пожиманье плечъ, а вскрикиванія, переходящія уже въ истерику, относительно „ложныхъ обвиненій въ оппортунизмѣ" вызвали прямо смѣхъ. Но разберемъ сначала, по пунктамъ, горькія жалобы Мартова и Старовѣра.

Имъ неправильно приписали списокъ: ихъ политическую позицію неправильно характеризуютъ. — Но какъ Мартовъ признаетъ и самъ (стр. 64 протоколовъ Лиги), я не подумалъ заподозрить правдивость его словъ, что не онъ авторъ списка. Вопросъ объ авторствѣ вообще тутъ не причемъ, и былъ-ли списокъ намѣченъ кѣмъ-либо изъ искровцевъ или кѣмъ-либо изъ представителей „центра" и т. п. это не имѣетъ ровно никакого значенія. Важно то, что списокъ этотъ, сплошь состоящій изъ членовъ теперешняго меньшинства, циркулировалъ на съѣздѣ, хотя бы даже въ качествѣ простой догадки или предположенія. *Важнѣе всего*, нако-

нецъ, то, что т. Мартову *приходилось* на съѣздѣ отбояриваться руками и ногами отъ *такого* списка, который онъ теперь *долженъ бы былъ* встрѣтить съ восторгомъ. Нельзя рельефнѣе обрисовать неустойчивость въ оцѣнкѣ людей и оттѣнковъ, какъ этимъ прыжкомъ за пару мѣсяцевъ отъ воплей о „позорящемъ слухѣ" до навязыванія партіи въ центръ этихъ самыхъ кандидатовъ позорящаго, якобы, списка![1])

Этотъ списокъ, — говорилъ т. Мартовъ на съѣздѣ Лиги, — „означалъ политически коалицію нашу и „Южнаго Рабочаго" съ Бундомъ, коалицію въ смыслѣ *прямого соглашенія*" (стр. 64). Это невѣрно, ибо, во-первыхъ, Бундъ никогда не пошелъ бы на „соглашеніе" о спискѣ, въ коемъ не было ни единаго бундовца; а во-вторыхъ, о прямомъ соглашеніи (которое казалось Мартову позорнымъ) не было *и не могло быть рѣчи* не только съ Бундомъ, но и съ группой „Южн. Раб." Дѣло шло именно не о соглашеніи, а о коалиціи, не о томъ, чтобы т. Мартовъ заключалъ сдѣлку, а о томъ, что его *неизбѣжно должны были поддержать* тѣ самые анти-искровскіе и шаткіе элементы, съ которыми онъ боролся въ теченіе первой половины съѣзда, и которые ухватились за его ошибку въ § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказываетъ самымъ безспорнымъ образомъ, что *корень* „обиды" заключался именно въ *открытомъ, да еще притомъ ложномъ, обвиненіи въ оппортунизмѣ.* „Обвиненія" эти, изъ-за которыхъ загорѣлся сыръ-боръ, и которыя такъ тщательно обходитъ *теперь* т. Мартовъ, несмотря на мое напоминаніе въ „Письмѣ въ редакцію", были двоякаго рода: во-первыхъ, во время преній о § 1 устава Плехановъ прямо сказалъ, что вопросъ о § 1 является вопросомъ объ „отдѣленіи" отъ насъ „всякаго рода представителей оппортунизма" и что за мой проектъ, какъ оплотъ противъ ихъ вторженія въ партію „уже по одному этому должны голосовать всѣ противники оппортунизма" (стр. 246 протоколовъ съѣзда). Эти энергичныя слова, несмотря на маленькое смягченіе, которое я внесъ въ нихъ (стр. 250), вызвали сенсацію, ясно выразившуюся въ рѣчахъ тт. Русова (стр. 247), Троцкаго (стр. 248) и Акимова (стр. 253). Въ „кулуарахъ" нашего „парламента" тезисъ Плеханова живо комментировался и варіировался на тысячи ладовъ въ безконечныхъ спорахъ о § 1. И вотъ, вмѣсто того, чтобы защищаться по существу, наши дорогіе товарищи ударились въ смѣшную обиду вплоть до письменныхъ жалобъ на „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ"!

Психологія кружковщины и поразительной партійной незрѣлости, неспособной выносить свѣжаго вѣтерка открытыхъ

---

[1]) Предыдущія строки были уже набраны, когда мы получили сообщеніе объ инцидентѣ тов. Гусева и тов. Дейча. Мы разсмотримъ этотъ инцидентъ особо въ *приложеніи.*

споровъ передъ всѣми, сказалась тутъ во-очію. Это — та знакомая россійскому человѣку психологія, которая выражается стариннымъ изреченіемъ: либо въ зубы, либо ручку пожалуйте! Люди такъ привыкли къ стеклянному колпаку тѣсной и теплой компанійки, что упали въ обморокъ отъ перваго же выступленія, за своей отвѣтственностью, на свободной и открытой аренѣ. Обвинять, и кого же? Группу „Освобожденіе Труда", да еще большинство ея, въ оппортунизмѣ, — можете себѣ представить такой ужасъ! Либо партійный расколъ изъ-за такого несмываемаго оскорбленія, либо замять эту „домашнюю непріятность" возстановленіемъ „преемственности" стеклянного колпака — эта дилемма намѣчается уже довольно опредѣленно въ разсматриваемомъ письмѣ. Психологія интеллигентскаго индивидуализма и кружковщины столкнулась съ требованіемъ открытаго выступленія передъ партіей. Представьте себѣ только, чтобы въ нѣмецкой партіи возможна была такая нелѣпость, такая дрязга, какъ жалоба на „*ложное* обвиненіе въ оппортунизмѣ"! Пролетарская организація и дисциплина давно отучили тамъ отъ этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ, скажемъ, къ Либкнехту, но какъ бы осмѣяли тамъ *жалобы* на то, что его „открыто обвиняли въ оппортунизмѣ" (вмѣстѣ съ Бебелемъ) на съѣздѣ 1895 года, когда онъ оказался по аграрному вопросу въ дурной компаніи завѣдомаго оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано съ исторіей нѣмецкаго рабочаго движенія не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть въ оппортунизмъ по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно также, несмотря ни на какое раздраженіе борьбы, имя, скажемъ, т. Аксельрода внушаетъ и всегда будетъ внушать уваженіе всякому русскому соціальдемократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на второмъ съѣздѣ нашей партіи, случилось выкопать старую анархическую дребедень на второмъ съѣздѣ Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина съ ея логикой: либо въ зубы, либо ручку пожалуйте, могла поднять истерику, дрязгу и партійный расколъ изъ-за „ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ большинства группы Освобожденіе Труда".

Другое основаніе этого ужаснаго обвиненія связано съ предыдущимъ самымъ неразрывнымъ образомъ (т. Мартовъ тщательно пытался на съѣздѣ Лиги, стр. 63, обойти и затушевать *одну* изъ сторонъ этого инцидента). Оно относится именно къ той *коалиціи* анти-искровскихъ и шаткихъ элементовъ съ т. Мартовымъ, которая *намѣтилась* по § 1 устава. Разумѣется, никакого ни прямого, ни косвеннаго соглашенія между т. Мартовымъ и анти-искровцами не было и быть не могло, и никто его въ этомъ не подозрѣвалъ: это ему только

со страху показалось. Но его ошибка *политически* обнаружилась именно въ томъ, что люди, несомнѣнно тяготѣющіе къ оппортунизму, стали образовывать вокругъ него все болѣе и болѣе плотное „компактное" большинство (ставшее теперь меньшинствомъ *только* благодаря „случайному" уходу семи делегатовъ). На эту „коалицію" мы указывали, конечно, тоже *открыто* тотчасъ же послѣ § 1 и на съѣздѣ (см. отмѣченное уже выше замѣчаніе т. Павловича, стр.255 проток. съѣзда) и въ организаціи „Искры" (особенно указывалъ на это, помнится, Плехановъ). Это буквально то же самое указаніе и та же самая насмѣшка, которая падала и на Бебеля съ Либкнехтомъ въ 1895 году, когда Цеткина сказала имъ: „Es thut mir in der Seele weh, dass ich dich in der Gesellschaft seh'" (горько у меня на душѣ, что я вижу тебя — т. е. Бебеля — въ такой компаніи — т. е. съ Фольмаромъ и К°.) Странно это, право, что Бебель съ Либкнехтомъ не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерическаго посланія о ложномъ обвиненіи въ оппортунизмѣ...

Что касается до списка кандидатовъ въ Ц. К., то письмо это показываетъ ошибку т. Мартова, утверждавшаго въ Лигѣ, что отказъ столковаться съ нами не былъ еще окончательный, — лишній примѣръ того, какъ неразумно въ политической борьбѣ пытаться воспроизводить на память *разговоры*, вмѣсто справки съ документами. На самомъ дѣлѣ „меньшинство" было такъ скромно, что предъявляло „большинству" ультиматумъ: взять двухъ изъ „меньшинства" и одного (въ видѣ компромисса и *только* для уступки собственно!) отъ „большинства". Это чудовищно, но это фактъ. И этотъ фактъ показываетъ во-очію, какъ вздорны теперешнія росказни, будто „большинство" одной половиной съѣзда выбирало представителей одной только половины. *Какъ разъ наоборотъ*: мартовцы лишь для уступки предлагали намъ одного изъ трехъ, желая, слѣдовательно, въ случаѣ несогласія нашего на эту оригинальную „уступку", провести *всѣхъ* своихъ! Мы посмѣялись, на нашемъ частномъ собраніи, надъ скромностью мартовцевъ и составили себѣ списокъ: Глѣбовъ — Травинскій — (выбранный потомъ въ Ц. К.) — *Поповъ*. Этотъ послѣдній былъ замѣненъ нами (тоже на частномъ собраніи 24-хъ) тов. Васильевымъ (выбраннымъ потомъ въ Ц. К.) *лишь потому*, что тов. Поповъ отказался идти въ нашемъ спискѣ, отказался сначала въ частной бесѣдѣ, а потомъ и на съѣздѣ открыто (стр. 338).

Вотъ какъ было дѣло.

Скромное „меньшинство" имѣло скромное желаніе быть въ большинствѣ. Когда это скромное желаніе не было удовлетворено, „меньшинство" изволило вовсе отказаться и начать скандальчикъ. А теперь находятся еще люди, которые

величественно-снисходительно толкують о „неуступчивости“ „большинства“!

„Меньшинство“ предъявляло забавные ультиматумы „большинству“, идучи на рать свободной агитаціи на съѣздѣ. Потерпѣвъ пораженіе, *наши герои расплакались и закричали объ осадномъ положеніи.* Voila tout.

Ужасное обвиненіе въ томъ, что мы намѣрены измѣнить составъ редакціи, мы (частное собраніе 24-хъ) встрѣтили тоже улыбкой: всѣ прекрасно знали съ самаго начала съѣзда и еще до съѣзда о планѣ *обновленія* редакціи путемъ выбора первоначальной тройки (подробнѣе я скажу объ этомъ, когда будетъ рѣчь о выборѣ редакціи на съѣздѣ). Что „меньшинство“ испугалось этого плана *послѣ того*, какъ увидѣло, что прекраснымъ подтвержденіемъ правильности этого плана явилась коалиція „меньшинства“ съ анти-искровцами, — это насъ не удивило, это было вполнѣ естественно. Мы не могли, конечно, брать въ серьезъ предложеніе превратиться, по доброй волѣ, до борьбы на съѣздѣ, въ меньшинство, не могли брать въ серьезъ всего письма, авторы котораго дошли до такой невѣроятной степени раздраженія, что говорили о „ложныхъ обвиненіяхъ въ оппортунизмѣ“. Мы твердо надѣялись, что партійный долгъ возьметъ очень быстро верхъ надъ естественнымъ желаніемъ „сорвать сердце“.

к) Продолженіе преній объ уставѣ. Составъ Совѣта.

Дальнѣйшіе пункты устава вызывали гораздо больше споровъ о частностяхъ, чѣмъ о принципахъ организаціи. 24-ое засѣданіе съѣзда цѣликомъ посвящено было вопросу о представительствѣ на партійныхъ съѣздахъ, причемъ рѣшительную и опредѣленную борьбу противъ общихъ всѣмъ искровцамъ плановъ вели опять-таки лишь бундовцы (Гольдблатъ и Либеръ, стр. 258-9) и т. Акимовъ, который съ похвальной откровенностью призналъ свою роль на съѣздѣ: „Я каждый разъ говорю съ полнымъ сознаніемъ того, что я своими доводами не повліяю на товарищей, но, наоборотъ, поврежу тому пункту, который я защищаю“ (стр. 261) Это мѣткое замѣчаніе было особенно умѣстно тотчасъ же послѣ § 1 устава; несовсѣмъ правильно только употреблено здѣсь выраженіе „наоборотъ“, ибо т. Акимовъ умѣлъ не только вредить извѣстнымъ пунктамъ, но въ то же время и тѣмъ самымъ также и „вліять на товарищей“... изъ числа очень непослѣдовательныхъ искровцевъ, склонныхъ къ оппортунистической фразѣ.

Въ общемъ, § 3 устава, опредѣляющій условія представительства на съѣздѣ, былъ принятъ большинствомъ при 7 воздержавшихся (стр. 263), — очевидно, изъ числа антиискровцевъ.

Споръ о составѣ Совѣта, занявшій большую часть 25-го засѣданія съѣзда, обнаружилъ чрезвычайную дробность группировокъ вокругъ громаднаго числа различныхъ проектовъ. Абрамсонъ и Царевъ совсѣмъ отвергаютъ планъ Совѣта. Панинъ упорно хочетъ сдѣлать Совѣтъ исключительно третейскимъ судомъ и потому вполнѣ послѣдовательно предлагаетъ выкинуть опредѣленіе, что Совѣтъ есть высшее учрежденіе и что его могутъ созывать любые два члена Совѣта[1]). Герцъ, Русовъ отстаиваютъ разные способы составленія Совѣта въ дополненіе къ *тремъ* способамъ, предложеннымъ *пятью* членами уставной коммиссіи.

Спорные вопросы сводились прежде всего къ опредѣленію задачъ Совѣта: третейскій судъ или высшее учрежденіе партіи? Послѣдовательно за первое стоялъ, какъ я уже сказалъ, т. Панинъ. Но онъ былъ одинокъ. Т. Мартовъ рѣшительно высказался противъ: „Предложеніе о томъ, чтобы вычеркнуть слова: „Совѣтъ есть высшее учрежденіе“ я предлагаю отвергнуть: наша формулировка“ (т. е. формулировка задачъ Совѣта, на которой мы сошлись въ уставной коммиссіи) „умышленно оставляетъ возможность развитія Совѣта въ высшее партійное учрежденіе. Для насъ Совѣтъ не только примирительное учрежденіе“. Между тѣмъ составъ Совѣта, по проекту т. Мартова, соотвѣтствовалъ всецѣло и исключительно характеру „примирительныхъ учрежденій“ или третейскихъ судовъ: по два члена отъ обоихъ центровъ и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой составъ Совѣта, но и тотъ, который принятъ съѣздомъ, по предложенію тт. Русова и Герца (пятый членъ назначается съѣздомъ), соотвѣтствуетъ исключительно цѣлямъ примиренія или посредничества. Между такимъ составомъ Совѣта и назначеніемъ его стать высшимъ учрежденіемъ партіи — противорѣчіе непримиримое. Высшее учрежденіе партіи должно быть постоянно въ составѣ, а не зависѣть отъ случайныхъ (иногда въ силу проваловъ) измѣненій въ составѣ центровъ. Высшее учрежденіе должно находиться въ непосредственной связи съ партійнымъ съѣздомъ, отъ него получая свои полномочія, а не отъ двухъ другихъ, подчиненныхъ съѣзду, партійныхъ учрежденій. Высшее учрежденіе должно состоять изъ лицъ, извѣстныхъ партійному съѣзду. Наконецъ, *высшее* учрежденіе не можетъ быть *организовано* такъ, что *самое его существованіе* зависитъ отъ случая: не сойдутся двѣ коллегіи въ выборѣ пятаго, и партія остается безъ высшаго

---

[1]) Т. Старовѣръ, видимо, тоже склонялся къ взглядамъ т. Панина, съ тѣмъ только отличіемъ, что послѣдній зналъ, чего онъ хочетъ, и вполнѣ послѣдовательно вносилъ резолюціи, превращающія Совѣтъ въ чисто третейское, примирительное учрежденіе, тогда какъ т. Старовѣръ не зналъ, чего онъ хочетъ, говоря, что Совѣтъ собирается, по проекту, „только по желанію сторонъ“ (стр. 266). Это прямо невѣрно.

учрежденія! Противъ этого возражали: 1) что при воздержаніи одного изъ пяти и при раздѣленіи остальныхъ четырехъ на двѣ пары положеніе тоже можетъ оказаться безвыходнымъ (Егоровъ). Это возраженіе несостоятельно, ибо невозможность *принять рѣшеніе* неизбѣжна иногда для *всякой* коллегіи, но это совсѣмъ не то, что невозможность *составить* коллегію. Второе возраженіе: „если такое учрежденіе, какъ Совѣтъ, не сможетъ выбрать пятаго члена, то это значитъ тогда, что учрежденіе вообще недѣеспособно“ (Засуличъ). Но дѣло тутъ не въ недѣеспособности, а въ несуществованіи *высшаго* учрежденія: безъ пятаго члена *не будетъ* никакого Совѣта, не будетъ *никакого „учрежденія“* и о дѣеспособности нельзя будетъ и говорить. Наконецъ, было бы еще поправимымъ зломъ, еслибы возможны были случаи, когда не составляется одна изъ такихъ партійныхъ коллегій, надъ которой стоитъ другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегія могла бы въ экстренныхъ случаяхъ всегда пополнить пробѣлъ такъ или иначе. Но надъ Совѣтомъ никакой коллегіи, кромѣ съѣзда, *нѣтъ*, и поэтому оставить въ уставѣ *возможность* того, что Совѣта нельзя будетъ *даже и составить*, — явная нелогичность.

Обѣ мои коротенькія рѣчи на съѣздѣ по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269) *только двухъ этихъ* неправильныхъ возраженій, которыми защищали проектъ Мартова онъ самъ и другіе товарищи. Вопросъ же о преобладаніи Ц. О. или Ц. К. въ Совѣтѣ *мной не былъ даже задѣтъ*. Вопросъ этотъ затронулъ, *впервые* въ смыслѣ указанія на опасность преобладанія Ц. О., *т. Акимовъ* еще въ 14-омъ засѣданіи съѣзда (стр. 157), и *только* за Акимовымъ пошли *послѣ съѣзда* тт. Мартовъ, Аксельродъ и другіе въ созданіи нелѣпой и демагогической сказки о желаніи „большинства“ превратить Ц. К. въ орудіе редакціи. Касаясь этого вопроса въ своемъ „Осадн. полож.“, т. Мартовъ скромно обошелъ его настоящаго инниціатора!

Кто захочетъ познакомиться со *всей* постановкой вопроса о преобладаніи Ц. О. надъ Ц. К. на съѣздѣ партіи, а не ограничиваться отдѣльными вырванными изъ связи цитатами, тотъ легко увидитъ извращеніе дѣла т. Мартовымъ. Еще въ 14-омъ засѣданіи *никто иной, какъ т. Поповъ*, начинаетъ съ полемики *противъ взглядовъ т. Акимова*, желающаго „на вершинѣ партіи защищать „самую строгую централизацію“, *чтобы ослабить вліяніе Ц. О.*“ (стр. 154, курсивъ мой), „въ чемъ собственно и заключается весь смыслъ такой (Акимовской) системы“. „Такой централизаціи—добавляетъ т. Поповъ—я не только не защищаю, но я готовъ всячески съ ней бороться, потому, что она — *знамя оппортунизма*“. Вотъ гдѣ *корень* пресловутаго вопроса о преобладаніи Ц. О. надъ Ц. К., и не удивительно, что т. Мартову *приходится* теперь замалчивать истин-

ное происхожденіе вопроса. *Даже* т. Поповъ не могъ не видѣть *оппортунистическаго* характера этихъ Акимовскихъ толковъ о преобладаніи Ц. О.[1]) и, чтобы хорошенько отдѣлить себя отъ тов. Акимова, товарищъ Поповъ *категорически* заявлялъ: „пусть въ этомъ центрѣ (Совѣтѣ) три члена будутъ отъ редакціи и два члена отъ Ц. К. *Это вопросъ второстепенный* (курсивъ мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партіей, шло изъ одного источника" (стр. 155). Т. Акимовъ возражаетъ: „по проекту, Ц. О. обезпечено превалированіе въ Совѣтѣ уже потому, что составъ редакціи постоянный, а Ц. К. перемѣнный" (стр. 157) — доводъ, относящійся лишь къ „постоянству" *принципіальнаго* руководства (явленіе нормальное и желательное), отнюдь не къ „превалированію" въ смыслѣ вмѣшательства или посягательства на самостоятельность. И т. Поповъ, который еще тогда не принадлежалъ къ „меньшинству", прикрывающему недовольство составомъ центровъ сплетничаньемъ о несамостоятельности Ц. К., отвѣчаетъ товарищу Акимову совершенно резонно: „Я предлагаю считать его (Совѣтъ) руководящимъ центромъ партіи, и тогда *совершенно неваженъ вопросъ, будетъ ли въ Совѣтѣ большее число представителей отъ Ц. О. или отъ Ц. К.*" (стр. 158. Курсивъ мой).

Когда обсужденіе вопроса о составѣ Совѣта возобновилось въ 25-омъ засѣданіи, тов. Павловичъ, продолжая старыя пренія, высказывается за преобладаніе Ц. О. надъ Ц. К. „въ виду устойчивости перваго" (264), имѣя въ виду именно *принципіальную* устойчивость, какъ и понялъ это тов. Мартовъ, который говорилъ сейчасъ же послѣ тов. Павловича, находилъ ненужнымъ „фиксировать перевѣсъ одного учрежденія надъ другимъ" и указывалъ на возможность пребыванія одного изъ членовъ Ц. К. заграницей: „этимъ сохранится до извѣстной степени принципіальная устойчивость Ц. К." (264). Тутъ нѣтъ еще и тѣни демагогическаго *смѣшенія* вопроса о *принципіальной* устойчивости и ея охранѣ съ охраной самостоятельности и независимости Ц. К. Это смѣшеніе, *послѣ съѣзда* ставшее едва ли не главнымъ козыремъ тов. Мартова, *на съѣздѣ* упорно проводилъ *только тов.*

[1]) Т. Акимова ни т. Поповъ, ни т. Мартовъ не стѣснялись называть оппортунистомъ, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда *къ нимъ самимъ* примѣнили это названіе и примѣнили справедливо за „равноправіе языковъ" или за § 1. Т. Акимовъ, по стопамъ котораго пошелъ т. Мартовъ, умѣлъ, однако, держать себя съ большимъ достоинствомъ и мужествомъ на партійномъ съѣздѣ, чѣмъ т. Мартовъ и К° на съѣздѣ Лиги. „Меня здѣсь — говорилъ т. Акимовъ на съѣздѣ партіи — называютъ оппортунистомъ; я лично считаю это слово браннымъ, оскорбительнымъ, и думаю, что я его совершенно не заслужилъ; однако я противъ этого не протестую" (стр. 296). Можетъ-быть, тт. Мартовъ и Старовѣръ предлагали т. Акимову подписаться подъ ихъ протестомъ противъ ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ, но т. Акимовъ отказался?

Акимовъ, который и говорилъ *тогда еще* объ „аракчеевскомъ духѣ устава“ (268), о томъ, что „*если въ Совѣтѣ Партіи окажутся три члена Ц. О., то Ц. К. превратится въ простого исполнителя воли редакціи* (курсивъ мой). Три лица, живущія заграницей, получатъ право безгранично (!!) распоряжаться работой всей (!!) партіи. Они обезпечены въ смыслѣ безопасности и потому ихъ власть пожизненна“ (268). Вотъ противъ этихъ-то, совершенно вздорныхъ и демагогическихъ фразъ, которыя подмѣниваютъ *идейное руководство — вмѣшательствомъ въ работу всей партіи* (и которыя послѣ съѣзда доставили дешевенькій лозунгъ тов. Аксельроду съ его рѣчами о „теократіи“), — *противъ нихъ* возражалъ опять товарищъ Павловичъ, подчеркнувшій, что онъ стоитъ „за прочность и чистоту тѣхъ принциповъ, представителемъ которыхъ является „Искра“. Давая перевѣсъ редакціи Центральнаго Органа, я этимъ укрѣпляю эти принципы“.

Вотъ какъ стоитъ на самомъ дѣлѣ вопросъ о пресловутомъ преобладаніи Ц. О. надъ Ц. К. Это знаменитое „принципіальное разногласіе“ тт. Аксельрода и Мартова есть не что иное, какъ *повтореніе оппортунистическихъ и демагогическихъ фразъ товарища Акимова*, фразъ, истинный характеръ которыхъ ясно видѣлъ даже товарищъ Поповъ, видѣлъ тогда, когда еще не потерпѣлъ пораженія по вопросу о составѣ центровъ!

* * *

Итогъ вопроса о составѣ Совѣта: вопреки попыткамъ тов. Мартова доказать въ „Осад. пол.“ противорѣчивость и неправильность моего изложенія въ „Письмѣ въ редакцію“, протоколы съѣзда ясно показываютъ, что вопросъ этотъ *по сравненію* съ § 1 дѣйствительно лишь *деталь*, что *полнымъ извращеніемъ* было заявленіе статьи „Нашъ съѣздъ“ (№ 53 „Искры“), будто „почти исключительно“ мы спорили объ организаціи центральныхъ учрежденій партіи. Извращеніе это тѣмъ болѣе вопіющее, что авторъ статьи *вовсе обошелъ споры о § 1.* Далѣе, что опредѣленной группировки искровцевъ по вопросу о составѣ Совѣта не было, это тоже подтверждаютъ протоколы: именныхъ голосованій нѣтъ, Мартовъ расходится съ Панинымъ, я схожусь съ Поповымъ, Егоровъ и Гусевъ стоятъ особо и т. д. Наконецъ, послѣднее мое утвержденіе (на съѣздѣ Заграничной Лиги Русской Революціонной Соц.-Дем), что коалиція мартовцевъ съ анти-искровцами крѣпла, *тоже подтверждается* виднымъ теперь для всѣхъ поворотомъ товарищей Мартова и Аксельрода къ т. Акимову и въ этомъ вопросѣ.

л) Конецъ преній объ уставѣ. Кооптація въ центры. Уходъ делегатовъ „Рабочаго Дѣла“.

Изъ дальнѣйшихъ преній объ уставѣ (26-ое засѣданіе съѣзда) стоитъ отмѣтить лишь вопросъ объ ограниченіи власти Центральнаго Комитета, проливающій свѣтъ на характеръ *теперешнихъ* нападокъ мартовцевъ на гиперцентрализмъ. Тт. Егоровъ и Поповъ стремились къ ограниченію централизма съ нѣсколько большей убѣжденностью, независимо отъ ихъ собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще въ уставной коммиссіи ограничить право Ц. К. на распущеніе мѣстныхъ комитетовъ согласіемъ Совѣта и, кромѣ того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членовъ уставной коммиссіи (Глѣбовъ, Мартовъ и я) высказались противъ, и на съѣздѣ тов. Мартовъ защищалъ наше мнѣніе (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что „Ц. К. и безъ того будетъ обсуждать, прежде чѣмъ рѣшится сдѣлать такой серьезный шагъ, какъ распустить организацію“. Какъ видите, *тогда* еще тов. Мартовъ оставался глухъ ко *всякимъ* анти-централистическимъ поползновеніямъ, и съѣздъ отклонилъ предложеніе Егорова и Попова, — къ сожалѣнію, мы не узнаемъ только изъ протоколовъ, какимъ числомъ голосовъ.

На съѣздѣ партіи тов. Мартовъ былъ также „противъ замѣны слова организуетъ (Ц. К. организуетъ комитеты и т. д. въ § 6 устава партіи) словомъ утверждаетъ. Нужно дать право и организовать“, говорилъ *тогда* тов. Мартовъ, не додумавшійся еще до замѣчательной, открытой лишь на съѣздѣ Лиги идеи, что утвержденіе не входитъ въ понятіе „организовать“.

Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, врядъ ли представляютъ интересъ остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностямъ §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколовъ). Параграфъ 12 — вопросъ о кооптаціи во всѣ партійныя коллегіи вообще и въ центры въ частности. Коммиссія предлагаетъ повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптаціи, съ $^2/_3$ до $^4/_5$. Докладчикъ (Глѣбовъ) предлагаетъ *единогласную* кооптацію въ Ц. К. Тов. Егоровъ, признавая нежелательнымъ *шероховатости*, стоитъ за простое большинство при отсутствіи мотивированнаго veto. Тов. Поповъ не согласенъ ни съ коммиссіей, ни съ т. Егоровымъ и требуетъ либо простого большинства (безъ права veto) либо единогласія. Тов. Мартовъ не согласенъ ни съ коммиссіей, ни съ Глѣбовымъ, ни съ Егоровымъ, ни съ Поповымъ, высказываясь противъ единогласія, противъ $^4/_5$ (за $^2/_3$), *противъ „взаимной кооптаціи“, т. е. права редакціи Ц. О. опротестовывать кооптацію въ Ц. К. и обратно* („права взаимнаго контроля надъ кооптаціей“).

Какъ видитъ читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласія дробятся чуть ли не на „единогласныя“ особенности во взглядахъ каждаго делегата!

Т. Мартовъ говоритъ: „Психологическую невозможность работать съ лицами непріятными я признаю. Но намъ важно также, чтобы наша организація была жизне-и дѣеспособна... Право взаимнаго контроля Ц. К. и редакціи Ц. О. при кооптаціи не нужно. Я не потому противъ этого, что думаю, что они не компетентны одинъ въ области другого. Нѣтъ! Редакція Ц. О., напримѣръ, могла бы дать Ц. К. хорошій совѣтъ, слѣдуетъ ли господина Надеждина, напр., принять въ Ц. К. Я возстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты“.

Я возражаю ему: „Здѣсь два вопроса. Первый о квалифицированномъ большинствѣ, и я противъ предложенія понизить съ 4/5 до 2/3. Вводить мотивированный протестъ не разсчетливо, и я противъ него. Неизмѣримо важнѣе второй вопросъ о правѣ взаимнаго контроля Ц. К. и Ц. О. надъ кооптаціей. Взаимное согласіе двухъ центровъ есть необходимое условіе гармоніи. Здѣсь вопросъ идетъ о разрывѣ двухъ центровъ. Кто не хочетъ раскола, долженъ заботиться о томъ, чтобы была гармонія. Изъ жизни партіи извѣстно, что бывали люди, вносившіе расколъ. Вопросъ этотъ принципіальный, вопросъ важный, отъ него можетъ зависѣть вся будущая судьба партіи“ (277). Таковъ полный текстъ записаннаго на съѣздѣ конспекта моей рѣчи, которой придаетъ особенно серьезное значеніе т. Мартовъ. Къ сожалѣнію, придавая ей серьезное значеніе, онъ не потрудился поставить ее въ связь со всѣми преніями и со всѣмъ политическимъ моментомъ съѣзда, когда эта рѣчь была произнесена.

Прежде всего, является вопросъ: почему я въ первоначальномъ своемъ проектѣ (см. страницу 394, § 11) ограничивался 2/3 и не требовалъ взаимнаго контроля надъ кооптаціей въ центры? Т. Троцкій, говорившій послѣ меня (с. 277), сейчасъ же и поднялъ этотъ вопросъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ моя рѣчь на съѣздѣ Лиги и письмо т. Павловича о II съѣздѣ. § 1 устава „разбилъ посудину“, и ее надо было связать „двойнымъ узломъ“ — говорилъ я на съѣздѣ Лиги. Это, значило, во 1-хъ, то, что въ чисто теоретическомъ вопросѣ Мартовъ оказался оппортунистомъ, и его ошибку *отстояли* Либеръ и Акимовъ. Это значило, во 2-хъ, то, что коалиція мартовцевъ (т. е. ничтожнаго меньшинства искровцевъ) съ анти-искровцами давала имъ *большинство на съѣздѣ* при проведеніи личнаго состава центровъ. А я именно говорилъ здѣсь о *личномъ составѣ* центровъ, подчеркивая необходимость гармоніи *и предупреждая отъ „людей, вносившихъ расколъ“*. Предупрежденіе

это получало дѣйствительно важное принципіальное значеніе, ибо организація „Искры“ (несомнѣнно, болѣе компетенная въ вопросѣ о личномъ составѣ центровъ, какъ наиболѣе близко знакомая со всѣми дѣлами на практикѣ и со всѣми кандидатами) организація „Искры“ вынесла уже свой совѣщательный голосъ по этому вопросу, приняла извѣстное намъ рѣшеніе относительно возбуждавшихъ ея опасеніе кандидатуръ. И морально и по существу дѣла (т. е. по компетентности выносящаго рѣшеніе) организація „Искры“ должна была имѣть рѣшающее значеніе въ этомъ деликатномъ вопросѣ. Но *формально* т. Мартовъ имѣлъ, разумѣется, полнѣйшее право аппеллировать *противъ* большинства организаціи „Искры“ къ Либерамъ и Акимовымъ. А т. Акимовъ въ своей блестящей рѣчи о § 1 сказалъ замѣчательно ясно и умно, что когда онъ видитъ среди искровцевъ разногласіе о способахъ достиженія ихъ общей, искровской, цѣли, то онъ сознательно и намѣренно *вотируетъ за худшій способъ*, ибо его, Акимова, цѣли діаметрально противоположны искровскимъ. Не могло подлежать, такимъ образомъ, *никакому сомнѣнію*, что, независимо даже отъ воли и сознанія т. Мартова, *именно худшій составъ центровъ* получитъ поддержку Либеровъ и Акимовыхъ. Они *могутъ вотировать*, они должны вотировать (судя не по ихъ словамъ, а по ихъ *дѣламъ*, по ихъ воту въ § 1) именно за тотъ списокъ, который можетъ обѣщать присутствіе „людей, вносившихъ расколъ“, вотировать именно *для того*, чтобы „внести расколъ“. Удивительно ли, что при такой ситуаціи я говорилъ о важномъ принципіальномъ вопросѣ (гармонія двухъ центровъ), отъ котораго можетъ зависѣть вся будущая судьба партіи?

Ни одинъ соціальдемократъ, сколько-нибудь знакомый съ искровскими идеями, планами и исторіей движенія, сколько-нибудь искренно раздѣлявшій эти идеи, не могъ ни на минуту усомниться въ томъ, что рѣшеніе Либерами и Акимовыми спора внутри организаціи „Искры“ о составѣ центровъ было формально правильно, но обезпечивало *наихудшіе* возможные результаты. Съ этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было *бороться*.

Спрашивается: какъ бороться? Мы боролись не истерикой и не скандальчикомъ, конечно, а такими средствами, которыя *вполнѣ лойяльны и вполнѣ законны*: чувствуя, что мы въ меньшинствѣ (какъ и по § 1), *мы стали ходатайствовать передъ съѣздомъ объ огражденіи правъ меньшинства*. И большая строгость квалификаціи при пріемѣ членовъ (4/5 вмѣсто 2/3), и единогласіе при кооптаціи, и взаимный контроль надъ кооптаціей въ центры, — все это мы стали отстаивать, *когда мы оказались въ меньшинствѣ по вопросу о личномъ составѣ центровъ*. Этотъ фактъ постоянно игнорируютъ Иваны и Петры, охочіе судить и рядить о съѣздѣ съ-кан-

дачка, послѣ пары пріятельскихъ бесѣдъ, безъ серьезнаго изученія *всѣхъ* протоколовъ и всѣхъ „показаній“ заинтересованныхъ лицъ. И всякій, кто захочетъ добросовѣстно изучить эти протоколы и эти показанія, неизбѣжно придетъ къ указанному мною факту: *корень* спора лежитъ *въ данный моментъ съѣзда* именно въ вопросѣ о *личномъ составѣ центровъ*, и болѣе строгихъ условій контроля мы добивались именно потому, что были въ меньшинствѣ, что хотѣли „двойнымъ узломъ связать посудину“, разбитую Мартовымъ при ликованіи и при ликующемъ участіи Либеровъ и Акимовыхъ.

„Если бы дѣло было не такъ, — говоритъ объ этомъ моментѣ съѣзда т. Павловичъ, — то остается предположить, что выставляя пунктъ объ единогласіи при кооптаціи, мы заботились о своихъ противникахъ, ибо для преобладающей партіи въ томъ или иномъ учрежденіи единогласіе не только не нужно, но даже невыгодно“ (с. 14 „Письмо о II съѣздѣ“). Но въ настоящее время слишкомъ и слишкомъ часто забываютъ хронологію событій, забываютъ, что *въ теченіе цѣлаго періода съѣзда* теперешнее меньшинство было большинствомъ (благодаря участію Либеровъ и Акимовыхъ) и что именно къ этому періоду относится споръ о кооптаціи въ центры, подоплекой котораго было расхожденіе въ организаціи „Искры“ изъ-за личнаго состава центровъ. Кто уяснитъ себѣ это обстоятельство, тотъ пойметъ и страстность нашихъ дебатовъ, тотъ не будетъ удивляться и тому *кажущемуся* противорѣчію, что какія то мелкія, детальныя разногласія вызываютъ дѣйствительно важные, принципіальные вопросы.

Т. Дейчъ, говорившій въ томъ же засѣданіи (с. 277), былъ въ значительной степени правъ, когда заявилъ: „Несомнѣнно, что это предложеніе разсчитано на данный моментъ“. Дѣйствительно, только понявъ *данный моментъ* во всей его сложности, можно понять истинное значеніе спора. И въ высшей степени важно имѣть ввиду, что когда *мы* были въ меньшинствѣ, мы отстаивали права меньшинства *такими пріемами*, которые признаетъ законными и допустимыми любой европейскій соціалъдемократъ: именно, ходатайствомъ передъ съѣздомъ о болѣе строгомъ контролѣ за личнымъ составомъ центровъ. Точно также въ значительной степени правъ и т. Егоровъ, когда онъ говорилъ на съѣздѣ же, но въ другомъ засѣданіи: „Меня крайне удивляетъ, что я опять слышу въ дебатахъ ссылку на принципы“ . . . (Это говорится по поводу выборовъ въ Ц. К., въ 31-омъ засѣданіи съѣзда т. е., если я не ошибаюсь, утромъ въ четвергъ, а 26-ое засѣданіе, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, было вечеромъ въ понедѣльникъ) . . . „Кажется, для всѣхъ ясно, что въ послѣдніе дни всѣ дебаты вертѣлись не вокругъ той или иной принципіальной постановки дѣла, а исключительно вокругъ того, какъ обезпечить или воспре-

пятствовать доступъ въ центральныя учрежденія тому или иному лицу. Признаемъ, что принципы давно растеряны на этомъ съѣздѣ и будемъ называть вещи ихъ настоящими именами *(Общій смѣхъ. Муравьевъ: „Прошу занести въ протоколъ, что т. Мартовъ улыбался“*; с. 337). Неудивительно, что и т. Мартовъ и всѣ мы хохотали надъ жалобами т. Егорова, которыя дѣйствительно смѣшны. Да, „*въ послѣдніе дни*“, очень и очень многое *вертѣлось* вокругъ вопроса о личномъ составѣ центровъ. Это правда. Это дѣйствительно на съѣздѣ было *для всѣхъ ясно* (и только *теперь* меньшинство старается *затемнить* это ясное обстоятельство). Правда, наконецъ, и то, что слѣдуетъ называть вещи ихъ настоящими именами. Но, ради бога, причемъ же *тутъ* „растерянность принциповъ“?? Вѣдь мы и сошлись на съѣздъ *для того* (см. с. 10, порядокъ дня съѣзда), чтобы *въ первые дни* поговорить о программѣ, тактикѣ, уставѣ и вырѣшить соотвѣтствующіе вопросы и чтобы *въ послѣдніе дни* (пункты 18-19 порядка дня) поговорить о личномъ составѣ центровъ и вырѣшить *эти* вопросы. Когда люди употребляютъ на борьбу изъ-за дирижерской палочки *послѣдніе дни* съѣздовъ, это явленіе естественное и вполнѣ, вполнѣ законное. (Вотъ когда изъ-за дирижерской палочки дерутся *послѣ съѣздовъ*, тогда это есть дрязга). Если кто *на съѣздѣ* потерпѣлъ пораженіе въ вопросѣ о личномъ составѣ центровъ (какъ товарищъ Егоровъ), то говорить *послѣ этого* о „растерянности принциповъ“ *просто смѣшно*. Понятно поэтому, что надъ т. Егоровымъ всѣ смѣялись. Понятно также, почему т. Муравьевъ просилъ занести въ протоколъ участіе въ этомъ смѣхѣ т. Мартова: *т. Мартовъ, смѣясь надъ т. Егоровымъ, смѣялся надъ самимъ собой . . .*

Въ дополненіе къ ироніи т. Муравьева, не лишне, можетъ быть, сообщить такой фактъ. *Послѣ съѣзда* т. Мартовъ, какъ извѣстно, увѣрялъ направо и налѣво, что кардинальную роль въ нашемъ расхожденіи игралъ именно вопросъ о кооптаціи въ центры, что „большинство старой редакціи“ было сугубо противъ взаимнаго контроля надъ кооптаціей въ центры. *До съѣзда*, принимая мой проектъ выбора двухъ троекъ, съ обоюдной кооптаціей въ 2/3, т. Мартовъ *писалъ мнѣ объ этомъ*: „*Принимая такую форму взаимокооптаціи*, слѣдуетъ подчеркнуть, что послѣ съѣзда пополненіе каждой коллегіи будетъ совершаться на иныхъ нѣсколько началахъ *(я бы совѣтовалъ такъ*: каждая коллегія кооптируетъ новыхъ членовъ, заявляя о своемъ намѣреніи другой коллегіи: *послѣдняя можетъ заявить протестъ и тогда споръ рѣшаетъ Совѣтъ*. Дабы не было волокиты, эта процедура продѣлывается по отношенію *къ заранѣе намѣченнымъ кандидатамъ, по крайней мѣрѣ для Ц. К.*, изъ которыхъ уже пополненіе можетъ совершаться болѣе скорымъ путемъ). Чтобы оттѣнить,

что дальнѣйшая кооптація совершается въ порядкѣ, который будетъ предусмотрѣнъ уставомъ партіи, надо прибавить въ § 22 [1]): „. . . . который и утверждаетъ состоявшіяся рѣшенія“. (Курсивъ мой).

Комментаріи излишни.

Объяснивъ значеніе момента, когда шелъ споръ о кооптаціи въ центры, мы должны нѣсколько остановиться на относящихся сюда *голосованіяхъ* — на *преніяхъ* не приходится останавливаться, ибо послѣ приведенныхъ мною рѣчей тов. Мартова и моей слѣдуютъ только краткія реплики, въ которыхъ принимаетъ участіе ничтожное число делегатовъ (смотри стр. 277—280 протоколовъ). По поводу голосованій, тов. Мартовъ утверждалъ на съѣздѣ Лиги, что я сдѣлалъ въ своемъ изложеніи „величайшее извращеніе“ (стр. 60 протоколовъ Лиги), „когда представилъ борьбу около устава“... (тов. Мартовъ нечаянно сказалъ большую правду: послѣ § 1 горячіе споры шли именно *около* устава)... „какъ борьбу „Искры“ съ мартовцами, вступившими въ коалицію съ Бундомъ“.

Присмотримся къ этому интересному вопросу о „величайшемъ извращеніи“. Тов. Мартовъ соединяетъ голосованія по вопросу о составѣ Совѣта съ голосованіями по вопросу о кооптаціи и приводитъ *восемь* голосованій: 1) выборъ въ Совѣтъ по два отъ Ц. О. и *Ц*. К. — за 27 (М.), противъ 16 (Л.), возд. — 7.[2]) (Замѣтимъ въ скобкахъ, что въ протоколахъ, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь). — 2) избраніе пятаго члена Совѣта съѣздомъ: — за 23 (Л), противъ 18 (М), возд. 7. — 3) замѣщеніе выбывшихъ членовъ Совѣта самимъ Совѣтомъ — противъ 23 (М), за 16 (Л), возд. 12. — 4) единогласіе въ Ц. К. — за 25 (Л), противъ 19 (М), возд. 7. — 5) требованіе *одного* мотивированнаго протеста для непринятія члена — за 21 (Л), противъ 19 (М), возд. 11. — 6) единогласіе при кооптаціи въ Ц. О. — за 23 (Л), противъ 21 (М), возд. 7. — 7) допустимость вота о правѣ Совѣта кассировать рѣшенія Ц. О. и Ц. К. о непринятіи новаго члена — за 25 (М), противъ 19 (Л), возд. 7. — 8) само предложеніе объ этомъ — за 24 (М), противъ 23 (Л), возд. 4. „*Тутъ, очевидно*, — заключаетъ тов. Мартовъ (стр. 61 протоколовъ Лиги) — *одинъ делегатъ Бунда вотировалъ за предложеніе, остальные воздержались*.“ (Курсивъ мой).

[1]) Рѣчь идетъ о моемъ первоначальномъ проектѣ Tagesordnung съѣзда и комментаріи къ нему, извѣстномъ всѣмъ делегатамъ. § 22 этого проекта говорилъ именно о выборѣ двухъ троекъ въ Ц. О. и Ц. К., о „взаимокооптаціи“ этой шестеркой по большинству $^{2}/_{3}$, объ утвержденіи этой взаимокооптаціи съѣздомъ и о самостоятельной дальнѣйшей кооптаціи въ Ц. О. и Ц. К.

[2]) Буквы М и Л въ скобкахъ указываютъ, на какой сторонѣ стояли я (Л) и Мартовъ (М).

Спрашивается, почему считаетъ тов. Мартовъ *очевиднымъ*, что бундовецъ вотировалъ *за него, Мартова*, когда нѣтъ именныхъ голосованій?

Потому что онъ беретъ во вниманіе *число вотировавшихъ* и, когда это число указываетъ на *участіе* Бунда въ голосованіи, то онъ, тов. Мартовъ, не сомнѣвается, что *это участіе* было въ его, Мартова, пользу.

Гдѣ же тутъ „величайшее извращеніе" съ моей стороны?

Всего голосовъ 51, а безъ бундовскихъ 46, безъ рабочедѣльскихъ 43. Въ *семи* голосованіяхъ изъ восьми, приведенныхъ тов. Мартовымъ, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, въ *одномъ* участвовало 47 делегатовъ (вѣрнѣе, голосовъ), и здѣсь самъ тов. Мартовъ признаетъ, что его поддерживалъ бундовецъ. Оказывается такимъ образомъ, что картина, нарисованная Мартовымъ (и нарисованная неполно, какъ мы сейчасъ увидимъ), *только подтверждаетъ и усиливаетъ мое изображеніе борьбы!* Оказывается, что въ очень многихъ случаяхъ число воздерживавшихся было *весьма велико*: это именно указываетъ на малый *сравнительно* интересъ всего съѣзда къ извѣстнымъ *деталямъ*, на отсутствіе вполнѣ опредѣленной группировки искровцевъ по этимъ вопросамъ. Слова Мартова, что бундовцы „своимъ воздержаніемъ явно содѣйствуютъ Ленину" (стр. 62 проток. Лиги), *какъ разъ и говорятъ противъ Мартова*: значитъ, *только* при отсутствіи бундовцевъ, или при воздержаніи ихъ, я могъ иногда разсчитывать на побѣду. Но всякій разъ, когда бундовцы *считаютъ стоющимъ* вмѣшиваться въ борьбу, они поддерживаютъ тов. Мартова, а такое вмѣшательство было *не только* въ вышеприведенномъ случаѣ участія 47 делегатовъ. Кто захочетъ справиться съ протоколами съѣзда, тотъ увидитъ *весьма странную неполноту* картины тов. Мартова. Тов. Мартовъ *просто опустилъ еще цѣлыхъ три случая*, когда Бундъ *участвовалъ* въ голосованіяхъ, причемъ *во всѣхъ этихъ случаяхъ* тов. Мартовъ, *разумѣется*, оказался побѣдителемъ. Вотъ эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Ѳомина, понижающая квалифицированное большинство съ $^4/_5$ до $^2/_3$. За 27, противъ 21 (стр. 278), значитъ, участвовало 48 голосовъ. 2) Принято предложеніе тов. Мартова объ устраненіи взаимной кооптаціи. За 26, противъ 24 (стр. 279), значитъ, участвовало въ голосованіи 50 голосовъ. Наконецъ, 3) отклонено мое предложеніе о допустимости кооптаціи въ Ц. О. и Ц. К. лишь съ согласія всѣхъ членовъ Совѣта (стр. 280). Противъ 27, за 22 (было даже поименное голосованіе, къ сожалѣнію, не сохранившееся въ протоколахъ), значитъ, число голосовавшихъ — 49.

Итогъ: по вопросамъ о кооптаціи въ центры бундовцы участвовали *только въ четырехъ голосованіяхъ* (*три* приведенныхъ сейчасъ мной, съ 48, 50 и 49 участниками, и *одно*, при-

веденное тов. Мартовымъ, съ 47 участниками). *Во всѣхъ этихъ голосованіяхъ* побѣдителемъ оказался тов. Мартовъ. *Мое изложеніе оказывается правильнымъ во всѣхъ пунктахъ*, и въ указаніи на коалицію съ Бундомъ, и въ констатированіи детальнаго сравнительно характера вопросовъ (масса случаевъ съ большимъ числомъ воздержавшихся), и въ указаніи на отсутствіе опредѣленной группировки искровцевъ (нѣтъ именныхъ голосованій: крайне мало высказавшихся въ преніяхъ).

Покушеніе тов. Мартова найти въ моемъ изложеніи противорѣчіе оказывается покушеніемъ съ негодными средствами, ибо тов. Мартовъ вырвалъ отдѣльныя словечки, не потрудившись возстановить картины въ цѣломъ.

Послѣдній параграфъ устава, посвященный вопросу о заграничной организаціи, вызвалъ опять таки пренія и голосованія, замѣчательно характерныя съ точки зрѣнія съѣздовскихъ группировокъ. Дѣло шло о признаніи Лиги заграничной организаціей партіи. Тов. Акимовъ, разумѣется, тотчасъ же возсталъ, напоминая о заграничномъ Союзѣ, утвержденномъ первымъ съѣздомъ, указывая на принципіальное значеніе вопроса. „Оговорюсь прежде всего, — заявилъ онъ — что я не придаю особеннаго практическаго значенія тому или иному рѣшенію этого вопроса. Идейная борьба, которая до сихъ поръ велась въ нашей партіи, несомнѣнно не закончена: но она будетъ продолжаться въ иныхъ плоскостяхъ и при иной группировкѣ силъ... На § 13 устава отразилась еще разъ и очень рѣзко тенденція превратить нашъ съѣздъ изъ партійнаго въ фракціонный. Вмѣсто того, чтобы заставить всѣхъ социальдемократовъ въ Россіи преклониться предъ рѣшеніями партійнаго съѣзда во имя партійнаго единства, соединивъ всѣ партійныя организаціи, съѣзду предлагается уничтожить организацію меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть" (281). Какъ видитъ читатель, „преемственность", которая стала такъ дорога тов. Мартову послѣ его пораженія въ вопросѣ о составѣ центровъ, была не менѣе дорога и тов. Акимову. Но на съѣздѣ люди, прилагающіе разныя мѣрки къ себѣ и къ другимъ, возстали горячо противъ тов. Акимова. Несмотря на принятіе программы, признаніе „Искры" и принятіе почти всего устава, на сцену выдвигается именно тотъ „принципъ", который „принципіально" отдѣлялъ Лигу отъ Союза. „Если т. Акимовъ хочетъ ставить вопросъ на принципіальную почву, — восклицаетъ т. Мартовъ, — мы не имѣемъ ничего противъ: особенно въ виду того, что т. Акимовъ говорилъ о возможныхъ комбинаціяхъ въ борьбѣ съ двумя теченіями. Не въ томъ смыслѣ надо *санкціонировать побѣду одного направленія* (замѣтьте, что это говорится на *27-мъ* засѣданіи съѣзда!), чтобы раскла-

няться лишній разъ по адресу „Искры“, а въ томъ, чтобы *раскланяться окончательно со всякими возможными комбинаціями, о которыхъ заговорилъ тов. Акимовъ*“ (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартовъ, *послѣ* завершенія всѣхъ программныхъ споровъ на съѣздѣ, продолжаетъ еще *окончательно раскланиваться* со всякими возможными комбинаціями... пока онъ еще не потерпѣлъ пораженія по вопросу о составѣ центровъ! Т. Мартовъ „окончательно раскланивается“ на съѣздѣ съ той *возможной* „комбинаціей“, которую онъ преблагополучно осуществляетъ *на другой день послѣ съѣзда.* Но тов. Акимовъ оказался *уже тогда* гораздо прозорливѣе тов. Мартова; тов. Акимовъ сослался на пятилѣтнюю работу „старой партійной организаціи, носящей по волѣ перваго съѣзда имя комитета“, и закончилъ преядовитымъ *провиденціальнымъ* уколомъ: „Что же касается мнѣнія тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновеніе иного теченія въ нашей партіи, то я долженъ сказать, что *даже онъ самъ подаетъ мнѣ надежды*“ (стр. 283).

Да, надо сознаться, т. Мартовъ блестяще оправдалъ надежды т. Акимова!

Т. Мартовъ пошелъ за т. Акимовымъ, убѣдившись въ его правотѣ послѣ того, какъ была нарушена „преемственность“ старой партійной коллегіи, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его побѣда.

На съѣздѣ, однако, за т. Акимова встали — и послѣдовательно встали — только тт. Мартыновъ, Брукэръ и бундовцы (8 голосовъ). Т. Егоровъ, какъ настоящій вождь „центра“, занимаетъ золотую середину: онъ согласенъ, видите-ли, съ искровцами, „сочувствуетъ“ имъ (стр. 282) и *доказываетъ* это сочувствіе *предложеніемъ* (стр. 283) обойти вовсе поднятый принципіальный вопросъ, *умолчать* и о Лигѣ и о Союзѣ. Предложеніе отклоняется 27 голосами противъ 15. Очевидно, кромѣ анти-искровцевъ (8) почти весь „центръ“ (10) вотируетъ съ т. Егоровымъ (все число голосовавшихъ 42, такъ что значительное число воздерживалось или *отсутствовало*, какъ это часто бывало при голосованіяхъ, неинтересныхъ и *несомнѣнныхъ* съ точки зрѣнія результата). *Какъ только заходитъ рѣчь* о проведеніи *искровскихъ принциповъ на дѣлѣ*, сейчасъ же оказывается, что „сочувствіе“ „центра“ чисто *словесное*, и за нами идетъ не больше тридцати или тридцати съ небольшимъ голосовъ. Дебаты и голосованія по предложенію Русова (признать Лигу *единственной* заграничной организаціей) еще нагляднѣе показываютъ это. Анти-искровцы и „болото“ становятся прямо уже на *принципіальную* точку зрѣнія, причемъ защищаютъ ее тт. Либеръ и Егоровъ, объявляющіе предложніе т. Русова недопустимымъ къ голосованію, незаконнымъ: „Имъ умерщвляются всѣ осталь-

ныя заграничныя организаціи" (Егоровъ). И ораторъ, не желающій участвовать въ „умерщвленіи организаціи", не только отказывается отъ голосованія, но даже оставляетъ залъ. Надо отдать, однако, справедливость лидеру „центра": онъ проявилъ вдесятеро больше убѣжденности (въ своихъ ошибочныхъ принципахъ) и политическаго мужества, чѣмъ т. Мартовъ и К°, онъ заступался за „умерщвленную" организацію *не только тогда, когда дѣло шло о собственномъ кружкѣ*, потерпѣвшемъ пораженіе въ открытой борьбѣ.

Предложеніе т. Русова признается допустимымъ къ голосованію 27 голосами противъ 15, и затѣмъ принимается 25 противъ 17. Прибавляя къ этимъ 17 отсутствующаго тов. Егорова, получаемъ *полный комплектъ (18) анти-искровцевъ и „центра"*.

Весь § 13 устава о заграничной организаціи принимается только *31 голосомъ* противъ 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее намъ приблизительную численность на съѣздѣ искровцевъ, т. е. людей, послѣдовательно отстаивающихъ и *на дѣлѣ* проводящихъ взгляды „Искры", — мы встрѣчаемъ уже не менѣе какъ *шестой разъ* въ анализѣ голосованій съѣзда (мѣсто вопроса о Бундѣ, инцидентъ съ О. К., распущеніе группы „Южнаго Рабочаго" и два голосованія объ аграрной программѣ). А т. Мартовъ хочетъ серьезно увѣрить насъ, что нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять такую „узкую" группу искровцевъ!

Нельзя не отмѣтить также, что принятіе § 13 устава вызвало крайне характерныя пренія по поводу заявленія тт. Акимова и Мартынова объ „отказѣ отъ участія въ голосованіи" (стр. 288). Бюро съѣзда обсудило это заявленіе и признало — совершенно резонно — что даже прямое закрытіе Союза не давало бы никакого права делегатамъ Союза отказываться отъ участія въ работахъ съѣзда. Отказъ отъ голосованій — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вотъ та точка зрѣнія, на которую всталъ вмѣстѣ съ бюро весь съѣздъ, въ томъ числѣ и тѣ искровцы меньшинства, которые въ 28-омъ засѣданіи *горячо осуждали то, что сами продѣлывали въ 31-мъ!* Когда т. Мартыновъ сталъ защищать свое заявленіе (стр. 291), противъ него возстали и Павловичъ, и Троцкій, и Карскій, и Мартовъ. Т. Мартовъ особенно ясно сознавалъ обязанности недовольнаго меньшинства (покуда самъ онъ не остался въ меньшинствѣ!) и особенно назидательно ораторствовалъ на счетъ нихъ. „Или вы члены съѣзда, — восклицалъ онъ по адресу тт. Акимова и Мартынова — тогда вы *должны* участвовать во *всѣхъ* его работахъ" (курсивъ мой; тогда еще т. Мартовъ не замѣчалъ формализма и бюрократизма въ подчиненіи меньшинства большинству!), „или вы не члены, и тогда не можете оставаться на засѣданіи... Своимъ заявленіемъ делегаты Союза принуждаютъ меня по-

ставить два вопроса: члены-ли они партіи и члены-ли они съѣзда?“ (стр. 292).

Т. Мартовъ поучаетъ тт. Акимова обязанностямъ членовъ партіи! Но т. Акимовъ не даромъ уже сказалъ, что возлагаетъ нѣкоторыя надежды на т. Мартова... Этимъ надеждамъ суждено было осуществиться, однако, лишь *послѣ* пораженія Мартова на выборахъ. Когда дѣло шло не о немъ самомъ, а о другихъ, т. Мартовъ оставался даже глухъ къ страшному словечку „исключительный законъ“, *пущенному въ ходъ впервые* (если я не ошибаюсь) *т. Мартыновымъ.* „Данныя намъ разъясненія — отвѣчаетъ т. Мартыновъ тѣмъ, кто убѣждалъ его взять назадъ свое заявленіе — не выяснили, было-ли рѣшеніе принципіальное или это была *исключительная мѣра* противъ Союза. Въ такомъ случаѣ мы считаемъ, что Союзу нанесено оскорбленіе. Товарищъ Егоровъ такъ же, какъ и мы, вынесъ впечатлѣніе, что это *исключительный законъ* (курсивъ мой) противъ Союза и потому даже удалился изъ залы засѣданія“ (295). И т. Мартовъ, и т. Троцкій энергично возстаютъ, вмѣстѣ съ Плехановымъ, противъ нелѣпой, *дѣйствительно нелѣпой,* идеи усматривать *оскорбленіе* въ вотумѣ съѣзда, и т. Троцкій, защищая принятую съѣздомъ, по его предложенію, резолюцію (что тт. Акимовъ и Мартыновъ могутъ счесть себя вполнѣ удовлетворенными), увѣряетъ, что „резолюція имѣетъ принципіальный, а не обывательскій характеръ, и *намъ нѣтъ дѣла до того, что кто-нибудь ею обидѣлся*“ (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишкомъ еще сильны въ нашей партіи, и подчеркнутыя мной гордыя слова оказались пустой звонкой фразой.

Тт. Акимовъ и Мартыновъ отказались взять свое заявленіе назадъ и удалились со съѣзда, при общихъ восклицаніяхъ делегатовъ: „совершенно напрасно!“

м) Выборы. Конецъ съѣзда.

Послѣ принятія устава съѣздъ принялъ резолюцію о районныхъ организаціяхъ, рядъ резолюцій объ отдѣльныхъ организаціяхъ партіи и, послѣ крайне поучительныхъ преній о группѣ „Южнаго Рабочаго“, анализированныхъ мною выше, перешелъ къ вопросу о выборахъ въ центральныя учрежденія партіи.

Мы уже знаемъ, что организація „Искры“, отъ которой весь съѣздъ ждалъ авторитетной рекомендаціи, раскололась по этому вопросу, ибо *меньшинство* организаціи пожелало испытать на съѣздѣ въ открытой и свободной борьбѣ, не удастся ли ему завоевать себѣ *большинства.* Мы знаемъ также, что задолго до съѣзда и на съѣздѣ всѣмъ делегатамъ былъ извѣстенъ планъ *обновленія* редакціи путемъ вы-

бора двухъ троекъ въ Ц. О. и въ Ц. К. Остановимся на этомъ планѣ подробнѣе для уясненія преній на съѣздѣ.

Вотъ точный текстъ моего комментарія къ проекту Tagesordnung съѣзда, гдѣ былъ изложенъ этотъ планъ[1]): „Съѣздъ выбираетъ трехъ лицъ въ редакцію Ц. О. и трехъ въ Ц. К. Эти шесть лицъ *вмѣстѣ*, по большинству ²/₃, дополняютъ, если это необходимо, составъ редакціи Ц. О. и Ц. К. кооптаціей и дѣлаютъ соотвѣтствующій докладъ съѣзду. Послѣ утвержденія съѣздомъ этого доклада, дальнѣйшая кооптація производится редакціей Ц. О. и Ц. К. отдѣльно".

Изъ этого текста планъ выясняется съ полнѣйшей опредѣленностью и недвусмысленностью: онъ означаетъ *обновленіе* редакціи *при участіи* самыхъ вліятельныхъ руководителей практической работы. Обѣ отмѣченныя мной черты этого плана сразу выступаютъ для каждаго, кто дастъ себѣ трудъ хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текстъ. Но по нынѣшнимъ временамъ приходится останавливаться на разъясненіи даже самыхъ азбучныхъ вещей. Планъ означаетъ именно *обновленіе* редакціи, не обязательное расширеніе и не обязательное сокращеніе числа ея членовъ, а именно обновленіе, ибо вопросъ о возможномъ расширеніи или сокращеніи оставленъ *открытымъ:* кооптація предусматривается лишь на тотъ случай, *если это необходимо.* Изъ числа предположеній, высказывавшихся разными лицами по вопросу объ этомъ обновленіи, были и планы возможнаго сокращенія и увеличенія числа членовъ редакціи до семи (семерку я лично всегда считалъ несравненно болѣе цѣлесообразной, чѣмъ шестерку) и даже увеличенія этого числа до одиннадцати (я считалъ это возможнымъ въ случаѣ мирнаго соединенія со всѣми социальдемократическими организаціями вообще, въ особенности съ Бундомъ и съ польской соціальдемократіей). Но самое главное, что обыкновенно упускаютъ изъ виду люди, говорящіе о „тройкѣ", это *требованіе участія членовъ Ц. К. въ рѣшеніи вопроса о дальнѣйшей кооптаціи въ Ц. О.* Ни единый товарищъ изъ всей массы членовъ организаціи и делегатовъ съѣзда изъ „меньшинства", знавшихъ этотъ планъ и одобрявшихъ его (одобрявшихъ либо спеціальнымъ выраженіемъ своего согласія, либо своимъ молчаніемъ), не потрудился объяснить значенія этого требованія. Во-первыхъ, почему за исходный пунктъ для обновленія редакціи взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы *совершенно безсмысленно,* если бы имѣлось въ виду *исключительно,* или хотя бы главнымъ образомъ, *расширеніе* коллегіи, если бы эта коллегія признавалась дѣйствительно „гармонической". Странно было

[1]) Смотри. мое „Письмо въ редакцію „Искры", стр. 5, и протоколы Лиги, страница 53.

бы для расширенія „гармонической“ коллегіи *исходить* не изъ всей этой коллегіи, а только отъ *ея части.* Очевидно, что *не всѣ* члены коллегіи признавались вполнѣ пригодными для обсужденія и *рѣшенія* вопроса объ обновленіи ея состава, о превращеніи стараго редакторскаго кружка въ *партійное учреждение.* Очевидно, что даже тотъ, кто самъ лично желалъ обновленія въ видѣ расширенія, признавалъ старый составъ негармоничнымъ, несоотвѣтствующимъ идеалу партійнаго учрежденія, ибо иначе незачѣмъ было бы для расширенія шестерки *сначала* понижать ее до *тройки.* Повторяю: это ясно само собою, и только временное засореніе вопроса „личностями“ могло заставить забыть объ этомъ.

Во-вторыхъ, изъ текста, приведеннаго выше, видно, что даже *согласіе всѣхъ трехъ членовъ Ц. О.* недостаточно было бы еще для расширенія тройки. Это тоже всегда упускается изъ виду. Для кооптаціи нужно ²/₃ отъ *шести,* т. е. *четыре* голоса; значитъ, стоило бы только тремъ выбраннымъ членамъ Ц. К. сказать „veto“, и *никакое расширеніе тройки не было бы возможно.* Наоборотъ, если бы даже двое изъ трехъ членовъ редакціи Ц. О. были противъ дальнѣйшей кооптаціи, — кооптація все же могла бы состояться, при согласіи на нее всѣхъ трехъ членовъ Ц. К. Очевидно, такимъ образомъ, что имѣлось въ виду, при превращеніи стараго кружка въ партійное учрежденіе, дать *рѣшающій* голосъ руководителямъ практической работы, выбираемымъ съѣздомъ. Какіе товарищи приблизительно намѣчались нами при этомъ, видно изъ того, что редакція до съѣзда единогласно выбрала седьмымъ въ свой составъ тов. Павловича, на случай, если придется на съѣздѣ выступать отъ имени коллегіи; кромѣ товарища Павловича на мѣсто седьмого былъ предлагаемъ одинъ старый членъ организаціи „Искры“ и членъ О. К., *выбранный впослѣдствіи въ члены Ц. К.*

Такимъ образомъ, планъ выбора двухъ троекъ былъ разсчитанъ явнымъ образомъ: 1) на обновленіе редакціи, 2) на устраненіе изъ нея нѣкоторыхъ чертъ старой кружковщины, неумѣстной въ партійномъ учрежденіи (если бы нечего было устранять, то незачѣмъ бы и придумывать первоначальной тройки!), наконецъ, 3) на устраненіе „теократическихъ“ чертъ литераторской коллегіи (устраненіе посредствомъ привлеченія выдающихся практиковъ *къ рѣшенію* вопроса о расширеніи тройки). Этотъ планъ, съ которымъ ознакомлены были всѣ редакторы, основывался, очевидно, на *трехлѣтнемъ опытѣ* работы и соотвѣтствовалъ *вполнѣ* послѣдовательно проводимымъ нами принципамъ революціонной организаціи: въ эпоху *разброда,* когда выступила „Искра“, отдѣльныя группы складывались часто случайно и стихійно, неизбѣжно страдая отъ нѣкоторыхъ вредныхъ проявленій кружковщины. Созданіе партіи предполагало устраненіе таковыхъ чертъ и требовало ихъ

устраненія: участіе выдающихся практиковъ въ этомъ учреждении было *необходимо*, ибо нѣкоторые члены редакціи *всегда* вѣдали организаціонныя дѣла, и въ систему партійныхъ учрежденій должна была войти не литераторская только коллегія, а коллегія политическихъ руководителей. Предоставленіе съѣзду выбора первоначальной тройки было равнымъ образомъ естественно, съ точки зрѣнія всегдашней политики „Искры“: мы до послѣдней степени *осторожно* готовили съѣздъ, выжидая *полнаго* выясненія спорныхъ принципіальныхъ вопросовъ программы, тактики и организаціи: мы *не сомнѣвались*, что съѣздъ будетъ *искровскимъ* въ смыслѣ солидарности громаднаго большинства въ этихъ основныхъ вопросахъ (объ этомъ свидѣтельствовали отчасти и резолюціи о признаніи „Искры“ руководящимъ органомъ); мы *должны были* поэтому предоставить товарищамъ, которые вынесли на своихъ плечахъ всю работу распространенія идей „Искры“ и подготовленія ея превращенія въ партію, предоставить *имъ самимъ* рѣшить вопросъ о наиболѣе пригодныхъ кандидатахъ въ новое партійное учрежденіе. *Только* этой естественностью плана „двухъ троекъ“, *только* его *полнымъ соотвѣтствіемъ* со всей политикой „Искры“ и со всѣмъ тѣмъ, что знали про „Искру“ сколько-нибудь близко стоящія къ дѣлу лица, *и можно объяснить* общее одобреніе этого плана, отсутствіе какого бы то ни было конкуррирующаго плана.

И вотъ на съѣздѣ тов. Русовъ прежде всего и предложилъ выбрать *двѣ тройки*. Сторонники Мартова, который *письменно увѣдомлялъ насъ о связи этого плана съ ложнымъ обвиненіемъ въ оппортунизмѣ*, *и не подумали* однако свести споръ о шестеркѣ и тройкѣ на вопросъ о правильности или неправильности этого обвиненія. *Ни одинъ изъ нихъ и не заикнулся объ этомъ! Ни одинъ изъ нихъ не рѣшился сказать ни слова* о принципіальномъ отличіи оттѣнковъ, связанныхъ съ шестеркой и тройкой. Они предпочли болѣе ходкій и дешевый пріемъ — апеллировать къ *жалости*, ссылаться на *возможную обиду*, притворяться, что *вопросъ о редакціи рѣшенъ уже* назначеніемъ „Искры“ центральнымъ органомъ. Этотъ послѣдній доводъ, выдвинутый тов. Кольцовымъ противъ товарища Русова, представляетъ изъ себя *прямую фальшь*. Въ порядокъ дня съѣзда были, — конечно, не случайно — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколовъ): п. 4 — „Ц. О. Партіи“ и п. 18 — „Выборы Ц. К. и ред. Ц. О.“. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, при назначеніи Ц. О. *всѣ* делегаты категорически заявляли, что этимъ *не* утверждается редакція, а лишь направленіе[1]), *ни одного протеста* противъ этихъ заявленій не послѣдовало.

[1]) См. стр. 140 протоколовъ, рѣчь *Акимова*: „...мнѣ говорятъ, что о выборахъ въ Ц. О. мы будемъ говорить въ концѣ“, рѣчь *Муравьева* противъ Акимова, „очень близко къ сердцу принимающаго вопросъ о будущей редак-

Такимъ образомъ, заявленіе, что, утвердивъ опредѣленный органъ, съѣздъ уже въ сущности тѣмъ самымъ утвердилъ и редакцію, — заявленіе, повторявшееся много разъ сторонниками меньшинства (Кольцовымъ, с. 321, Посадовскимъ, тамъ же, Поповымъ, с. 322 и мн. др.) — было *прямо фактически невѣрно.* Это былъ явный для всѣхъ *маневръ*, прикрывающій *отступленіе* отъ позиціи, занятой тогда, когда къ вопросу о составѣ центровъ *всѣ* могли еще относиться *дѣйствительно безпристрастно.* Отступленіе невозможно было оправдать ни принципіальными мотивами (ибо *на съѣздѣ* поднимать вопросъ о „ложномъ обвиненіи въ оппортунизмѣ" было слишкомъ *невыгодно* для меньшинства, которое *и не заикнулось* объ этомъ), ни ссылкой на *фактическія* данныя относительно дѣйствительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновеніе къ этимъ даннымъ дало бы гору указаній противъ меньшинства). Пришлось отдѣлываться *фразой* о „стройномъ цѣломъ", о „гармоническомъ коллективѣ", о „стройномъ и кристаллически-цѣльномъ цѣломъ" и т. п. Неудивительно, что такіе доводы сейчасъ же и были названы настоящимъ именемъ: „*жалкія слова*" (с. 328). Самый планъ тройки ясно уже свидѣтельствовалъ о недостаткѣ „гармоничности", а впечатлѣнія, собранныя делегатами въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсячныхъ совмѣстныхъ работъ, очевидно, дали массу матеріала для *самостоятельнаго* сужденія делегатовъ. Когда тов. Посадовскій намекнулъ (неосторожно и необдуманно съ его точки зрѣнія: см. стр. 321 и 325 объ „условномъ" употребленіи имъ слова „шероховатости") на этотъ матеріалъ, то тов. Муравьевъ прямо заявилъ: „По моему мнѣнію, для большинства съѣзда въ настоящій моментъ вполнѣ ясно видно, что такія[1]) шероховатости несомнѣнно существуютъ" (321). Меньшинство пожелало понять слово „шероховатости" (пущенное въ ходъ Посадовскимъ, а

ціи Ц. О." (стр. 141), рѣчь *Павловича* о томъ, что назначивъ органъ, мы получили „конкретный матеріалъ, надъ которымъ мы можемъ производить тѣ операціи, о которыхъ такъ заботится тов. Акимовъ", и о томъ, что насчетъ „подчиненія" „Искры" „рѣшеніямъ партіи" не можетъ быть и тѣни сомнѣнія (стр. 142); рѣчь *Троцкаго:* „разъ мы не утверждаемъ редакціи, что утверждаемъ мы въ „Искрѣ"?.. Не имя, а направленіе... не имя, а знамя" (страница 142); рѣчь *Мартынова:* „...Я полагаю, какъ и многіе другіе товарищи, что, обсуждая вопросъ о признаніи „Искры", какъ газеты извѣстнаго направленія, нашимъ центральнымъ органомъ, мы сейчасъ не должны касаться способа выбора или утвержденія ея редакціи; объ этомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ порядка дня..." (стр. 143).

[1]) Какія именно „шероховатости" имѣлъ въ виду тов. Посадовскій, мы такъ и не узнали на съѣздѣ. Тов. же Муравьевъ въ томъ же засѣданіи (с. 322) оспаривалъ вѣрность передачи его мысли, а во время утвержденія протоколовъ прямо заявилъ, что онъ „говорилъ о тѣхъ шероховатостяхъ, которыя проявлялись въ преніяхъ съѣзда по разнымъ вопросамъ, шероховатостяхъ принципіальнаго характера, существованіе которыхъ въ настоящій моментъ представляетъ уже, къ сожалѣнію, фактъ, котораго никто не будетъ отрицать" (с. 353).

не Муравьевымъ) исключительно въ смыслѣ чего-то личнаго, не рѣшившись поднять брошенной тов. Муравьевымъ перчатки, не рѣшившись выдвинуть *ни единаго* довода *по существу дѣла* въ защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей безплодности, споръ: большинство (устами тов. Муравьева) заявляетъ, что ему *вполнѣ ясно видно* настоящее значеніе шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышитъ этого и увѣряетъ, что „мы *не имѣемъ возможности* входить въ разборъ". Большинство не только считаетъ возможнымъ входить въ разборъ, но уже „вошло въ разборъ" и говоритъ о *вполнѣ ясныхъ* для него результатахъ этого разбора, а меньшинство, видимо, *боится разбора*, прикрываясь одними „жалкими словами". Большинство совѣтуетъ „имѣть въ виду, что нашъ Ц. О. не есть только литературная группа", большинство „хочетъ, чтобы во главѣ Ц. О. стояли *лица, вполнѣ опредѣленныя, извѣстныя съѣзду, лица удовлетворяющія требованіямъ*, о которыхъ я говорилъ" (т. е. именно требованіямъ не только литературнымъ, стр. 327, рѣчь тов. Ланге). Меньшинство опять таки не рѣшается поднять перчатки и ни слова не говоритъ о томъ, кто пригоденъ, по его мнѣнію, для коллегіи не только литературной, кто является „вполнѣ опредѣленной и извѣстной съѣзду" величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую „гармоничность". Мало того. Меньшинство вноситъ даже въ аргументацію такіе доводы, которые абсолютно невѣрны принципіально и потому вызываютъ по справедливости рѣзкій отпоръ. „Съѣздъ, — видите ли, — не имѣетъ ни нравственнаго, ни политическаго права перекраивать редакцію" (Троцкій, стр. 326), „это слишкомъ щекотливый (sic!) вопросъ" (онъ же), „*какъ должны отнестись неизбранные члены редакціи къ тому, что съѣздъ не желаетъ долѣе ихъ видѣть въ составѣ редакціи?*" (Царевъ, страница 324 [1]).

Такіе доводы всецѣло уже переносили вопросъ на почву *жалости и обиды*, будучи прямымъ признаніемъ банкротства въ области аргументовъ дѣйствительно принципіальныхъ, дѣйствительно политическихъ. И большинство сейчасъ же характеризовало эту постановку вопроса *настоящимъ* словомъ: *обывательщина* (тов. Русовъ). „На устахъ революціонеровъ, — справедливо сказалъ тов. Русовъ, — раздаются такія странныя рѣчи, которыя находятся въ рѣзкой дисгармоніи съ понятіемъ партійной работы, партійной этики. Основной доводъ, на который стали противники выбора троекъ, сводится на *чисто обывательскій взглядъ на партійныя дѣла*" (курсивъ вездѣ мой)... „Становясь на эту

---

[1] Ср. рѣчь тов. Посадовскаго: ...„Выбирая изъ шести лицъ старой редакціи трехъ, вы этимъ самымъ трехъ другихъ признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имѣете ни права, ни основанія".

не партійную, а *обывательскую* точку зрѣнія, мы при каждомъ выборѣ будемъ стоять передъ вопросомъ: а не обидится ли Петровъ, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то членъ О. К., что не его, а другого выбрали въ Ц. К. Куда же, товарищи, насъ это приведетъ? Если мы собрались сюда *не для взаимно пріятныхъ рѣчей, не для обывательскихъ нѣжностей*, а для созданія партіи, то мы не можемъ никакъ согласиться на такой взглядъ. Мы стоимъ передъ вопросомъ *выбора должностныхъ лицъ*, и тутъ не можетъ быть вопроса о недовѣріи къ тому или иному невыбранному, а *только вопросъ о пользѣ дѣла и соотвѣтствіи выбраннаго лица съ той должностью, на которую онъ выбирается*" (*стр. 325*).

Мы бы посовѣтовали всѣмъ, кто хочетъ самостоятельно разобраться въ причинахъ партійнаго раскола и доискаться *корней* его на съѣздѣ, *читать и перечитывать* рѣчь тов. Русова, доводы котораго меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить такихъ элементарныхъ, азбучныхъ истинъ, забвеніе которыхъ уже самъ тов. Русовъ справедливо объяснялъ однимъ лишь „*нервнымъ возбужденіемъ*". И это дѣйствительно наименѣе непріятное для меньшинства объясненіе того, какъ могли они съ партійной точки зрѣнія сойти на точку зрѣнія обывательщины и кружковщины[1]).

---

[1]) Тов. Мартовъ въ своемъ „Осадномъ положеніи" отнесся и къ этому вопросу такъ же, какъ къ остальнымъ затронутымъ имъ вопросамъ. Онъ не потрудился дать цѣльной картины спора. Онъ скромненько обошелъ единственный дѣйствительно *принципіальный* вопросъ, всплывшій въ этомъ спорѣ: обывательскія нѣжности или выборъ должностныхъ лицъ? Партійная точка зрѣнія или обида Ивановъ Иванычей? Тов. Мартовъ и здѣсь ограничился вырываніемъ отдѣльныхъ и безсвязныхъ кусочковъ происшествія съ добавленіемъ всяческихъ ругательствъ по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартовъ!

Особенно пристаетъ *ко мнѣ* тов. Мартовъ съ вопросомъ, *почему* не выбирали на съѣздѣ тт. Аксельрода, Засуличъ и Старовѣра. Обывательская точка зрѣнія, на которую онъ всталъ, мѣшаетъ ему видѣть *неприличіе* этихъ вопросовъ (почему не спроситъ онъ своего коллегу по редакціи, тов. Плеханова?). Онъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что я считаю „безтактнымъ" поведеніе меньшинства на съѣздѣ въ вопросѣ о шестеркѣ, и что я въ то же время требую партійной гласности. Противорѣчія тутъ нѣтъ, какъ легко увидѣлъ бы и самъ Мартовъ, если бы потрудился дать связное изложеніе *всѣхъ* перепетій вопроса, а не обрывковъ его. Безтактно было ставить вопросъ на обывательскую точку зрѣнія, аппеллировать къ жалости и обидѣ; интересы партійной огласки требовали бы оцѣнки *по существу* преимуществъ шестерки надъ тройкой, оцѣнки кандидатовъ на должность, оцѣнки оттѣнковъ: *меньшинство и не заикнулось объ этомъ на съѣздѣ*.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартовъ увидѣлъ бы въ рѣчахъ делегатовъ *цѣлый рядъ* доводовъ противъ шестерки. Вотъ выборка изъ этихъ рѣчей: во-первыхъ, въ старой шестеркѣ ясно видны шероховатости въ смыслѣ принципіальныхъ оттѣнковъ; во-вторыхъ, желательно техническое упрощеніе редакціонной работы; въ-третьихъ, польза дѣла стоитъ выше обывательскихъ нѣжностей; только выборъ обезпечитъ соотвѣтствіе выбранныхъ лицъ съ ихъ должностями; въ-четвертыхъ, нельзя ограничивать свободы выбора съѣздомъ; въ-пятыхъ, партіи нужна теперь не только литературная группа въ

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и дѣловые доводы противъ выборовъ, что, кромѣ внесенія въ партійное дѣло обывательщины, оно дошло до *пріемовъ* прямо *скандальнаго* характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не назвать такимъ именемъ пріемъ тов. Попова, посовѣтовавшаго тов. Муравьеву „не брать на себя деликатныхъ *порученій*" (стр. 322)? Что это, какъ не „залѣзаніе въ чужую душу", по справедливому выраженію тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, какъ не спекуляція на „*личности*", при отсутствіи доводовъ *политическихъ*? Правду или неправду сказалъ тов. Сорокинъ, что „противъ такихъ пріемовъ мы всегда протестовали"? „*Позволительно ли поведеніе тов. Дейча*, когда онъ демонстративно пытался пригвоздить къ позорному столбу товарищей, несогласныхъ съ нимъ?"[1]) (стр. 328).

Подведемъ итогъ преніямъ по вопросу о редакціи. Меньшинство не опровергло (и не опровергало) многочисленныхъ указаній большинства на то, что проектъ тройки былъ извѣстенъ *делегатамъ* въ самомъ началѣ съѣзда *и до съѣзда*, что, слѣд., проектъ этотъ исходилъ изъ *соображеній и данныхъ, независимыхъ отъ происшествій и споровъ на съѣздѣ*. Меньшинство заняло, при отстаиваніи шестерки, *принципіально неправильную и недопустимую* позицію *обывательскихъ* соображеній. Меньшинство проявило полное забвеніе *партійной* точки зрѣнія на выборъ *должностныхъ лицъ*, не прикоснувшись даже къ *оцѣнкѣ* каждаго кандидата на должность и его соотвѣтствія или несоотвѣтсвія съ функціями данной должности. Меньшинство *уклонялось* отъ обсужденія вопроса

Ц. О., въ Ц. О. необходимы не только литераторы, но и администраторы; въ-шестыхъ, въ Ц. О. должны быть лица вполнѣ опредѣленныя, извѣстныя *съѣзду*; въ-седьмыхъ, коллегія изъ шести часто недѣеспособна, и ея работа осуществлена *не благодаря* ненормальному уставу, *а несмотря* на это; въ-восьмыхъ, веденіе газеты — партійное (а не кружковое) дѣло, и т. д. — Пусть попробуетъ тов. Мартовъ, если онъ такъ интересуется вопросомъ о причинахъ невыбора, *вникнуть* въ каждое изъ этихъ соображеній и опровергнуть *хоть одно* изъ нихъ.

[1]) Такъ понялъ слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — „рѣзкій діалогъ съ Орловымъ") тов. Сорокинъ *въ томъ же засѣданіи*. Тов. Дейчъ объясняетъ (стр. 351), что онъ „ничего подобнаго не говорилъ", но самъ же признаетъ *тутъ же*, что сказалъ нѣчто *весьма и весьма* „подобное". „Я не говорилъ: кто рѣшится — объясняетъ тов. Дейчъ — а сказалъ: мнѣ интересно посмотрѣть, кто эти лица, которыя рѣшатся (sic! тов. Дейчъ поправляется изъ кулька въ рогожку!) поддерживать такое преступное (sic!) предложеніе, какъ избраніе трехъ" (стр. 351). Тов. Дейчъ не опровергъ, *а подтвердилъ* слова тов. Сорокина. Тов. Дейчъ подтвердилъ упрекъ тов. Сорокина, что „всѣ понятія здѣсь перепутались" (въ доводахъ меньшинства за шестерку). Тов. Дейчъ подтвердилъ умѣстность напоминанія со стороны тов. Сорокина такой *азбучной* истины, что „мы члены партіи и должны поступать, руководствуясь исключительно политическими соображеніями". Кричать о *преступности* выборовъ значитъ унижаться не только до обывательщины, но прямо *до скандальчика*!

по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, „проливая слезы“ и „впадая въ паѳосъ“ (стр. 327, рѣчь Ланге), какъ будто кого-то „хотѣли убить“. Меньшинство дошло даже до „*залѣзанія въ чужую душу*“, воплей о „преступности“ выбора и тому подобныхъ *непозволительныхъ* пріемовъ, дошло подъ вліяніемъ „*нервнаго возбужденія*“ (стр. 325).

Борьба *обывательщины* съ *партійностью*, худшаго сорта „*личностей*“ съ *политическими соображеніями, жалкихъ словъ* съ элементарными понятіями *революціоннаго дѣла* — вотъ чѣмъ была борьба изъ за шестерки и тройки на тридцатомъ засѣданіи нашего съѣзда.

И на 31-омъ засѣданіи, когда съѣздъ большинствомъ 19 голосовъ противъ 17 при трехъ воздержавшихся *отвергъ* предложеніе объ утвержденіи всей старой редакціи (см. 330 стр. и *опечатки*) и когда *бывшіе редакторы* вернулись въ залъ засѣданія, тов. Мартовъ въ своемъ „заявленіи отъ имени большинства бывшей редакціи“ (стр. 330-1) проявилъ въ еще большихъ размѣрахъ ту же шаткость и неустойчивость политической позиціи и *политическихъ понятій*. Разберемъ подробнѣе каждый пунктъ коллективнаго *заявленія* и моего отвѣта (стр. 332-3) на него.

„Отнынѣ — говоритъ тов. Мартовъ послѣ неутвержденія старой редакціи — старой „Искры“ не существуетъ, и было бы послѣдовательнѣе перемѣнить ея названіе. Во всякомъ случаѣ въ новомъ постановленіи съѣзда мы видимъ существенное ограниченіе того вотума довѣрія „Искрѣ“, который былъ принятъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій съѣзда“.

Тов. Мартовъ съ коллегами подымаетъ дѣйствительно интересный и поучительный во многихъ отношеніяхъ вопросъ о *политической послѣдовательности*. Я отвѣтилъ уже на это ссылкой на то, что *всѣ* говорили при утвержденіи „Искры“ (стр. 349 прот. ср. выше стр. 82). Несомнѣнно, что передъ нами одинъ изъ самыхъ вопіющихъ случаевъ политической непослѣдовательности: съ чьей стороны, — со стороны ли большинства съѣзда или со стороны большинства старой редакціи, предоставимъ судить читателю. Читателю же мы предоставимъ рѣшеніе и двухъ другихъ, очень кстати поставленныхъ тов. Мартовымъ и коллегами его вопросовъ: 1) *обывательская* или *партійная* точка зрѣнія проявляется въ желаніи видѣть „ограниченіе вотума довѣрія „Искрѣ“ въ рѣшеніи *съѣзда* произвести *выборъ должностныхъ лицъ въ редакцію Ц. О.?* 2) съ какого момента дѣйствительно *не существуетъ старой „Искры“*: съ номера ли X, когда мы стали вести ее вдвоемъ съ Плехановымъ, или съ номера 53-го, когда ее повело большинство старой редакціи? Если первый вопросъ есть интереснѣйшій *вопросъ принципа*, то второй — интереснѣйшій *вопросъ факта*.

„Такъ какъ теперь рѣшено — продолжалъ тов. Мартовъ — выбрать редакцію изъ трехъ лицъ, то я отъ имени своего

и трехъ другихъ товарищей заявляю, что ни одинъ изъ насъ не приметъ участія въ такой новой редакціи. Лично о себѣ прибавляю, что, если вѣрно, что нѣкоторые тов. хотѣли вписать мое имя, какъ одного изъ кандидатовъ въ эту „тройку“, то я долженъ усмотрѣть въ этомъ оскорбленіе, мною не заслуженое (sic!). Говорю это въ виду обстоятельствъ, при которыхъ было рѣшено измѣнить редакцію. Рѣшено это было въ виду какихъ-то „треній“[1]), неработоспособности бывшей редакціи, причемъ съѣздъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ опредѣленномъ смыслѣ, не спросивъ редакцію объ этихъ треніяхъ и не назначивъ хотя бы коммиссіи для внесенія вопроса объ ея неработоспособности“... (Странно, что никто изъ меньшинства не догадался предложить съѣзду „спросить редакцію“ или назначить коммисcію! Не произошло ли это оттого, что послѣ раскола организаціи „Искры“ и неудачи переговоровъ, о которыхъ писалъ тов. Мартовъ и Старовѣръ, это было бы безполезно?)... „При такихъ обстоятельствахъ предположеніе нѣкоторыхъ товарищей, что я соглашусь работать въ реформированной такимъ образомъ редакціи, я долженъ считать пятномъ на моей политической репутаціи“[2])...

Я нарочно выписалъ цѣликомъ это разсужденіе, чтобы показать читателю образчикъ и начало того, что такъ пышно расцвѣло *послѣ съѣзда* и что нельзя назвать иначе

[1]) Тов. Мартовъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду выраженіе тов. Посадовскаго: „шереховатости“. Повторяю, что тов. Посадовскій такъ и не объяснилъ съѣзду, что *онъ* хотѣлъ сказать, а тов. Муравьевъ, употребившій то же выраженіе, объяснилъ, что говорилъ о *принципіальныхъ* шереховатостяхъ, *проявившихся въ преніяхъ съѣзда*. Читатели припомнятъ, что *единственный* случай дѣйствительно *принципіальныхъ* преній, въ которыхъ участвовало четыре редактора (Плехановъ, Мартовъ, Аксельродъ и *я*), касался § 1 устава и что тов. Мартовъ и Старовѣръ *письменно* жаловались на „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ“, какъ одинъ изъ доводовъ „измѣненія“ редакціи. Тов. Мартовъ *въ этомъ письмѣ* усматривалъ *ясную* связь „оппортунизма“ съ планомъ измѣненія редакціи, а *на съѣздѣ* ограничился туманнымъ намекомъ на „*какія-то тренія*“. „Ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ“ уже забыто!

[2]) Тов. Мартовъ добавилъ еще: „На такую роль согласится развѣ Рязановъ, а не тотъ Мартовъ, котораго, какъ я думаю, вы знаете по его работѣ“. Поскольку это есть *личное* нападеніе на Рязанова, постольку тов. Мартовъ взялъ это назадъ. Но Рязановъ фигурировалъ на съѣздѣ въ качествѣ нарицательнаго имени вовсе не за тѣ или иныя его личныя свойства (касаться коихъ было бы неумѣстно), а за *политическую физіономію* группы „Борьба“, за ея *политическія ошибки*. Тов. Мартовъ очень хорошо дѣлаетъ, если беретъ назадъ предполагаемыя, или дѣйствительно нанесенныя личныя оскорбленія, но не слѣдуетъ забывать изъ за этого *политическихъ ошибокъ*, которыя должны служить *урокомъ партіи*. Группа „Борьба“ обвинялась у насъ на съѣздѣ въ внесеніи „организаціоннаго хаоса“ и „дробленія, не вызываемаго никакими принципіальными соображеніями“ (стр. 38, рѣчь тов. Мартова). *Такое* политическое поведеніе безусловно заслуживаетъ порицанія не только тогда, когда мы видимъ его у маленькой группы до съѣзда партіи въ періодъ *общаго* хаоса, но и тогда, когда мы видимъ его *послѣ* съѣзда партіи, въ періодъ устраненія хаоса, видимъ со стороны хотя бы и „большинства редакціи „Искры“ и большинства Группы Освобожденія Труда“.

какъ *дрязгой*. Я употребилъ уже это выраженіе въ моемъ „Письмѣ въ редакцію „Искры“ и, несмотря на недовольство редакціи, вынужденъ повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думаютъ, что дрязга предполагаетъ „низменные мотивы“ (какъ умозаключила редакція новой „Искры“): всякій революціонеръ, сколько-нибудь знакомый съ нашими ссыльными и эмигрантскими колоніями, видалъ, навѣрное, десятки случаевъ дрязгъ, когда выдвигались и пережевывались самыя нелѣпыя обвиненія, подозрѣнія, самообвиненія, „личности“ и т. п. на почвѣ „нервнаго возбужденія“ и ненормальныхъ, затхлыхъ условій жизни. Низменныхъ *мотивовъ* ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ непремѣнно искать въ этихъ дрязгахъ, *какъ бы низменны ни были ихъ проявленія*. И именно только „нервнымъ возбужденіемъ“ можно объяснить этотъ запутанный клубокъ нелѣпостей, личностей, фантастическихъ ужасовъ, залѣзанія въ душу, вымученныхъ оскорбленій и пятнаній, каковымъ является выписанный мною абзацъ изъ рѣчи тов. Мартова. Затхлыя условія жизни сотнями порождаютъ у насъ такія дрязги, и политическая партія не заслуживала бы уваженія, если бы она не смѣла называть свою болѣзнь настоящимъ именемъ, ставить безпощадный діагнозъ и отыскивать средства лѣченія.

Поскольку можно выдѣлить изъ этого клубка нѣчто принципіальное, постольку *неизбѣжно* придти къ выводу, что „выборы не имѣютъ ничего общаго съ оскорбленіемъ политической репутаціи“, что „отрицать право съѣзда на новые выборы, на всяческое измѣненіе состава должностныхъ лицъ, на переборку уполномачиваемыхъ имъ коллегій“ значитъ вносить *путаницу* въ вопросъ и что „въ воззрѣніяхъ тов. Мартова на допустимость выборовъ части прежней коллегіи проявляется *величайшее смѣшеніе политическихъ понятій*“ (какъ я выразился на съѣздѣ, стр. 332).

Опускаю „личное“ замѣчаніе тов. Мартова къ вопросу о томъ, отъ кого исходитъ планъ тройки, и перехожу къ его „политической“ характеристикѣ того значенія, какое имѣетъ неутвержденіе старой редакціи:... „Происшедшее теперь есть послѣдній актъ борьбы, имѣвшей мѣсто въ теченіе второй половины съѣзда“... (Правильно! и эта вторая половина начинается съ того момента, когда Мартовъ въ вопросѣ о § 1 устава попалъ въ цѣпкія объятія тов. Акимова)... „Для всѣхъ не тайна, что дѣло при этой реформѣ идетъ не о „работоспособности“, а о борьбѣ за вліяніе на Ц. К.“... (Во-первыхъ, для всѣхъ не тайна, что дѣло шло тутъ *и* о работоспособности *и* о расхожденіи изъ-за *состава* Ц. К., ибо планъ „реформы“ выдвинутъ былъ тогда, когда еще о второмъ расхожденіи *не могло быть и рѣчи*, тогда, когда мы вмѣстѣ съ тов. Мартовымъ выбирали седьмымъ участникомъ редакціонной коллегіи тов. Павловича! Во-вторыхъ, мы уже показали на

основаніи *документальныхъ* данныхъ, что дѣло шло о *личномъ составѣ* Ц. К., что дѣло свелось à la fin des fins къ различію списковъ: Глѣбовъ-Травинскій-Поповъ и Глѣбовъ-Троцкій-Поповъ)... „Большинство редакціи показало, что оно не желаетъ превращенія Ц. К. въ орудіе редакціи"... (Начинается Акимовская пѣсня: вопросъ о вліяніи, за которое борется всякое большинство на всякомъ партійномъ съѣздѣ всегда и вездѣ, чтобы *закрѣпить* это вліяніе *большинствомъ* въ центральныхъ учрежденіяхъ, переносится въ область *оппортунистической сплетни* объ „орудіи" *редакціи*, о „простомъ *придаткѣ*" редакціи, какъ сказалъ тотъ же тов. Мартовъ немного позже, стр. 334)... „Вотъ почему понадобилось сократить число членовъ редакціи(!!). А потому я и не могу вступить въ такую редакцію"... (Посмотрите-ка внимательнѣе на это „потому": какъ *могла бы* редакція превратить Ц. К. въ придатокъ или въ орудіе? *только* такъ и въ томъ случаѣ, если бы она имѣла три голоса въ Совѣтѣ и *злоупотребляла* этимъ перевѣсомъ? не ясно ли это? И неясно ли также, что выбранный третьимъ тов. Мартовъ всегда могъ бы помѣшать всякому злоупотребленію и уничтожить *однимъ своимъ голосомъ* всякій перевѣсъ редакціи въ Совѣтѣ? Дѣло сводится, слѣд., именно къ личному составу Ц. К., а рѣчи объ орудіи и придаткѣ сразу оказываются *сплетней*)... „Вмѣстѣ съ большинствомъ старой редакціи я думалъ, что съѣздъ положитъ конецъ „осадному положенію" внутри партіи и введетъ въ ней нормальный порядокъ. Въ дѣйствительности, осадное положеніе съ исключительными законами противъ отдѣльныхъ группъ продолжено и даже обострено. Только въ составѣ всей старой редакціи мы можемъ ручаться, что права, предоставленныя редакціи уставомъ, не послужатъ ко вреду для партіи"...

Вотъ цѣликомъ то мѣсто изъ рѣчи тов. Мартова, въ которомъ *онъ впервые бросилъ пресловутый лозунгъ „осаднаго положенія"*. И теперь взгляните на мой отвѣтъ ему:

..."Исправляя заявленіе Мартова о частномъ характерѣ двухъ троекъ, я и не думаю однако затрагивать этимъ утвержденія того же Мартова о „политическомъ значеніи" того шага, который мы сдѣлали, не утвердивъ старой редакціи. Напротивъ, я вполнѣ и безусловно согласенъ съ тов. Мартовымъ въ томъ, что этотъ шагъ имѣетъ крупное политическое значеніе, — только не то, какое приписываетъ ему Мартовъ. Онъ говорилъ, что это есть актъ борьбы за вліяніе на Ц. К. въ Россіи. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за вліяніе была до сихъ поръ вся дѣятельность „Искры", какъ частной группы, а теперь рѣчь идетъ уже о большемъ, объ организаціонномъ закрѣпленіи вліянія, а не только о борьбѣ за него. До какой степени глубоко мы расходимся здѣсь политически съ тов. Мартовымъ, видно изъ того, что онъ ставитъ мнѣ въ вину это желаніе вліять на Ц. К., а я ставлю себѣ въ заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрѣпить это вліяніе организаціоннымъ путемъ. Оказывается, что мы говоримъ даже на разныхъ языкахъ. Къ чему была бы вся наша работа, всѣ наши усилія, если бы вѣнцомъ ихъ была все та же старая борьба за вліяніе, а не полное пріобрѣтеніе и упроченіе вліянія. Да, тов. Мартовъ совершенно правъ: сдѣланный шагъ есть

несомнѣнно крупный политическій шагъ, свидѣтельствующій о выборѣ одного изъ намѣтившихся теперь направленій въ дальнѣйшей работѣ нашей партіи. *И меня нисколько не пугаютъ страшныя слова объ „осадномъ положеніи въ партіи", объ „исключительныхъ законахъ противъ отдѣльныхъ лицъ и группъ" и т. п.* По отношенію къ неустойчивымъ и шаткимъ элементамъ мы не только можемъ, мы обязаны создать „осадное положеніе", и весь нашъ уставъ партіи, весь нашъ утвержденный отнынѣ съѣздомъ централизмъ есть ничто иное, какъ „осадное положеніе" для столь многочисленныхъ источниковъ политической расплывчатости. Противъ расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сдѣланный съѣздомъ шагъ правильно намѣтилъ политическое направленіе, создавъ прочный базисъ для такихъ законовъ и такихъ мѣръ".

Я подчеркнулъ въ этомъ конспектѣ моей рѣчи на съѣздѣ *фразу, которую тов. Мартовъ въ своемъ „Осадномъ положеніи"* (стр. 16) *предпочелъ опустить.* Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что онъ не захотѣлъ понять ея яснаго смысла.

Что значитъ выраженіе: „страшныя слова", тов. Мартовъ?

Оно означаетъ *насмѣшку,* насмѣшку надъ тѣмъ, кто къ маленькимъ вещамъ прилагаетъ большія названія, кто запутываетъ простой вопросъ претенціознымъ фразерствомъ.

Маленькій и простой фактъ, который *одинъ только* могъ подать и подалъ поводъ къ „нервному возбужденію" тов. Мартова, состоялъ *исключительно* въ томъ, что тов. Мартовъ *потерпѣлъ пораженіе на съѣздѣ* въ вопросѣ о *личномъ составѣ центровъ.* Политическое значеніе этого простого факта состояло въ томъ, что большинство партійнаго съѣзда, побѣдивъ, закрѣпляло свое вліяніе проведеніемъ большинства и въ партійное правленіе, созданіемъ организаціоннаго базиса для борьбы при помощи устава съ тѣмъ, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью[1]). Говорить по этому поводу о „борьбѣ за вліяніе" съ какимъ-то ужасомъ въ глазахъ и жаловаться на „осадное положеніе" было ни чѣмъ инымъ, какъ *претенціознымъ фразерствомъ,* страшными словами.

Тов. Мартовъ не согласенъ съ этимъ? Не попробуетъ ли онъ показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ вообще такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ ему власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

---

[1]) Въ чемъ проявилась на съѣздѣ неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровскаго меньшинства? Во-первыхъ, въ оппортунистическихъ фразахъ о § 1 устава; во-вторыхъ, въ коалиціи съ тов. Акимовымъ и Либеромъ, которая быстро росла во вторую половину съѣзда; въ-третьихъ, въ способности принижать вопросъ о выборѣ должностныхъ лицъ въ Ц. О. до обывательщины, жалкихъ словъ и даже до залѣзанія въ чужую душу. Послѣ же съѣзда всѣ эти мнимыя качества созрѣли изъ бутончиковъ въ цвѣточки и ягодки.

Передъ выборами нашему съѣзду предстояло рѣшить вопросъ: предоставить ли *одну треть* голосовъ въ Ц. О. и въ Ц. К. партійному большинству или партійному меньшинству? Шестерка и списокъ тов. Мартова означали представленіе одной трети намъ, двухъ третей его сторонникамъ. Тройка въ Ц. О. и списокъ нашъ означали предоставленіе двухъ третей намъ, одной трети — сторонникамъ тов. Мартова. Тов. Мартовъ отказался войти въ сдѣлку съ нами или уступить *и письменно* вызвалъ насъ на бой передъ съѣздомъ; потерпѣвъ же пораженіе передъ съѣздомъ, онъ расплакался и сталъ жаловаться на „осадное положеніе“! Ну развѣ же это не дрязга? Развѣ это не новое проявленіе интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей соціально-психологической характеристики этого послѣдняго качества, которую далъ недавно К. Каутскій. Соціальдемократическимъ партіямъ разныхъ странъ нерѣдко приходится теперь переживать одинаковыя болѣзни, и намъ очень, очень полезно поучиться правильному діагнозу и правильному лѣченію у болѣе опытныхъ товарищей. Характеристика нѣкоторыхъ интеллигентовъ К. Каутскимъ будетъ поэтому только кажущимся отступленіемъ отъ нашей темы.

...„Въ настоящее время насъ опять живо интересуетъ вопросъ объ *антагонизмѣ между интеллигенціей*[1]) *и пролетаріатомъ*. Мои коллеги (Каутскій самъ интеллигентъ, литераторъ и редакторъ) будутъ сплошь да рядомъ возмущаться тѣмъ, что я признаю этотъ антагонизмъ. Но вѣдь онъ фактически существуетъ, и было бы самой нецѣлесообразной тактикой (и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ) пытаться отдѣлаться отъ него отрицаніемъ факта. Антагонизмъ этотъ есть соціальный антагонизмъ, проявляющійся на классахъ, а не на отдѣльныхъ личностяхъ. Какъ отдѣльный капиталистъ, такъ и отдѣльный интеллигентъ можетъ всецѣло войти въ классовую борьбу пролетаріата. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это имѣетъ мѣсто, интеллигентъ измѣняетъ и свой характеръ. И въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь будетъ идти главнымъ образомъ не объ *этого типа* интеллигентахъ, которые и понынѣ являются еще исключеніемъ среди своего класса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, если нѣтъ особыхъ оговорокъ, *подъ интеллигентомъ разумѣю я лишь обыкновеннаго интеллигента, стоящаго на почвѣ буржуазнаго общества* и являющагося характернымъ представителемъ *класса* интеллигенціи. Этотъ *классъ* находится въ извѣстномъ *антагонизмѣ* къ пролетаріату.

„Антагонизмъ этотъ — иного рода, чѣмъ антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Интеллигентъ — не капиталистъ. Правда, его уровень жизни буржуазный, и онъ вынужденъ поддерживать этотъ уровень, пока не превращается въ босяка, но въ то же время онъ вынужденъ продавать продуктъ своего труда, а часто и свою рабочую силу, онъ терпитъ нерѣдко эксплуатацію со стороны капиталиста и извѣстное соціальное приниженіе. Такимъ образомъ, интеллигентъ не находится ни въ какомъ экономическомъ антагонизмѣ къ пролетаріату. Но его жизненное положеніе, его условія труда

[1]) Я перевожу словомъ интеллигентъ, интеллигенція нѣмецкія выраженія Literat, Literatentum, обнимающія не только литераторовъ, а всѣхъ образованныхъ людей, представителей свободныхъ профессій вообще, представителей умственнаго труда (brain worker, какъ говорятъ англичане) въ отличіе отъ представителей физическаго труда.

— не пролетарскія, и отсюда вытекаетъ извѣстный антагонизмъ въ настроеніи и въ мышленіи.

„Пролетарій — ничто, пока онъ остается изолированнымъ индивидуумомъ. Всю свою силу, всю свою способность къ прогрессу, всѣ свои надежды и чаянія черпаетъ онъ изъ *организаціи*, изъ планомѣрной совмѣстной дѣятельности съ товарищами. Онъ чувствуетъ себя великимъ и сильнымъ, когда онъ составляетъ часть великаго и сильнаго организма. Этотъ организмъ для него — все, отдѣльный же индивидуумъ значитъ, по сравненію съ нимъ, очень мало. Пролетарій ведетъ свою борьбу съ величайшимъ самопожертвованіемъ, какъ частичка анонимной массы, безъ видовъ на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долгъ на всякомъ посту, куда его поставятъ, добровольно подчиняясь дисциплинѣ, проникающей все его чувство, все его мышленіе.

„Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ интеллигентомъ. Онъ борется не тѣмъ или инымъ примѣненіемъ силы, а при помощи аргументовъ. Его оружіе — это его личное знаніе, его личныя способности, его личное убѣжденіе. Онъ можетъ получить извѣстное значеніе только благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Полная свобода проявленія своей личности представляется ему поэтому первымъ условіемъ успѣшной работы. Лишь съ трудомъ подчиняется онъ извѣстному цѣлому въ качествѣ служебной части этого цѣлаго, подчиняется по необходимости, а не по собственному побужденію. Необходимость дисциплины признаетъ онъ лишь для массы, а не для избранныхъ душъ. Себя же самого онъ, разумѣется, причисляетъ къ избранымъ душамъ. . .

. . .„Философія Ницше, съ ея культомъ сверхчеловѣка, для котораго все дѣло въ томъ, чтобы обезпечить полное развитіе своей собственной личности, которому всякое подчиненіе его персоны какой-либо великой общественной цѣли кажется пошлымъ и презрѣннымъ, эта философія есть настоящее міросозерцаніе интеллигента, она дѣлаетъ его совершенно негоднымъ къ участію въ классовой борьбѣ пролетаріата.

„Наряду съ Ницше выдающимся представителемъ міросозерцанія интеллигенціи, соотвѣтствующаго ея настроенію, является Ибсенъ. Его докторъ Штокманъ (въ драмѣ „Врагъ народа“) — не соціалистъ, какъ думали многіе, а типъ интеллигента, который неизбѣжно долженъ придти въ столкновеніе съ пролетарскимъ движеніемъ, вообще со всякимъ народнымъ движеніемъ, разъ онъ попытается дѣйствовать въ немъ. Это — потому, что основой пролетарскаго, какъ и всякаго демократическаго[1]) движенія является уваженіе къ большинству товарищей. Типичный интеллигентъ à la Штокманъ видитъ въ „компактномъ большинствѣ“ чудище, которое должно быть ниспровергнуто

. . .„Идеальнымъ образчикомъ интеллигента, который всецѣло проникся пролетарскимъ настроеніемъ, который, будучи блестящимъ писателемъ, утратилъ специфически интеллигентскія черты психики, который безъ воркотни шелъ въ ряду и шеренгѣ, работалъ на всякомъ посту, на который его назначали, подчинялъ себя всецѣло нашему великому дѣлу и презиралъ то дряблое хныканье (weiches Gewinsel) по поводу подавленія своей личности, какое мы слышимъ часто отъ интеллигентовъ, воспитавшихся на Ибсенѣ и Ницше, когда имъ случается остаться въ меньшинствѣ, — идеальнымъ образчикомъ такого интеллигента, какіе нужны соціалистическому движенію, былъ Либкнехтъ. Можно назвать здѣсь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое мѣсто и образцовымъ образомъ подчинялся партійной дисциплинѣ въ Интернаціоналѣ, гдѣ онъ не разъ оставался въ меньшинствѣ“[1]).

---

[1]) Прехарактерно для той путаницы, которую внесли во всѣ организаціонные вопросы наши мартовцы, что, повернувъ къ Акимову и къ *неумѣстному* демократизму, они въ то же время *озлоблены на демократическій выборъ редакціи*, выборъ на *съѣздѣ*, заранѣе намѣченный всѣми! И это, можетъ быть, вашъ *принципъ*, господа?

[1]) Karl Kautsky: „Franz Mehring“. Neue Zeit, XXII, 1, s. 101-3, 1903, № 4.

Вотъ именно такимъ дряблымъ хныканьемъ интеллигента, оставшагося въ меньшинствѣ, и ничѣмъ больше — былъ отказъ Мартова съ коллегами отъ должности послѣ одного только неутвержденія стараго кружка, были жалобы на осадное положеніе и исключительные законы „противъ отдѣльныхъ группъ", которыя не были дороги Мартову при распущеніи „Южнаго Рабочаго" и „Рабочаго Дѣла", а стали дороги при распущеніи *его* коллегіи.

Вотъ именно такимъ дряблымъ хныканьемъ интеллигентовъ, оставшихся въ меньшинствѣ, были всѣ эти безконечныя жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуаціи на счетъ „компактнаго большинства", которые рѣкой полились на нашемъ партійномъ съѣздѣ [1]) (и еще болѣе послѣ него) съ легкой руки Мартова.

Горько сѣтовало меньшинство на то, что компактное большинство имѣло свои частныя собранія: надо же было, въ самомъ дѣлѣ, меньшинству прикрыть чѣмъ нибудь тотъ непріятный для него фактъ, что тѣ делегаты, кого оно приглашало на свои частныя собранія, отказывались идти на нихъ, а тѣ кто охотно пошелъ бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинствомъ послѣ всей съѣздовской борьбы между тѣми и другими.

Горько сѣтовали на „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ": надо же было, въ самомъ дѣлѣ, прикрыть чѣмъ нибудь тотъ непріятный фактъ, что *именно оппортунисты*, гораздо чаще шедшіе за анти-искровцами, а отчасти и сами эти анти-искровцы, составили компактное меньшинство, уцѣпились обѣими руками за поддержку кружковщины въ учрежденіяхъ, оппортунизма въ разсужденіяхъ, обывательщины въ партійномъ дѣлѣ, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажемъ въ слѣдующемъ параграфѣ, въ чемъ заключается объясненіе того интереснѣйшаго *политическаго факта*, что въ концѣ съѣзда образовалось „компактное большинство", и почему меньшинство такъ тщательно-тщательно, несмотря на всѣ вызовы, *обходитъ* вопросъ о *причинахъ* и *исторіи* его образованія. Но сначала закончимъ анализъ преній на съѣздѣ.

При выборахъ въ Ц. К. т. Мартовъ внесъ чрезвычайно характерную резолюцію (с. 336), три основныя черты которой я, бывало, называлъ „матомъ въ три хода". Вотъ эти черты: 1) баллотируются *списки* кандидатовъ въ Ц. К., а не отдѣльные кандидаты; 2) послѣ прочтенія списковъ пропускается два засѣданія (на обсужденіе, очевидно); 3) при отсутствіи абсолютнаго большинства вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюція — прекрасно обдуманная

[1]) См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколовъ съѣзда.

стратегія (надо отдать справедливость и противнику!), съ которой не соглашается т. Егоровъ (с. 337), но которая *навѣрняка* обезпечила бы полную побѣду Мартову, *если бы семерка бундовцевъ и рабочедѣльцевъ не ушла со съѣзда.* Объясняется стратегія именно тѣмъ, что у искровскаго меньшинства *не было и не могло быть* „прямого соглашенія“ (которое было у искровскаго большинства) не только съ бундомъ и съ Брукэромъ, *но и съ тт. Егоровыми и Маховыми.*

Вспомните, что т. Мартовъ плакался на съѣздѣ Лиги, будто „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ“ предполагало его прямое соглашеніе съ „Бундомъ“. Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и *именно несогласіе т. Егорова на баллотированіе списковъ* (т. Егоровъ „не растерялъ еще своихъ принциповъ“, должно быть тѣхъ принциповъ, которые заставляли его слиться съ Гольдблатомъ въ оцѣнкѣ абсолютнаго значенія демократическихъ гарантій) показываетъ *наглядно* тотъ громадной важности фактъ, что *даже съ Егоровымъ не могло быть и рѣчи о „прямомъ соглашеніи“*. Но *коалиція* могла быть и была и съ Егоровымъ и съ Брукэромъ, коалиція въ томъ смыслѣ, что мартовцамъ *была обезпечена* поддержка ихъ всякій разъ, когда мартовцы приходили въ серьезный конфликтъ съ нами и когда Акимову и его друзьямъ предстояло выбирать *меньшее изъ золъ*. Не подлежало и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ качествѣ *меньшаго изъ золъ*, въ качествѣ того, что *хуже достигаетъ искровскихъ цѣлей* (см. рѣчь Акимова о § 1 и его „надежды“ на Мартова), *тт. Акимовъ и Либеръ непремѣнно выбрали бы и шестерку въ Ц. О. и мартовскій списокъ въ Ц. К.* Баллотированіе списковъ, пропускъ двухъ засѣданій и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата съ почти механической правильностью безъ всякого прямого соглашенія.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактнымъ большинствомъ, — обходный путь т. Мартова былъ только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (въ заявленіи, с. 341) излило свои жалобы на это, *отказавшись по примѣру Мартынова и Акимова отъ голосованій* и выборовъ въ Ц. К., „ввиду тѣхъ условій, при которыхъ они производились“. Послѣ съѣзда эти жалобы на ненормальность условій выбора (см. „Ос. пол.“, с. 31) изливались направо и налѣво передъ сотнями партійныхъ кумушекъ. Но въ чемъ же была тутъ *ненормальность*? Въ тайномъ голосованіи, которое было предусмотрѣно еще заранѣе регламентомъ съѣзда (§ 6, стр. 11 проток.) и въ которомъ смѣшно было видѣть „лицемѣріе“ или „несправедливость“? Въ образованіи компактнаго большинства, этого „чудища“ для хлюпкихъ интеллигентовъ? Или въ *ненормальномъ* желаніи сихъ почтенныхъ интеллигентовъ *нару-*

шать то слово, которое они дали передъ съѣздомъ о признаніи всѣхъ его выборовъ (стр. 380, § 18 устава съѣзда)?

Товарищъ Поповъ *тонко* намекнулъ на это желаніе, выступивъ на съѣздѣ въ день выборовъ съ прямымъ вопросомъ: „Увѣрено ли бюро, что рѣшеніе съѣзда дѣйствительно и законно, если половина участвующихъ отказалась отъ голосованія?“[1]) Бюро отвѣтило, конечно, что увѣрено и напомнило инцидентъ съ товарищами Акимовымъ и Мартыновымъ. Тов. Мартовъ присоединился къ бюро и прямо заявилъ, что т. Поповъ ошибается, что *„рѣшенія съѣзда законны“* (стр. 343). Пусть читатель уже самъ судитъ объ этой, — въ высокой степени, должно быть, нормальной, — политической послѣдовательности, которая обнаруживается при сопоставленіи *этого заявленія передъ партіей* съ поведеніемъ послѣ съѣзда и съ фразой „Осаднаго положенія“ о *„начавшемся еще на съѣздѣ возстаніи половины партіи“* (стр. 20). Надежды, которыя возлагалъ на тов. Мартова т. Акимовъ, перевѣсили мимолетныя добрыя намѣренія самого Мартова.

„Ты побѣдилъ“, товарищъ Акимовъ!

* *
*

Къ характеристикѣ того, до какой степени „страшнымъ словомъ“ была пресловутая фраза объ „осадномъ положеніи“, которой приданъ теперь на вѣки трагикомическій смыслъ, — могутъ служить нѣкоторыя мелкія по виду, но очень важныя по сущности черточки *конца* съѣзда, того конца, который имѣлъ мѣсто *послѣ* выборовъ. Тов. Мартовъ, носится теперь съ этимъ трагикомическимъ „осаднымъ положеніемъ“, въ серьезъ увѣряя и себя и читателей, что это выдуманное имъ пугало означало какое-то ненормальное преслѣдованіе, затравливаніе, заѣзжаніе „меньшинства“ „большинствомъ“. Мы покажемъ сейчасъ, какъ было дѣло *послѣ* съѣзда. Но возьмите даже конецъ съѣзда, и вы увидите, что *послѣ выборовъ* „компактное большинство“ не только не преслѣдуетъ несчастненькихъ, заѣзжаемыхъ, обижаемыхъ и ведомыхъ на казнь мартовцевъ, а напротивъ *само предлагаетъ* имъ (устами Лядова) *два мѣста изъ трехъ* въ протокольной коммиссіи (стр. 354). Возьмите резолюціи по тактическимъ и другимъ вопросамъ (стр. 355 и слѣд.) и вы увидите чисто дѣловое обсужденіе по существу, когда подписи товарищей, вносившихъ резолюціи, зачастую показываютъ въ перемежку и представителей чудовищнаго компактнаго „большинства“ и сторонниковъ „униженнаго и оскорбленнаго“ „меньшинства“ (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Неправда ли, какъ это похоже на „отстраненіе отъ работы“ и иное всякое „заѣзжаніе“?

[1]) Стр. 342. Рѣчь идетъ о выборѣ пятаго члена въ Совѣтъ. Подано 24 записки (всего 44 голоса), изъ нихъ двѣ пустыхъ.

Единственный интересный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ краткій споръ по существу возникъ по поводу старовѣровской резолюціи о либералахъ. Она была принята съѣздомъ, какъ можно судить по подписямъ подъ ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонниковъ „большинства" (Браунъ, Орловъ, Осиповъ) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцію, не усматривая непримиримаго противорѣчія между обѣими. Непримиримаго противорѣчія, на первый взглядъ, между ними, нѣтъ, ибо плехановская устанавливаетъ общій принципъ, выражаетъ опредѣленное принципіальное и тактическое отношеніе къ *буржуазному либерализму въ Россіи*, а старовѣровская пытается опредѣлить *конкретныя условія допустимости „временныхъ соглашеній"* съ „либеральными или либерально-демократическими теченіями". Темы обѣихъ резолюцій разныя. Но старовѣровская страдаетъ именно *политической расплывчатостью*, будучи въ силу этого мелкой и мелочной. Она *не опредѣляетъ классоваго содержанія русскаго либерализма*, она не указываетъ *опредѣленныхъ* политическихъ теченій, выражающихъ его, она не разъясняетъ пролетаріату его *основныхъ* задачъ пропаганды и агитаціи въ отношеніи къ этимъ опредѣленнымъ теченіямъ, она смѣшиваетъ (въ силу своей расплывчатости) такія различныя вещи, какъ студенческое движеніе и „Освобожденіе", она слишкомъ мелочно, казуистически предписываетъ *три* конкретныхъ условія, при которыхъ допустимы „временныя соглашенія". Политическая расплывчатость и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ведетъ къ казуистичности. Отсутствіе общаго принципа и попытка перечислить „условія" ведетъ къ мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанію этихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на эти три старовѣровскихъ условія: 1) „либеральныя или либерально-демократическія теченія" должны „ясно и недвусмысленно заявить, что въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они становятся рѣшительно на сторону россійской соціальдемократіи". Въ чемъ состоитъ отличіе либеральныхъ и либерально-демократическихъ теченій? Резолюція не даетъ никакого матеріала для отвѣта на этотъ вопросъ. Не въ томъ ли, что либеральныя теченія выражаютъ позицію наименѣе прогрессивныхъ политически слоевъ буржуазіи, а либерально-демократическія — позицію наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ буржуазіи и мелкой буржуазіи? Если да, то неужели т. Старовѣръ считаетъ возможнымъ, что наименѣе прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализмѣ) слои буржуазіи „встанутъ рѣшительно на сторону соціальдемократіи"?? Это абсурдъ, и если представители такого теченія даже и „*заявили бы это ясно и недвусмысленно*" (предположеніе совершенно невозможное), то мы, партія пролетаріата, *обязаны были бы не въ-*

рить ихъ заявленіямъ. Быть либераломъ и становиться рѣшительно на сторону соціальдемократіи, — одно исключаетъ другое.

Далѣе. Допустимъ такой случай, что „либеральныя или либерально-демократическія теченія“ ясно и недвусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ они становятся рѣшительно на сторону *соціалистовъ-революціонеровъ*. Предположеніе это гораздо менѣе невѣроятно (въ силу буржуазно-демократической сущности направленія соціалистовъ-революціонеровъ), чѣмъ предположеніе тов. Старовѣра. По смыслу его резолюціи, въ силу ея расплывчатости и казуистичности, выходитъ, что *въ такомъ случаѣ временныя соглашенія* съ подобными либералами *недопустимы*. Между тѣмъ, этотъ неизбѣжный выводъ изъ резолюціи т. Старовѣра приводитъ къ положенію *прямо невѣрному*. Временныя соглашенія допустимы и съ соціалистами-революціонерами (см. резолюцію съѣзда о нихъ), а, *слѣдовательно*, и съ либералами, которые встали бы на сторону соціалистовъ-революціонеровъ.

Второе условіе: если эти теченія „не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ ихъ сознаніе“. И тутъ та же ошибка: не бывало и быть не можетъ такихъ либерально-демократическихъ теченій, которыя бы не выставляли въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и не затемняли его (пролетаріата) сознаніе. Даже одна изъ самыхъ демократическихъ фракцій нашего либерально-демократическаго теченія, фракція соціалистовъ-революціонеровъ, выставляетъ въ своей программѣ, запутанной, какъ и всѣ либеральныя программы, требованія, идущія въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и затемняющія его сознаніе. Изъ этого факта слѣдуетъ выводить *необходимость* „разоблачать ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи“, но отнюдь не недопустимость временныхъ соглашеній.

Наконецъ, и третье „условіе“ тов. Старовѣра (чтобы лозунгомъ своей борьбы либералы-демократы сдѣлали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* въ той общей постановкѣ, которая ему придана: временныя и частныя соглашенія *неразумно было бы* объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми съ такими либерально-демократическими теченіями, которыя выставляли бы лозунгъ цензовой конституціи, „куцой“ конституціи вообще. Въ сущности, именно сюда подошло бы „теченіе“ гг. „освобожденцевъ“, но связывать себѣ руки, запрещая напередъ „временныя соглашенія“ хотя бы и съ самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовмѣстимой съ принципами марксизма.

Итогъ: резолюція тов. Старовѣра, подписанная также тт. Мартовымъ и Аксельродомъ, *ошибочна*, и третій съѣздъ поступитъ разумно, если отмѣнитъ ее. Она страдаетъ *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиціи, казуистичностью — практическихъ „условій", требуемыхъ ею. Она *смѣшиваетъ два вопроса*: 1) разоблаченіе „антиреволюціонныхъ и противопролетарскихъ" чертъ *всякаго* либерально-демократическаго теченія и обязательность *борьбы* съ этими чертами, и 2) *условіе* временныхъ и частныхъ *соглашеній* съ любымъ изъ такихъ теченій. Она не даетъ того, что надо (анализа классоваго содержанія либерализма), и даетъ то, чего не надо (предписаніе „условій"). На партійномъ съѣздѣ вообще нелѣпо вырабатывать конкретныя „условія" временныхъ соглашеній, когда нѣтъ на лицо даже опредѣленнаго контрагента — субъекта такихъ возможныхъ соглашеній; да если бы и былъ таковой „субъектъ" на лицо, то во сто разъ раціональнѣе было бы предоставить опредѣленіе „условій" временнаго соглашенія центральнымъ учрежденіямъ партіи, какъ это и сдѣлано съѣздомъ по отношенію къ „теченію" гг. соціалистовъ-революціонеровъ (см. плехановское видоизмѣненіе конца резолюціи тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколовъ).

Что касается до возраженій „меньшинства" противъ резолюціи Плеханова, то единственный доводъ т. Мартова гласилъ: резолюція Плеханова „кончаетъ мизернымъ выводомъ: надо разоблачать одного литератора. Не будетъ ли это — идти „на муху съ обухомъ?" (стр. 358). Доводъ этотъ, въ которомъ отсутствіе мысли прикрывается хлесткимъ словечкомъ — „мизерный выводъ", — даетъ намъ новый образчикъ претенціозной фразы. Во-первыхъ, резолюція Плеханова говоритъ о „разоблаченіи передъ пролетаріатомъ ограниченности и недостаточности освободительнаго движенія буржуазіи всюду, гдѣ бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность". Поэтому чистѣйшими пустяками является утвержденіе тов. Мартова (на съѣздѣ Лиги, стр. 88 протоколовъ), что „все вниманіе должно быть обращено на одного Струве, одного либерала". Во-вторыхъ, сравнивать господина Струве съ „мухой", когда рѣчь идетъ о возможности временныхъ соглашеній съ русскими либералами, значитъ приносить въ жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нѣтъ, г. Струве не муха, а политическая величина, и онъ является таковой не потому, чтобы онъ лично былъ очень крупной фигурой. Значеніе политической величины даетъ ему его позиція, позиція единственнаго представителя русскаго либерализма, хоть сколько-нибудь дѣеспособнаго и организованнаго либерализма, въ нелегальномъ мірѣ. Поэтому говорить о русскихъ либералахъ и объ отношеніи къ нимъ нашей партіи и не имѣть въ виду именно

г. Струве, именно „Освобожденія“ — значитъ говорить, чтобы ничего не сказать. Или, можетъ быть, тов. Мартовъ попробуетъ указать намъ *хоть одно единственное* „либеральное или либерально-демократическое теченіе“ въ Россіи, которое хоть отдаленно могло бы сравниться въ настоящее время съ „освобожденскимъ“ теченіемъ? Интересно было бы посмотрѣть на такую попытку![1])

„Имя Струве ничего не говоритъ рабочимъ“, — поддерживалъ тов. Костровъ тов. Мартова. Это уже доводъ, не во гнѣвъ будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — Акимовскій. Это уже въ родѣ пролетаріата въ родительномъ падежѣ.

Какимъ рабочимъ „ничего не говоритъ имя Струве“ (и имя „Освобожденія“, названнаго въ резолюціи т. Плеханова рядомъ съ именемъ г. Струве)? Такимъ, которые до послѣдней степени мало знакомы, или вовсе незнакомы, съ „либеральными и либерально-демократическими теченіями“ въ Россіи. Спрашивается, въ чемъ должно состоять отношеніе нашего партійнаго съѣзда къ такимъ рабочимъ: въ томъ ли, чтобы поручить членамъ партіи знакомить этихъ рабочихъ съ единственнымъ опредѣленнымъ либеральнымъ теченіемъ въ Россіи? или въ томъ, чтобы *умалчивать* объ мало знакомомъ для рабочихъ имени по случаю собственно ихъ малаго знакомства съ политикой? Если т. Костровъ, сдѣлавъ первый шагъ за т. Акимовымъ, не захочетъ сдѣлать и второго шага за нимъ, то онъ навѣрное рѣшитъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. А рѣшивъ его въ первомъ смыслѣ, онъ увидитъ, какъ несостоятеленъ былъ его доводъ. *Во всякомъ случаѣ* слова: „Струве“ и „Освобожденіе“ въ плехановской резолюціи во много разъ больше *могутъ дать* рабочимъ, чѣмъ слова: „либеральное и либерально-демократическое теченіе“ въ резолюціи Старовѣра.

[1]) На съѣздѣ Лиги тов. Мартовъ привелъ еще такой доводъ противъ резолюціи тов. Плеханова: „Главное соображеніе противъ нея, главный недостатокъ этой резолюціи заключается въ томъ, что она совершенно игнорируетъ то, что наша обязанность не уклоняться въ борьбѣ съ самодержавіемъ отъ союза съ либерально-демократическими элементами. Тов. Ленинъ назвалъ бы подобную тенденцію Мартыновской. Въ новой „Искрѣ“ тенденція эта уже проявляется“ (стр. 88).

Этотъ пассусъ — рѣдкое, по своему богатству, собраніе „перловъ“. 1) Сугубой путаницей являются слова о *союзѣ* съ либералами. Никто и не говорилъ о союзѣ, тов. Мартовъ, а лишь о временныхъ или частныхъ соглашеніяхъ. Это большая разница. 2) Если Плехановъ въ резолюціи игнорируетъ невѣроятный „союзъ“ и говоритъ лишь вообще о „поддержкѣ“, то это не недостатокъ, а достоинство его резолюціи. 3) Не потрудится ли т. Мартовъ объяснить намъ, чѣмъ характеризуются вообще „Мартыновскія тенденціи“? Не разскажетъ ли онъ намъ объ отношеніи этихъ тенденцій къ оппортунизму? Не прослѣдитъ ли онъ отношеніе этихъ тенденцій къ параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю отъ нетерпѣнія услышать отъ тов. Мартова, въ чемъ проявились „Мартыновскія тенденціи“ въ „новой“ „Искрѣ“? Пожалуйста, избавьте меня скорѣе отъ муки ожиданія, тов. Мартовъ!

Русскій рабочій не можетъ въ настоящее время ознакомиться на практикѣ съ сколько-нибудь откровенными политическими тенденціями нашего либерализма иначе какъ по „Освобожденію“. Легальная либеральная литература негодна тутъ именно въ силу ея туманности. И мы должны какъ можно усерднѣе (и передъ возможно болѣе широкими массами рабочихъ) направлять оружіе своей критики противъ освобожденцевъ, чтобы въ моментъ грядущей революціи русскій пролетаріатъ могъ настоящей критикой оружія парализовать неизбѣжныя попытки гг. освобожденцевъ урѣзать демократическій характеръ переворота.

Кромѣ отмѣченнаго мною выше „недоумѣнія“ т. Егорова по вопросу о „поддержкѣ“ нами оппозиціоннаго и революціоннаго движенія, пренія о резолюціяхъ не дали интереснаго матеріала, да и преній почти не было.

Съѣздъ закончился краткимъ напоминаніемъ предсѣдателя объ обязательности постановленій съѣзда для всѣхъ членовъ партіи.

н) Общая картина борьбы на съѣздѣ. Революціонное и оппортунистическое крыло партіи.

Закончивъ анализъ преній и голосованій на съѣздѣ, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основаніи *всего* съѣздовскаго матеріала отвѣтить на вопросъ: изъ какихъ элементовъ, группъ и оттѣнковъ сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видѣли на выборахъ и которому суждено было на нѣкоторое время стать основнымъ нашимъ партійнымъ дѣленіемъ? Необходимо подвести итоги всему тому матеріалу относительно принципіальныхъ, теоретическихъ и тактическихъ оттѣнковъ, который въ такомъ богатствѣ представленъ протоколами съѣзда. Безъ общей „сводки“, безъ общей картины всего съѣзда и всѣхъ главнѣйшихъ группировокъ при голосованіяхъ, этотъ матеріалъ остается слишкомъ дробнымъ, разбросаннымъ, такъ что на первый взглядъ тѣ или иныя отдѣльныя группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не даетъ себѣ труда самостоятельнаго и всесторонняго *изученія* протоколовъ съѣзда (а много ли такихъ читателей, которые дали себѣ этотъ трудъ?).

Въ англійскихъ парламентскихъ отчетахъ часто встрѣчается характерное слово division — раздѣленіе. Палата „раздѣлилась“ на такое то большинство и меньшинство, — говорятъ про голосованіе извѣстнаго вопроса. „Раздѣленіе“

нашей соціальдемократической палаты по различнымъ, обсуждавшимся на съѣздѣ, вопросамъ даетъ *единственную въ своемъ родѣ, незамѣнимую по полнотѣ и точности* картину внутренней борьбы въ партіи, картину ея оттѣнковъ и группъ. Чтобы сдѣлать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не груду безсвязныхъ, дробныхъ, изолированныхъ фактовъ и фактиковъ, чтобы положить конецъ безконечнымъ и безтолковымъ спорамъ объ отдѣльныхъ голосованіяхъ (кто за кого голосовалъ и кто кого поддерживалъ?), я рѣшилъ попытаться изобразить *всѣ основные* типы „раздѣленій" нашего съѣзда въ видѣ *діаграммы*. Такой пріемъ покажется, навѣрное, страннымъ очень и очень многимъ, но я сомнѣваюсь, можно ли найти другой способъ изложенія, дѣйствительно обобщающаго и подводящаго итоги, возможно болѣе полнаго и наиболѣе точнаго. Вотировалъ ли за или противъ извѣстнаго предложенія тотъ или иной делегатъ, — это можно установить при именныхъ голосованіяхъ съ безусловной точностью, а по нѣкоторымъ важнымъ неименнымъ голосованіямъ это можно опредѣлить, на основаніи протоколовъ, съ громадной степенью вѣроятности, съ достаточной степенью приближенія къ истинѣ. Если принять при этомъ во вниманіе *всѣ* именныя голосованія и всѣ тѣ неименныя, въ которыхъ затрагивались сколько-нибудь важные (судя, напримѣръ, по обстоятельности и страстности преній) вопросы, то получится изображеніе нашей внутрипартійной борьбы, отличающееся наибольшей достижимой, при наличномъ матеріалѣ, объективностью. При этомъ вмѣсто фотографическаго изображенія, т. е. изображенія каждаго голосованія въ отдѣльности, мы постараемся дать картину, т. е. привести всѣ главные *типы* голосованій, игнорируя неважныя сравнительно отступленія и разновидности, которыя могли бы только запутать дѣло. Во всякомъ случаѣ на основаніи протоколовъ всякій въ состояніи будетъ провѣрить каждый штрихъ въ нашей картинѣ, дополнить ее какимъ угодно отдѣльнымъ голосованіемъ, однимъ словомъ, критиковать ее не только путемъ соображеній, сомнѣній и указаній на единичные казусы, а путемъ составленія *иной картины* на основаніи того же матеріала.

Нанося на діаграмму каждаго, принимавшаго участіе въ голосованіи делегата, мы будемъ отмѣчать особой штриховкой тѣ четыре основныя группы, которыя мы подробно прослѣживали въ теченіе всего хода дебатовъ на съѣздѣ, именно: 1) искровцевъ большинства; 2) искровцевъ меньшинства; 3) „центръ" и 4) анти-искровцевъ. Различіе принципіальныхъ оттѣнковъ между этими группами мы видѣли *на массѣ примѣровъ*, и если кому-либо не нравятся *названія* группъ, слишкомъ напоминающія любителямъ зигзаговъ объ организаціи „Искры" и о направленіи „Искры", то мы за-

мѣтимъ имъ, что дѣло не въ названіи. Теперь, когда оттѣнки прослѣжены нами на *всѣхъ* дебатахъ съѣзда, легко можно замѣнить установившіяся уже и привычныя партійныя клички (рѣжущія кое кому ухо) характеристикой *существа оттѣнковъ между группами.* При такой замѣнѣ мы получили бы для тѣхъ же четырехъ группъ слѣдующія названія: 1) послѣдовательные революціонные соціальдемократы; 2) оппортунисты маленькіе; 3) оппортунисты средніе и 4) оппортунисты большіе (на нашъ русскій масштабъ большіе). Будемъ надѣяться, что эти названія меньше станутъ шокировать тѣхъ, кто съ нѣкотораго времени сталъ увѣрять себя и другихъ, будто „искровецъ" — есть названіе, объемлющее лишь „кружокъ", а не *направленіе.*

Перейдемъ къ подробному изложенію того, какіе типы голосованій „сняты" на прилагаемой діаграммѣ (см. діаграмму: „Общая картина борьбы на съѣздѣ").

Первый типъ голосованій (А) охватываетъ тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ искровцами шелъ „центръ" противъ антиискровцевъ или противъ части ихъ. Сюда относятся голосованіе программы въ цѣломъ (одинъ только т. Акимовъ воздержался, остальные за), голосованіе принципіальной резолюціи противъ федераціи (всѣ за, кромѣ пяти бундовцевъ), голосованіе § 2 устава бунда (противъ насъ пять бундовцевъ, воздержались пятеро: Мартыновъ, Акимовъ, Брукэръ и Маховъ съ двумя голосами, остальные съ нами); *это голосованіе и представлено на діаграммѣ* А. Далѣе, того же типа были *три* голосованія по вопросу объ утвержденіи Ц. Органомъ Партіи „Искры"; редакція (пять голосовъ) воздерживалась, противъ были во всѣхъ трехъ голосованіяхъ двое (Акимовъ и Брукэръ) и, кромѣ того, при голосованіи *мотивовъ* утвержденія „Искры" воздержались пять бундовцевъ и т. Мартыновъ [1]).

Разсматриваемый типъ голосованій даетъ отвѣтъ на чрезвычайно интересный и важный вопросъ: когда „центръ" съѣзда шелъ вмѣстѣ съ искровцами? Либо тогда, когда *и анти-искровцы были съ нами*, за малыми исключеніями (принятіе программы, утвержденіе „Искры" независимо отъ мотивовъ), либо тогда, когда дѣло шло о такихъ *заявленіяхъ*, которыя еще непосредственно къ опредѣленной политической позиціи не обязываютъ (признаніе организаціонной работы „Искры" не обязываетъ еще проводить на дѣлѣ ея органи-

---

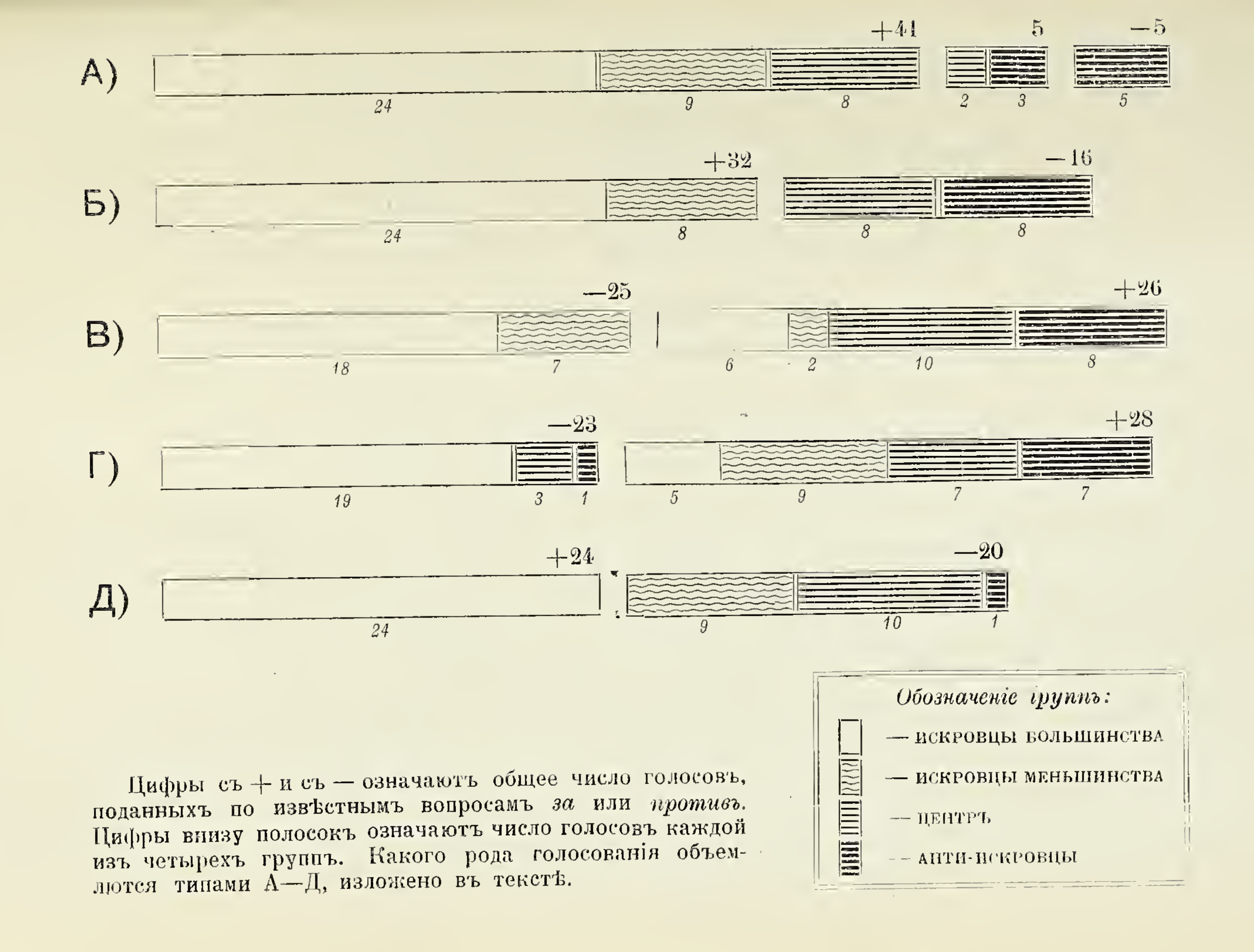
1) Почему для изображенія на діаграммѣ взято именно голосованіе о § 2 устава бунда? Потому что голосованія о признаніи „Искры" менѣе полныя а голосованія о программѣ и о федераціи касаются менѣе опредѣленныхъ конкретно политическихъ рѣшеній. Вообще выборъ того или другого изъ ряда *однородныхъ* голосованій нисколько не измѣнитъ основныхъ чертъ картины, какъ въ этомъ легко убѣдится каждый, сдѣлавъ соотвѣтствующія измѣненія.

заціонную политику въ отношеніи частныхъ группъ: отверженіе федераціи не мѣшаетъ еще воздерживаться по вопросу о конкретномъ проектѣ федераціи, какъ мы видѣли на примѣрѣ т. Махова). Мы видѣли уже выше, говоря о значеніи группировокъ на съѣздѣ вообще, до какой степени невѣрно представляется этотъ вопросъ въ оффиціальномъ изложеніи оффиціальной „Искры", которая (устами т. Мартова) *затираетъ и затушевываетъ* разницу между искровцами и „центромъ", между послѣдовательными революціонными соціальдемократами и оппортунистами, посредствомъ ссылки на *такіе случаи, когда и анти-искровцы шли съ нами!* Даже наиболѣе „правые" изъ нѣмецкихъ и французскихъ оппортунистовъ въ соціальдемократическихъ партіяхъ не вотируютъ противъ по такимъ пунктамъ, какъ *признаніе программы въ цѣломъ.*

Второй типъ голосованій (Б) обнимаетъ тѣ случаи, когда искровцы послѣдовательные и непослѣдовательные шли вмѣстѣ противъ всѣхъ анти-искровцевъ и всего „центра". Эти случаи относятся главнымъ образомъ къ тѣмъ вопросамъ, когда дѣло шло о проведеніи въ жизнь конкретно-опредѣленныхъ плановъ искровской политики, когда рѣчь шла о признаніи „Искры" *на дѣлѣ, а не на словахъ только.* Сюда относится *инцидентъ съ О. К.,*[1]) постановка вопроса о положеніи Бунда въ партіи на первое мѣсто, распущеніе группы „Южный Рабочій", два голосованія объ аграрной программѣ и, наконецъ, въ-шестыхъ, голосованіе *противъ* заграничнаго Союза Русскихъ Соціальдемократовъ („Рабочаго Дѣла"), т. е. признаніе Лиги единственной организаціей партіи заграницей. Старая, до-партійная кружковщина, интересы оппортунистическихъ организацій или группокъ, узкое пониманіе марксизма боролось здѣсь съ принципіально-выдержанной и послѣдовательной политикой революціонной соціальдемократіи: искровцы меньшинства шли еще съ нами, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, въ цѣломъ рядѣ крайне важныхъ (съ точки зрѣнія О. К., „Южнаго Рабочаго", „Рабочаго Дѣла") голосованій.... пока дѣло не коснулось *ихъ собственной* кружковщины, ихъ собственной непослѣдовательности. „Раздѣленія"

[1]) Именно это голосованіе изображено на діаграммѣ Б: у искровцевъ было 32 голоса, за резолюцію бундовца 16. Замѣтимъ, что изъ голосованій этого типа нѣтъ *ни одного именного* голосованія. На распредѣленіе делегатовъ указываютъ лишь съ громадной степенью вѣроятности двоякаго рода данныя: 1) въ преніяхъ ораторы обѣихъ группъ искровцевъ высказываются за, ораторы анти-искровцевъ и центра — противъ; 2) числа голосовъ „*за*" всегда очень близко подходятъ къ цифрѣ 33. — Не надо забывать также, что анализируя пренія на съѣздѣ, мы отмѣчали, и помимо голосованій, *цѣлый рядъ* случаевъ, когда „центръ" шелъ съ анти-искровцами (съ оппортунистами) противъ насъ. Сюда относятся вопросы объ абсолютной цѣнности демократическихъ требованій, о поддержкѣ оппозиціонныхъ элементовъ, объ ограниченіи централизма и т. д.

Общая картина борьбы на съѣздѣ.

Цифры съ + и съ — означаютъ общее число голосовъ, поданныхъ по извѣстнымъ вопросамъ *за* или *противъ*. Цифры внизу полосокъ означаютъ число голосовъ каждой изъ четырехъ группъ. Какого рода голосованія объемлются типами А—Д, изложено въ текстѣ.

разсматриваемаго типа наглядно показываютъ, что въ рядѣ вопросовъ о проведеніи въ жизнь нашихъ принциповъ *центръ шелъ съ анти-искровцами*, оказывался гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ къ намъ, гораздо болѣе склоннымъ *на дѣлѣ* къ *оппортунистическому*, чѣмъ къ *революціонному* крылу соціальдемократіи. „Искровцы" *по названію*, стыдившіеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбѣжная борьба вносила не мало раздраженія, которое заслоняло отъ наименѣе вдумчивыхъ и наиболѣе впечатлительныхъ лицъ значеніе вскрывающихся въ этой борьбѣ принципіальныхъ оттѣнковъ. Но теперь, когда улегся нѣсколько пылъ борьбы и протоколы остались объективнымъ экстрактомъ ряда горячихъ сраженій, теперь только люди, закрывающіе глаза, могутъ не видѣть, что соединеніе Маховыхъ и Егоровыхъ съ Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться отъ всесторонняго и точнаго анализа протоколовъ или пытаться заднимъ числомъ *передѣлать* свое поведеніе на съѣздѣ, посредствомъ всяческихъ выраженій *сожалѣнія*. Точно сожалѣніемъ можно устранить различіе взглядовъ и различіе политики! точно теперешній союзъ Мартова и Аксельрода съ Акимовымъ, Брукэромъ и Мартыновымъ можетъ заставить нашу партію, возстановленную на второмъ съѣздѣ, забыть о борьбѣ, которую вели искровцы съ анти-искровцами въ теченіе почти всего съѣзда!

Третій типъ голосованій на съѣздѣ, охватывающій три послѣднія части діаграммы изъ пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тѣмъ, что *небольшая часть искровцевъ отдѣляется и переходитъ на сторону анти-искровцевъ*, которые поэтому и побѣждаютъ (пока остаются на съѣздѣ). Чтобы прослѣдить съ полной точностью развитіе этой знаменитой *коалиціи* искровскаго меньшинства съ анти-искровцами, одно упоминаніе о которой доводило Мартова до истерическихъ посланій на съѣздѣ, приводятся всѣ три основныхъ типа *именныхъ* голосованій этого рода. *В* — это голосованіе по вопросу о равноправіи языковъ (взято послѣднее изъ трехъ именныхъ голосованій по этому пункту, какъ самое полное). Всѣ анти-искровцы и весь центръ стѣной стоятъ противъ насъ, изъ искровцевъ же отдѣлилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какіе искровцы способны къ окончательной и прочной коалиціи съ оппортунистической „правой" съѣзда.* Далѣе, голосованіе типа *Г* — о первомъ параграфѣ устава (изъ двухъ голосованій взято болѣе опредѣленное, т. е. когда никто не воздерживался). *Коалиція обрисовывается рельефнѣе и складывается прочнѣе*:[1]) искровцы

---

[1]) *Судя по всему,* того же типа было еще *четыре голосованія по уставу*, стр. 278 — 27 за Ѳомина противъ 21 нашихъ; стр. 279 — 26 за Мартова

меньшинства *всѣ* уже стоятъ на сторонѣ Акимова и Либера, изъ искровцевъ большинства — очень небольшое число, возмѣщающее перешедшихъ на нашу сторону трехъ изъ „центра" и одного изъ анти-искровцевъ. Достаточно простого взгляда на діаграмму, чтобы убѣдиться въ томъ, какіе элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какіе *шли съ неудержимой силой* къ *прочной коалиціи съ Акимовыми*. На послѣднемъ голованіи (Д — выборы въ Ц. О., въ Ц. К. и въ Совѣтъ Партіи), *которое представляетъ именно окончательное дѣленіе на большинство и меньшинство*, ясно видно полное сліяніе искровскаго меньшинства со *всѣмъ* „центромъ" и съ *остатками* анти-искровцевъ. Изъ восьми анти-искровцевъ къ этому времени остался на съѣздѣ *одинъ* тов. Брукэръ (которому тов. Акимовъ разъяснилъ уже его ошибку и который занялъ принадлежащее ему по праву мѣсто въ рядахъ *мартовцевъ*). Уходъ семерки *наиболѣе „правыхъ" оппортунистовъ* рѣшилъ судьбу выборовъ противъ Мартова.

И вотъ теперь подведемъ итоги съѣзду, опираясь на объективныя данныя о голосованіяхъ *всякаго типа*.

Много толковали о *„случайномъ"* характерѣ большинства на нашемъ съѣздѣ. Тов. Мартовъ только этимъ доводомъ и утѣшалъ себя въ своемъ „Еще разъ въ меньшинствѣ". Изъ діаграммы ясно видно, что въ *одномъ смыслѣ*, но только въ одномъ, можно назвать большинство случайнымъ, именно въ томъ смыслѣ, что, де, семерка наиболѣе оппортунистическихъ элементовъ *„правой"* ушла *случайно*. Поскольку случаенъ этотъ уходъ, *постольку* (не болѣе) случайно и наше большинство. Простой взглядъ на діаграмму лучше длинныхъ разсужденій показываетъ, на чьей сторонѣ была бы, *должна бы была быть* эта семерка.[1]) Но, спрашивается, поскольку дѣйствительно можно считать случайнымъ уходъ этой семерки? Вотъ вопросъ, котораго не любятъ задавать себѣ люди, охотно говорящіе о „случайности" большинства. Непріятный это для нихъ вопросъ. Случайно ли то, что ушли наиболѣе ярые представители *праваго*, а не *лѣваго* крыла нашей партіи? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не послѣдовательные *революціонные соціальдемократы?* Не стоитъ ли этотъ „случайный" уходъ въ нѣкоторой связи съ той борьбой противъ оппортунистичекаго

противъ 24 за насъ; стр. 280 — 27 противъ меня, 22 за Мартова и тамъ же — за Мартова 24 противъ 23 за насъ. Это — затронутыя уже мной раньше голосованія по вопросамъ о кооптаціи въ центры. Именныхъ голосованій нѣтъ (одно было, но затеряно). Бундовцы (всѣ или часть), видимо, *спасаютъ* Мартова. Ошибочныя утвержденія Мартова (въ Лигѣ) относительно голосованій этого типа исправлены выше.

[1]) Мы увидимъ ниже, что *послѣ* съѣзда и тов. Акимовъ и Воронежскій Комитетъ, наиболѣе *родственный* тов. Акимову, прямо и выразили свое сочувствіе *„меньшинству"*.

крыла, которая велась въ теченіе всего съѣзда и которая такъ наглядно выступаетъ на нашей діаграммѣ?

Достаточно поставить эти непріятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себѣ, какой фактъ *прикрывается* толками о случайности большинства. Это — тотъ несомнѣнный и неоспоримый фактъ, что *меньшинство составили наиболѣе тяготѣющіе къ оппортунизму члены нашей партіи*. Меньшинство составили *наименѣе устойчивые* теоретически, *наименѣе выдержанные принципіально* элементы партіи. Меньшинство образовалось именно изъ *праваго крыла* партіи. Раздѣленіе на большинство и меньшинство есть прямое и неизбѣжное продолженіе того раздѣленія соціальдемократіи на революціонную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось не въ одной только русской рабочей партіи и которое, навѣрное, не завтра исчезнетъ.

Этотъ фактъ имѣетъ кардинальное значеніе въ дѣлѣ выясненія причинъ и перипетій расхожденій. Пытаться *обойти* этотъ фактъ, посредствомъ отрицанія или затушевыванія борьбы на съѣздѣ и сказавшихся въ ней принципіальныхъ оттѣнковъ, — значитъ выдавать себѣ полнѣйшее свидѣтельство объ умственной и политической бѣдности. А чтобы *опровергнуть* этотъ фактъ, надо, *во-первыхъ*, показать, что общая картина голосованій и „раздѣленій“ на нашемъ партійномъ съѣздѣ была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторыхъ*, показать, что *по существу* всѣхъ тѣхъ вопросовъ, изъ за которыхъ „раздѣлялся“ съѣздъ, *неправы были* тѣ наиболѣе послѣдовательные революціонные соціальдемократы, которые связали себя въ Россіи съ именемъ искровцевъ.[1]) Попробуйте-ка показать это, господа!

Фактъ составленія меньшинства изъ наиболѣе оппортунистическихъ, наименѣе устойчивыхъ и наименѣе выдержанныхъ элементовъ партіи указываетъ, между прочимъ, отвѣтъ на многія недоумѣнія и возраженія, съ которыми обращаются къ большинству люди, плохо знакомые съ дѣломъ или плохо продумавшіе вопросъ. Не мелко ли это, говорятъ намъ, объяснять *расхожденіе* маленькой ошибкой

---

[1]) Примѣчаніе для тов. Мартова. Если тов. Мартовъ забылъ теперь, что *искровецъ* означаетъ *сторонникъ направленія,* а не *членъ кружка,* то мы совѣтуемъ ему прочесть въ протоколахъ съѣзда разъясненіе этого вопроса тов. Троцкимъ тов. Акимову. Искровскими *кружками* были на съѣздѣ (по отношенію къ партіи) три кружка: „Группа Освобожденія Труда“, редакція „Искры“, организація „Искры“. Два кружка изъ этихъ трехъ были такъ разумны, что сами распустили себя; третій проявилъ недостаточно партійности, чтобы сдѣлать это, и былъ распущенъ съѣздомъ. Самый широкій искровскій кружокъ, организація „Искры“ (включавшая въ себя и редакцію и „Группу Освобожденія Труда“), насчитывалъ на съѣздѣ всего 16 челов., изъ которыхъ *только одиннадцать* имѣли рѣшающій голосъ. Искровцевъ же *по направленію,* не принадлежавшихъ ни къ какому искровскому „кружку“, было на съѣздѣ, по моему счету, *27 съ 33 голосами.* Значитъ, изъ искровцевъ *меньше половины* принадлежали къ искровскимъ *кружкамъ.*

тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съѣздѣ, въ пылу борьбы, отмѣтилъ это), но изъ этой маленькой ошибки *могло* получиться *(и получилось)* много вреда въ силу того, что т. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сдѣлавшіе *цѣлый рядъ ошибокъ*, проявившіе на цѣломъ рядѣ вопросовъ тяготѣніе къ оппортунизму и принципіальную невыдержанность. Индивидуальнымъ и неважнымъ фактомъ было проявленіе неустойчивости со стороны тов. Мартова и т. Аксельрода, но не индивидуальнымъ, а *партійнымъ* и *несовсѣмъ неважнымъ* фактомъ было образованіе весьма и весьма значительнаго меньшинства изъ *всѣхъ*, наименѣе устойчивыхъ элементовъ, *изъ всѣхъ тѣхъ*, кто либо вовсе не признавалъ направленія „Искры" и прямо боролся съ нимъ, либо признавалъ на словахъ, а на дѣлѣ сплошь да рядомъ шелъ съ анти-искровцами.

Не смѣшно ли *объяснять* расхожденіе господствомъ заскорузлой кружковщины и революціонной обывательщины въ маленькомъ кружкѣ старой редакціи „Искры"? Нѣтъ, это не смѣшно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то въ нашей партіи*, что боролось въ теченіе всего съѣзда *за всякую кружковщину*, все то, *что вообще не могло подняться* надъ революціонной обывательщиной, все то, что ссылалось на „историческій" характеръ обывательскаго и кружковщинскаго зла для оправданія и сохраненія этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верхъ надъ партійностью въ одномъ маленькомъ кружкѣ редакціи „Искры". Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали тт. Акимовы и Брукэры, которымъ не менѣе (если не болѣе) дорога была „историческая преемственность" знаменитаго Воронежскаго Комитета и пресловутой Петербургской „Рабочей" Организаціи, встали тт. Егоровы, которые оплакивали „убійство" „Рабочаго Дѣла" такъ же горько (если не еще болѣе горько), какъ и „убійство" старой редакціи, встали тт. Маховы и пр. и пр. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты такой, — гласитъ житейская мудрость. Скажи мнѣ, кто твой политическій союзникъ, кто за тебя голосуетъ, — и я тебѣ скажу, какова твоя *политическая физіономія*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходнымъ пунктомъ для *прочнаго союза* ихъ со всѣмъ оппортунистическимъ крыломъ нашей партіи, покуда она не повела въ силу этого союза къ *отрыжкѣ* оппортунизма, къ *реваншу* всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ боролась „Искра" и кто готовъ былъ съ величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на послѣдовательныхъ сторонникахъ революціонной соціальдемо-

кратіи. Послѣсъѣздовскія событія какъ разъ и привели къ тому, что въ новой „Искрѣ“ мы видимъ именно отрыжку оппортунизма, реваншъ Акимовыхъ и Брукэровъ (см. листокъ Воронежскаго Комитета), восторги Мартыновыхъ, которымъ наконецъ-то (наконецъ-то!) позволили въ ненавистной „Искрѣ“ лягнуть ненавистнаго „врага“ за всѣ и всяческія прошлыя обиды. Это особенно наглядно показываетъ намъ, до какой степени необходимо было „возстановленіе старой редакціи „Искры“ (изъ ультиматума тов. Старовѣра отъ 3 ноября 1903 г.) для охраненія искровской „преемственности“...

Самъ по себѣ фактъ раздѣленія съѣзда (и партіи) на лѣвое и правое, революціонное и оппортунистическое крыло не представлялъ еще изъ себя не только ничего страшнаго и ничего критическаго, но даже и ровно ничего ненормальнаго. Напротивъ, все послѣднее десятилѣтіе въ исторіи русской (и не только русской) соціальдемократіи неизбѣжно и неминуемо приводило къ такому раздѣленію. Что основаніемъ для раздѣленія былъ рядъ весьма *мелкихъ* ошибокъ праваго крыла, весьма неважныхъ (сравнительно) разногласій, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующимъ) означало *большой шагъ впередъ всей нашей партіи въ цѣломъ.* Раньше мы расходились изъ-за крупныхъ вопросовъ, которые могли иногда даже оправдать и расколъ, теперь мы сошлись уже на всемъ крупномъ и важномъ, теперь насъ раздѣляютъ лишь *оттѣнки*, изъ за которыхъ можно *и должно* спорить, но нелѣпо и ребячески было бы расходиться (какъ и сказалъ уже совершенно справедливо товарищъ Плехановъ въ интересной статьѣ „Чего не дѣлать?“, къ которой мы еще вернемся). *Теперь*, когда *анархическое поведеніе* меньшинства *послѣ съѣзда* почти привело партію къ расколу, часто можно встрѣтить мудрецовъ, которые говорятъ: да стоило ли вообще бороться на съѣздѣ изъ за такихъ мелочей, какъ инцидентъ съ О. К., распущеніе группы „Южн. Раб.“, или „Раб. Дѣла“, § 1, распущеніе старой редакціи и т. п.? Кто разсуждаетъ такъ[1]), тотъ вноситъ именно кружковую точку зрѣнія въ партійныя дѣла: борьба *оттѣнковъ* въ партіи *неизбѣжна и необ-*

[1]) Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съѣздѣ съ кѣмъ-то изъ делегатовъ „центра“. „Какая тяжелая атмосфера царитъ у насъ на съѣздѣ!“ — жаловался онъ мнѣ. „Эта ожесточенная борьба, эта агитація другъ противъ друга, эта рѣзкая полемика, это нетоварищеское отношеніе!...“ „Какая прекрасная вещь нашъ съѣздъ“ — отвѣчалъ я ему. „Открытая, свободная борьба. Мнѣнія высказаны. Оттѣнки обрисовались. Группы намѣтились. Руки подняты. Рѣшеніе принято. Этапъ пройденъ. Впередъ! — вотъ это я понимаю. Это жизнь. Это не то, что безконечныя, нудныя интеллигентскія словопренія, которыя кончаются не потому, что люди рѣшили вопросъ, а просто потому, что устали говорить...“
Товарищъ изъ „центра“ смотрѣлъ на меня недоумѣвающими глазами и пожималъ плечами. Мы говорили на разныхъ языкахъ.

гоняма, покуда борьба не ведетъ къ анархіи и къ расколу, покуда борьба идетъ *въ рамкахъ*, одобренныхъ сообща всѣми товарищами и членами партіи. И *наша борьба* съ правымъ крыломъ партіи *на съѣздѣ*, съ Акимовымъ и Аксельродомъ, съ Мартыновымъ и Мартовымъ, *отнюдь не выходила изъ этихъ рамокъ*. Достаточно вспомнить два факта, свидѣтельствующихъ объ этомъ самымъ безспорнымъ образомъ: 1) когда тт. Мартыновъ и Акимовъ уходили со съѣзда, мы *всѣ готовы были* всячески отстранить мысль объ „оскорбленіи", *мы всѣ принимали* (32 голосами) резолюцію тов. Троцкаго, приглашающую этихъ товарищей удовлетвориться разъясненіями и взять назадъ свое заявленіе; 2) когда дѣло дошло до выбора центровъ, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съѣзда *меньшинство въ обоихъ центрахъ*: Мартову въ Ц. О., Попову въ Ц. К. Иначе мы *не могли* поступить съ партійной точки зрѣнія, разъ было рѣшено нами еще до съѣзда выбирать двѣ тройки. *Если различіе оттѣнковъ, обнаружившихся на съѣздѣ, было невелико*, то *невеликъ*, вѣдь, былъ и *практическій* выводъ, сдѣланный нами изъ борьбы этихъ оттѣнковъ: этотъ выводъ *исключительно* сводился къ тому, что *двѣ трети* въ обѣихъ тройкахъ слѣдуетъ предоставить *большинству* партійнаго съѣзда.

Только *несогласіе* меньшинства на партійномъ съѣздѣ быть *меньшинствомъ въ центрахъ* привело сначала къ „дряблому хныканью" потерпѣвшихъ пораженіе интеллигентовъ, а потомъ къ *анархической фразѣ* и къ анархическимъ дѣйствіямъ.

Въ заключенье, взглянемъ еще разъ на діаграмму съ точки зрѣнія вопроса о составѣ центровъ. Совершенно естественно, что *кромѣ* вопроса объ оттѣнкахъ, передъ делегатами стоялъ также при выборахъ вопросъ о *пригодности*, работоспособности и т. п. того или другого *лица*. Теперь меньшинство очень охотно прибѣгаетъ къ смѣшенію этихъ вопросовъ. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы изъ того простого факта, что выборъ *первоначальной* тройки въ Ц. О. былъ намѣченъ еще *до съѣзда*, когда союза Мартова и Аксельрода съ Мартыновымъ и Акимовымъ не могъ предвидѣть ни единый человѣкъ. На разные вопросы и отвѣтъ долженъ быть получаемъ разными способами: на вопросъ объ оттѣнкахъ надо искать отвѣта въ *протоколахъ съѣзда*, въ *открытомъ* обсужденіи и голосованіи всѣхъ и всяческихъ пунктовъ. Вопросъ о пригодности *лицъ* рѣшено было всѣми на съѣздѣ рѣшать *тайными голосованіями*. Почему *весь съѣздъ единогласно* принялъ такое рѣшеніе? — это такой азбучный вопросъ, на которомъ странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (послѣ своего пораженія на выборахъ) даже азбуку. Мы слышали потоки горячихъ, страстныхъ, возбужденныхъ по-

что до невмѣняемости рѣчей въ защиту старой редакціи, но мы не слышали *ровно ничего* о тѣхъ оттѣнкахъ *на съѣздѣ*, которые связаны были съ борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышимъ изо всѣхъ угловъ толки и росказни о неспособности, непригодности, злонамѣренности и пр. лицъ, выбранныхъ въ Ц. К., но мы не слышимъ *ровно ничего* о тѣхъ оттѣнкахъ *на съѣздѣ*, которые боролись за преобладаніе въ Ц. К. Мнѣ кажется, что *внѣ съѣзда* неприличны и недостойны росказни и толки о качествахъ и дѣйствіяхъ лицъ (ибо эти дѣйствія составляютъ, въ 99 случаяхъ изъ 100, организаціонную тайну, раскрываемую лишь передъ высшей инстанціей партіи). Вести *внѣ съѣзда* борьбу посредствомъ *такихъ росказней* значило бы, по моему убѣжденію, дѣйствовать *сплетнически*. И единственный отвѣтъ, который я могъ бы дать публикѣ по поводу этихъ толковъ, состоялъ бы въ указаніи на съѣздовскую борьбу: вы говорите, что Ц. К. выбранъ небольшимъ большинствомъ. Это вѣрно. Но это небольшое большинство составилось изъ всѣхъ тѣхъ, кто самымъ послѣдовательнымъ образомъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, боролся за проведеніе искровскихъ плановъ. *Моральный* авторитетъ этого большинства долженъ быть, поэтому, еще несравненно выше его *формальнаго* авторитета, — выше для всѣхъ, кто цѣнитъ преемственность *направленія* „Искры" выше преемственности того или иного *кружка* „Искры". Кто *компетентнѣе могъ бы судить* о пригодности тѣхъ или иныхъ лицъ для проведенія политики „Искры"? тѣ-ли, кто проводилъ эту политику на съѣздѣ, или тѣ, кто въ цѣломъ рядѣ случаевъ боролся съ этой политикой и отстаивалъ всякую отсталость, всякій хламъ, всякую кружковщину?

о) Послѣ съѣзда. Два пріема борьбы.

Анализъ преній и голосованій на съѣздѣ, съ которымъ мы покончили, объясняетъ собственно in nuce (въ зародышѣ) *все, что было послѣ съѣзда*, и мы можемъ быть краткими, отмѣчая дальнѣйшіе этапы нашего партійнаго кризиса.

Отказъ Мартова и Попова отъ выборовъ внесъ сразу атмосферу *дрязги* въ партійную борьбу партійныхъ оттѣнковъ. Тов. Глѣбовъ, считая невѣроятнымъ, что невыбранные редакторы серьезно рѣшили *повернуть* къ Акимову и Мартынову, и объясняя дѣло прежде всего раздраженіемъ, предложилъ мнѣ и Плеханову на другой же день послѣ съѣзда покончить миромъ, „кооптировать" всѣхъ четырехъ подъ условіемъ обезпеченія представительства въ Совѣтѣ отъ редакціи (т. е. чтобы изъ двухъ представителей одинъ обязательно принадлежалъ къ *партійному* большинству). Условіе это показалось Плеханову и мнѣ раціональнымъ, ибо согласіе на него означало *молчаливое признаніе ошибки на съѣздѣ*, желаніе мира, а не войны,

желаніе быть ближе къ намъ съ Плехановымъ, чѣмъ къ Акимову съ Мартыновымъ, къ Егорову съ Маховымъ. Уступка по части „кооптаціи" принимала, такимъ образомъ, *личный* характеръ, а отказываться отъ личной уступки, которая должна устранить раздраженіе и возстановить миръ, не стоило. Поэтому мы дали съ Плехановымъ свое согласіе. Редакціонное большинство отвергло условіе. *Глѣбовъ уѣхалъ.* Мы стали выжидать послѣдствій: удержится ли Мартовъ на лояльной почвѣ, на которую онъ всталъ (*противъ* представителя центра, тов. Попова) на съѣздѣ, или неустойчивые и склонные къ расколу элементы, за которыми онъ пошелъ, возьмутъ верхъ.

Мы стояли передъ дилеммой: пожелаетъ ли тов. Мартовъ считать свою съѣздовскую „коалицію" единичнымъ политическимъ фактомъ (въ родѣ того, какъ была единичнымъ случаемъ коалиція Бебеля съ Фольмаромъ въ 1895 г., si licet parva componere magnis), или онъ пожелаетъ *закрѣпить* эту коалицію, направитъ всѣ усилія, чтобы доказать *нашу съ Плехановымъ* ошибку на съѣздѣ, станетъ настоящимъ вожакомъ оппортунистическаго крыла нашей партіи. Иными словами эта дилемма формулировалась такъ: дрязга или политическая партійная борьба? Изъ насъ троихъ, которые были на другой день послѣ съѣзда единственными наличными членами центральныхъ учрежденій, Глѣбовъ наиболѣе склонялся къ первому рѣшенію дилеммы и наиболѣе старался помирить поссорившихся дѣтей. Ко второму рѣшенію наиболѣе склонялся тов. Плехановъ, къ которому, что называется, приступу не было. Я изображалъ изъ себя на этотъ разъ „центръ" или „болото" и попробовалъ обратиться съ убѣжденіями. Въ настоящее время пытаться возстанавливать словесныя убѣжденія было бы предпріятіемъ безнадежно-путаннымъ, и я не послѣдую дурному примѣру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но нѣкоторыя мѣста изъ одного письменнаго убѣжденія, адресованнаго мною къ одному изъ искряковъ „меньшинства", считаю необходимымъ воспроизвести:

...„Отказъ отъ редакціи Мартова, отказъ отъ сотрудничества его и др. литераторовъ партіи, отказъ работать на Ц. К. цѣлаго ряда лицъ, пропаганда идеи бойкота или пассивнаго сопротивленія, все это неминуемо приведетъ, даже противъ воли Мартова и его друзей приведетъ къ расколу партіи. Если даже Мартовъ будетъ удерживаться на лояльной почвѣ (на которую онъ такъ рѣшительно всталъ на съѣздѣ), то другіе не удержатся, — и указанный мною исходъ будетъ неизбѣженъ...

...„И вотъ я спрашиваю себя: изъ за чего же, въ самомъ дѣлѣ, мы разойдемся?.. Я перебираю всѣ событія и впечатлѣнія съѣзда, я сознаю, что часто поступалъ и дѣйствовалъ въ страшномъ раздраженіи, „бѣшено", я охотно готовъ признать предъ кѣмъ угодно эту свою вину, если слѣдуетъ назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакціей, репликой, борьбой etc. Но, смотря безъ всякаго бѣшенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредствомъ бѣшеной борьбы, я рѣшительно не могу видѣть въ результатахъ ничего, ровно ничего вреднаго

для партіи и абсолютно ничего обиднаго или оскорбительнаго для меньшинства.

„Конечно, обиднымъ не могло не быть уже то, что пришлось остаться въ меньшинствѣ, но я категорически протестую противъ мысли о томъ, чтобы мы „пятнали“ кого-либо, чтобы мы *хотѣли* оскорбить или унизить кого-либо. Ничего подобнаго. И не слѣдъ допускать, чтобы политическое расхожденіе вело къ истолкованію событій посредствомъ обвиненія другой стороны въ недобросовѣстности, прохвостничествѣ, интригантствѣ и пр. милыхъ вешахъ, о которыхъ все чаще и чаше слышишь въ атмосферѣ надвигающагося раскола. Не слѣдъ допускать этого, ибо это, по меньшей мѣрѣ, до nec plus ultra неразумно.

„Мы политически (и организаціонно) разошлись съ Мартовымъ, какъ расходились съ нимъ десятки разъ. Будучи побѣжденъ на вопросѣ о § 1 устава, я не могъ не стремиться со всей энергіей къ реваншу на томъ, что у меня (и у съѣзда) оставалось. Я не могъ не стремиться, съ одной стороны, къ строго искровскому Ц. К., — съ другой, къ редакціонной тройкѣ... Я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностнымъ учрежденіемъ, а не коллегіей, основанной на семейственности и халатности, единственнымъ настоящимъ центромъ, въ которомъ каждый и всегда вносилъ бы и отстаивалъ свою партійную точку зрѣнія, ни на волосъ больше и irrespective отъ всего личнаго, отъ всякихъ соображеній объ обидѣ, объ уходѣ и пр.

„Эта тройка, послѣ событій на съѣздѣ, несомнѣнно узаконяла политическую и организаціонную линію, въ одномъ отношеніи направленную противъ Мартова. Несомнѣнно. Изъ за этого рвать? Изъ за этого ломать партію?? А развѣ по вопросу о демонстраціяхъ не были Мартовъ и Плехановъ противъ меня? А развѣ по вопросу о программѣ не былъ я и Мартовъ противъ Плеханова? Развѣ всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной противъ каждаго участника? Если большинство искровцевъ и въ организаціи „Искры“, и на съѣздѣ нашло ошибочнымъ вотъ этотъ спеціальный оттѣнокъ Мартовской линіи въ организаціонномъ и политическомъ отношеніи, неужели не безумны, въ самомъ дѣлѣ, попытки объяснять это какимъ-то „подстраиваньемъ“, да „натравливаньемъ“ и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться отъ этого факта, *обругавши* это большинство „шпаной“?

„Повторяю: я, какъ и большинство искровцевъ съѣзда, глубоко убѣжденъ, что Мартовъ взялъ невѣрную линію и что его надо было поправить. Строить обиду изъ за этой поправки, выводить отсюда оскорбленія etc. — неразумно. Никого и ни въ чемъ мы не „пятнали“, не „пятнаемъ“ и не устраняемъ *отъ работы*. А изъ за устраненія *отъ центра* поднимать расколъ было бы непостижимымъ для меня безуміемъ“[1]).

Эти письменныя мои заявленія я считалъ необходимымъ возстановить теперь, ибо они *точно* показываютъ стремленіе большинства *сразу* провести опредѣленную грань между возможными (и неизбѣжными при горячей борьбѣ) личными обидами и личнымъ раздраженіемъ въ силу рѣзкости и „бѣшенства“ нападокъ и т. п., съ одной стороны, — и извѣстной политической ошибкой, политической линіей (коалиція съ правымъ крыломъ), съ другой стороны.

Эти заявленія доказываютъ, что *пассивное сопротивленіе* меньшинства *началось сейчасъ же послѣ съѣзда* и сразу вы-

---

[1]) Это письмо писано еще *въ сентябрѣ* (н. ст.). Опущено изъ него то, что мнѣ кажется не относящимся къ дѣлу. Если адресатъ письма считаетъ именно опущенное важнымъ, то ему легко будетъ пополнить пробѣлъ. Кстати. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы разъ на всегда предоставить всѣмъ моимъ оппонентамъ публикацію всѣхъ моихъ частныхъ писемъ, буде они считаютъ это полезнымъ для дѣла.

звало съ нашей стороны предостереженіе, что это есть *шагъ къ расколу партіи*: — что это прямо противорѣчитъ *лояльнымъ заявленіямъ на съѣздѣ*: — что это будетъ расколомъ исключительно *изъ за отстраненія отъ центральныхъ учрежденій* (сирѣчь изъ за невыбора), ибо *отъ работы* никого изъ членовъ партіи никто никогда не думалъ отстранять:— что политическое расхожденіе между нами (неизбѣжное, поскольку не выясненъ и не рѣшенъ еще вопросъ, Мартовъ или мы ошиблись въ своей линіи на съѣздѣ) начинаетъ все болѣе *извращаться въ дрязгу* съ руготней, заподазриваніями и пр. и пр.

Предостереженія не помогли. Поведеніе меньшинства показывало, что наименѣе устойчивые и *наименѣе цѣнящіе партію* элементы среди него берутъ верхъ. Это заставило насъ съ Плехановымъ взять назадъ свое согласіе на предложеніе Глѣбова: въ самомъ дѣлѣ, если меньшинство *дѣлами* своими доказывало политическую неустойчивость свою не только въ области принциповъ, но и въ области *элементарной партійной лояльности*, то какое значеніе могли имѣть *слова* о пресловутой „преемственности"? Никто не осмѣивалъ такъ остроумно, какъ Плехановъ, всей нелѣпости требованія „кооптировать" въ партійную редакцію большинство такихъ людей, которые прямо заявляютъ о своихъ новыхъ и ростущихъ несогласіяхъ! Да гдѣ же это видано на свѣтѣ, чтобы *до выясненія* въ печати, передъ партіей, *новыхъ* разногласій партійное большинство въ центральныхъ учрежденіяхъ само превращало себя въ меньшинство? Пусть сначала изложены будутъ разногласія, пусть партія обсудитъ ихъ глубину и значеніе, пусть партія сама исправитъ свою ошибку, сдѣланную ею на второмъ съѣздѣ, если доказана будетъ та или иная ошибка! Одно уже выставленіе подобнаго требованія *во имя* невѣдомыхъ еще разногласій показывало полную неустойчивость требующихъ, полное подавленіе политическихъ расхожденій дрязгой, полное неуваженіе и ко всей партіи и къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Не бывало еще на свѣтѣ и не будетъ никогда такихъ *принципіально убѣжденныхъ* людей, которые бы отказывались *убѣждать* раньше, чѣмъ они получатъ (*приватнымъ образомъ*) большинство въ томъ учрежденіи, которое они собираются переубѣдить.

Наконецъ, 4 октября тов. Плехановъ объявляетъ, что сдѣлаетъ *послѣднюю* попытку покончить съ этой нелѣпостью. Собирается собраніе всѣхъ шести членовъ старой редакціи въ присутствіи новаго члена Ц. К.[1]) Битыхъ три часа доказываетъ т. Плехановъ неразумность требованія „кооптиро-

[1]) Этотъ членъ Ц. К., кромѣ того, спеціально устраивалъ рядъ частныхъ и коллективныхъ бесѣдъ съ меньшинствомъ, опровергая наивныя росказни и взывая къ партійному долгу.

вать“ четырехъ изъ „меньшинства“ на двухъ изъ „большинства“. Онъ предлагаетъ *кооптировать двоихъ*, чтобы, съ одной стороны, устранить всякія опасенія, что мы хотимъ кого-то „заѣзжать“, задавить, осадить, казнить и похоронить, а съ другой стороны, чтобы охранять права и позицію партійнаго „большинства“. *Кооптація двухъ тоже отвергается.*

6-го октября мы пишемъ съ Плехановымъ оффиціальное письмо всѣмъ старымъ редакторамъ „Искры“ и сотруднику, тов. Троцкому, слѣдующаго содержанія:

„Уважаемые товарищи! Редакція Ц. О. считаетъ долгомъ оффиціально выразить свое сожалѣніе по поводу Вашего отстраненія отъ участія въ „Искрѣ“ и „Зарѣ“. Несмотря на многократныя приглашенія сотрудничать, которыя мы дѣлали и тотчасъ послѣ второго съѣзда партіи и повторяли неоднократно послѣ того, мы не получили отъ Васъ ни одного литературнаго произведенія. Редакція Ц. О. заявляетъ, что она считаетъ Ваше отстраненіе отъ сотрудничества ничѣмъ съ ея стороны невызваннымъ. Какое-либо личное раздраженіе не должно, конечно, служить препятствіемъ къ работѣ въ Центральномъ Органѣ партіи. Если же Ваше отстраненіе вызвано тѣмъ или инымъ расхожденіемъ во взглядахъ между Вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезнымъ въ интересахъ партіи обстоятельное изложеніе такихъ разногласій. Болѣе того. Мы считали бы чрезвычайно желательнымъ, чтобы характеръ и глубина этихъ разногласій были какъ можно скорѣе выяснены передъ всей партіей на страницахъ редактируемыхъ нами изданій“ [1]).

Какъ видитъ читатель, намъ все еще оставалось совершенно неяснымъ, преобладаетъ ли личное раздраженіе въ дѣйствіяхъ „меньшинства“ или желаніе дать органу (и партіи) *новый курсъ*, какой именно, въ чемъ именно. Я думаю, что и сейчасъ, если посадить 70 толковниковъ за работу выясненія этого вопроса на основаніи какой угодно литературы и какихъ угодно свидѣтельскихъ показаній, то и они никогда бы не разобрались въ этой путаницѣ. Дрязгу врядъ ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться отъ нея [2]).

На письмо отъ 6 октября Аксельродъ, Засуличъ, Старовѣръ, Троцкій и Кольцовъ отвѣтили намъ парой строкъ о томъ, что нижеподписавшіеся никакого участія въ „Искрѣ“ со времени ея перехода въ руки новой редакціи не принимаютъ. Тов. Мартовъ былъ болѣе разговорчивъ и почтилъ насъ такимъ отвѣтомъ.

„Въ редакцію Ц. О. Росс. С.-Д. Р. П. Уважаемые товарищи! Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 6 октября я заявляю слѣдующее: Я считаю всѣ наши объясненія по вопросу о совмѣстной работѣ въ одномъ органѣ законченными послѣ совѣщанія, имѣвшаго мѣсто въ присутствіи члена Ц. К. 4 ок-

---

[1]) Въ письмѣ къ тов. Мартову было добавлено еще одно мѣсто съ вопросомъ объ одной брошюрѣ и слѣдующая фраза: „Наконецъ, въ интересахъ дѣла мы еще разъ ставимъ Вамъ на видъ, что мы и въ настоящее время готовы кооптировать Васъ въ члены редакціи Ц. О. для того, чтобы дать Вамъ полную возможность оффиціально заявлять и отстаивать всѣ свои взгляды въ высшемъ партійномъ учрежденіи.“

[2]) Тов. Плехановъ, вѣроятно, добавилъ бы здѣсь: либо удовлетворить *всѣ и всякія претензіи* иниціаторовъ дрязги. Мы увидимъ, почему это было невозможно.

тября, на которомъ Вы отказались отвѣтить на вопросъ о причинахъ, побудившихъ Васъ взять назадъ предложеніе, сдѣланное намъ о вступленіи Аксельрода, Засуличъ, Старовѣра и меня въ редакцію подъ условіемъ, что мы дадимъ обязательство избрать своимъ „представителемъ" въ Совѣтъ тов. Ленина. Послѣ того, какъ на упомянутомъ совѣщаніи Вы неоднократно уклонялись отъ формулировки Вашихъ же собственныхъ, при свидѣтеляхъ сдѣланныхъ, заявленій, я не считаю нужнымъ въ письмѣ къ Вамъ объяснять мотивы моего отказа работать въ „Искрѣ" при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Если понадобится, я выскажусь объ этомъ подробно передъ лицомъ всей партіи, которая уже изъ протоколовъ второго съѣзда узнаетъ, почему я отказался отъ нынѣ повторяемаго Вами предложенія занять мѣсто въ редакціи и въ Совѣтѣ. . ."[1]) Л. Мартовъ.

Это письмо, вмѣстѣ съ предыдущими документами, даетъ неопровержимое разъясненіе по тому вопросу о бойкотѣ, дезорганизаціи, анархіи и подготовленіи раскола, который такъ усердно обходитъ (посредствомъ восклицательныхъ знаковъ и многоточій) т. Мартовъ въ своемъ „Осадномъ положеніи", — вопросу о лояльныхъ и нелояльныхъ средствахъ борьбы.

Т. Мартову и другимъ *предлагаютъ* изложить разногласія, *просятъ* сказать прямо, въ чемъ же дѣло и каковы ихъ намѣренія, *уговариваютъ* перестать капризничать и разобрать спокойно ошибку по § 1 (неразрывно связанную съ ошибкой въ поворотѣ вправо), — а т. Мартовъ съ К° *отказывается разговаривать* и кричитъ: меня осаждаютъ, меня заѣзжаютъ! Насмѣшка надъ „страшнымъ словомъ" не охладила пылъ этихъ комичныхъ воплей.

Да какъ же можно *осаждать* того, кто *отказывается совмѣстно работать?* — спрашивали мы т. Мартова. Какъ можно обидѣть, „заѣзжать" и притѣснить меньшинство, когда оно *отказывается быть въ меньшинствѣ??* Вѣдь всякое пребываніе въ меньшинствѣ означаетъ обязательно и непремѣнно извѣстныя невыгоды для того, кто въ меньшинствѣ остался. Невыгоды эти состоятъ либо въ томъ, что придется войти въ коллегію, которая будетъ майоризировать по извѣстнымъ вопросамъ, либо придется встать внѣ коллегіи, нападая на нее и подвергаясь, слѣдовательно, огню хорошо укрѣпленныхъ батарей.

Криками объ „осадномъ положеніи" товарищъ Мартовъ хотѣлъ сказать, что съ ними, оставшимися въ меньшинствѣ, борятся или ими управляютъ несправедливо и нелояльно? *Только* такой тезисъ имѣлъ бы (въ глазахъ Мартова) хоть тѣнь разумности, ибо, повторяю, извѣстныя невыгоды пребываніе въ меньшинствѣ влечетъ за собой обязательно и непремѣнно. Но въ томъ то и комизмъ, что съ т. Мартовымъ нельзя было *никакъ бороться*, пока онъ отказывался разговаривать! меньшинствомъ нельзя было *никакъ управлять*, пока оно отказывалось быть въ меньшинствѣ!

[1]) Опускаю отвѣтъ насчетъ брошюры Мартова, переиздававшейся въ то время.

Ни единаго факта превышенія власти или злоупотребленія властью не доказалъ т. Мартовъ по отношенію къ редакціи Ц. О., когда мы съ Плехановымъ были въ редакціи. *Ни единаго факта* не доказали и практики меньшинства со стороны Центральнаго Комитета. Какъ ни вертится теперь т. Мартовъ въ своемъ „Осадномъ положеніи“, — остается совершенно неопровержимымъ, что *ровно ничего, кромѣ „дряблаго хныканья“, въ вопляхъ объ осадномъ положеніи не было.*

Полнѣйшее отсутствіе *разумныхъ* доводовъ противъ редакціи, назначенной съѣздомъ, у т. Мартова и К° всего лучше иллюстрируется ихъ же словечкомъ: „мы не крѣпостные!“ „(Осад. пол.“, стр. 34.). Психологія буржуазнаго интеллигента, который причисляетъ себя къ „избраннымъ душамъ“, стоящимъ выше массовой организаціи и массовой дисциплины, выступаетъ здѣсь замѣчательно отчетливо. *Объяснять* отказъ отъ работы въ партіи тѣмъ, что „мы не крѣпостные“, значитъ *съ головой выдать себя*, признать полное отсутствіе доводовъ, полную неспособность мотивировки, полное отсутствіе разумныхъ причинъ недовольства. Мы съ Плехановымъ заявляемъ, что считаемъ отказъ ничѣмъ съ нашей стороны невызваннымъ, просимъ изложить разногласія, а намъ отвѣчаютъ: „мы не крѣпостные“ (съ добавленіемъ: мы еще на счетъ кооптаціи не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который высказалъ себя уже въ спорахъ о § 1, обнаруживъ свою склонность къ оппортунистическому разсужденію и къ анархической фразѣ, *всякая* пролетарская организація и дисциплина кажутся *крѣпостнымъ правомъ.* Читающая публика скоро узнаетъ, что и новый *партійный съѣздъ* кажется этимъ „членамъ партіи“ и „должностнымъ лицамъ“ партіи — крѣпостнымъ учрежденіемъ, страшнымъ и невыносимымъ для „избранныхъ душъ“... Это „учрежденіе“ и въ самомъ дѣлѣ страшно для тѣхъ, кто охочъ попользоваться титуломъ партійности, но чувствуетъ *несоотвѣтствіе* этого титула съ интересами партіи и волей партіи.

Резолюціи комитетовъ, перечисленныя мной въ письмѣ въ редакцію новой „Искры“ и напечатанныя т. Мартовымъ въ „Осадномъ положеніи“, доказываютъ фактически, что поведеніе меньшинства было сплошнымъ *неподчиненіемъ* постановленіямъ съѣзда, *дезорганизаціей* положительной практической работы. Составившееся изъ оппортунистовъ и ненавистниковъ „Искры“ меньшинство *рвало партію*, портило, дезорганизировало работу, желая отомстить за пораженіе на съѣздѣ и чувствуя, что *честными и лояльными* средствами (разъясненіемъ дѣла въ печати или на съѣздѣ) оно *никогда* не сумѣетъ опровергнуть выдвинутаго противъ нихъ на второмъ съѣздѣ обвиненія въ оппортунизмѣ и въ интеллигентской неустойчивости. Сознавая свое безсиліе *убѣдить* партію, они

воздѣйствовали тѣмъ, что *дезорганизовывали* партію и *мѣшали всякой работѣ.* Ихъ упрекали въ томъ, что они (напуставъ на съѣздѣ) сдѣлали щель въ нашей посудинѣ: они отвѣчали на упрекъ тѣмъ, что *всѣми силами* старались *совершенно разбить* треснувшую посудину.

Понятія запутывались до того, что бойкотъ и отстраненіе отъ работы объявлялись „*честнымъ*[1]) средствомъ" борьбы. Т. Мартовъ всячески вертится теперь около этого щекотливаго пункта. Т. Мартовъ такъ „принципіаленъ", что защищаетъ бойкотъ,... когда онъ ведется меньшинствомъ, и осуждаетъ бойкотъ, когда онъ грозитъ самому Мартову, попавшему въ большинство!

Я думаю, можно оставить безъ разбора вопросъ о томъ, дрязга ли это или „принципіальное разногласіе" относительно честныхъ средствъ борьбы въ соц.-дем. рабочей Партіи.

Послѣ неудачныхъ попытокъ (4 и 6 окт.) добиться объясненія отъ начавшихъ исторію изъ за „коoптаціи" товарищей, центральнымъ учрежденіямъ оставалось только посмотрѣть, какова будетъ на дѣлѣ обѣщанная ими на словахъ лояльность борьбы. 10 октября Ц. К. обращается съ циркуляромъ къ Лигѣ (см. прот. Лиги, стр. 3-5), заявляя о вырабатываемомъ имъ уставѣ и приглашая къ содѣйствію. Съѣздъ Лиги въ то время былъ отклоненъ администраціей ея (двумя голосами противъ одного. см. стр. 20 тамъ же). Отвѣты сторонниковъ меньшинства на этотъ циркуляръ сразу показали, что пресловутая лояльность и признаніе рѣшеній съѣзда были лишь фразой, что на дѣлѣ меньшинство рѣшило безусловно *не подчиниться* центральнымъ учрежденіямъ партіи, отвѣчая на ихъ призывы къ объединенной работѣ *отписками*, полными софизмовъ и *анархическихъ* фразъ. На пресловутое открытое письмо члена администраціи, Дейча (с. 10), мы отвѣтили вмѣстѣ съ Плехановымъ и другими сторонниками большинства рѣшительнымъ выраженіемъ „протеста противъ тѣхъ грубыхъ нарушеній партійной дисциплины, при помощи которыхъ должностное лицо Лиги позволяетъ себѣ тормозить организаціонную дѣятельность партійнаго учрежденія и призываетъ къ такому же нарушенію дисциплины и устава другихъ товарищей. Фразы въ родѣ того, что „въ такой работѣ по приглашенію Ц. К. я считаю себя не вправѣ принять участія", или „товарищи! мы ни въ коемъ случаѣ не должны предоставить ему (Ц. К.) выработку новаго устава для Лиги" и т. п.. принадлежатъ къ такого сорта агитаціоннымъ пріемамъ, что могутъ вызвать только негодованіе у всякаго человѣка, мало-мальски разбирающа-

[1]) Горнозаводская резолюція (стр. 38 „Осадное положеніе").

гося въ томъ, что значатъ понятія: партія, организація, партійная дисциплина. Пріемы такого сорта тѣмъ болѣе возмутительны, что они употребляются по отношенію къ только что созданному партійному учрежденію, являются, такимъ образомъ, несомнѣнной попыткой подорвать къ нему довѣріе въ средѣ партійныхъ товарищей и при томъ пускаются въ ходъ подъ фирмой члена администраціи Лиги и за спиной Ц. К.". (стр. 17).

Съѣздъ Лиги, при такихъ условіяхъ, обѣщалъ быть только скандаломъ.

Т. Мартовъ съ самаго начала продолжилъ свою съѣздовскую тактику „залѣзанія въ душу", на этотъ разъ тов. Плеханову, посредствомъ извращенія частныхъ разговоровъ. Т. Плехановъ протестуетъ, и т. Мартову приходится брать назадъ (с. 39 и 134 пр. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходитъ очередь до доклада. Делегатомъ отъ Лиги на партійномъ съѣздѣ былъ я. Простая справка съ конспектомъ моего доклада (с. 43 и слѣд.) покажетъ читателю, что я далъ черновой набросокъ того самаго анализа голосованій на съѣздѣ, который въ разработанномъ видѣ составляетъ содержаніе и настоящей брошюры. Весь центръ тяжести доклада лежалъ именно въ доказательствѣ того, что Мартовъ и К°, въ силу сдѣланныхъ ими ошибокъ, оказались въ оппортунистическомъ крылѣ нашей партіи. Несмотря на то, что докладъ дѣлался передъ большинствомъ самыхъ озлобленныхъ противниковъ, они не могли открыть въ немъ ровно ничего, отступающаго отъ лояльныхъ пріемовъ партійной борьбы и полемики.

Докладъ Мартова, помимо мелкихъ и частныхъ „поправокъ" къ моему изложенію (невѣрность этихъ поправокъ мы показали выше), представлялъ изъ себя, наоборотъ, . . . нѣкоторый продуктъ больныхъ нервовъ.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу въ такой атмосферѣ. Т. Плехановъ заявилъ протестъ противъ „*сцены*" (с. 68) — это была, дѣйствительно, настоящая „сцена"! — и удалился со съѣзда, не желая излагать приготовленныхъ имъ уже возраженій по существу доклада. Ушли со съѣзда и почти всѣ остальные сторонники большинства, подавъ письменный протестъ противъ „недостойнаго поведенія" т. Мартова (с. 75 пр. Лиги).

Пріемы борьбы меньшинства выступили передъ всѣми съ полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли въ политической ошибкѣ на съѣздѣ, въ поворотѣ къ оппортунизму, въ коалиціи съ бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпѣло пораженіе на съѣздѣ и „выработало" теперь *два* пріема борьбы, обни-

мающіе все безконечное разнообразіе отдѣльныхъ вылазокъ, аттакъ, нападеній и т. д.

Первый пріемъ — дезорганизація всей партійной работы, порча дѣла, стремленіе тормозить все и вся „безъ объясненія причинъ".

Второй пріемъ — устройство „сценъ" и пр. и пр.[1])

Этотъ „второй пріемъ борьбы" сказывается и на пресловутыхъ „принципіальныхъ" резолюціяхъ Лиги, въ обсужденіи которыхъ „большинство", разумѣется, не участвовало. Присмотримся къ этимъ резолюціямъ, которыя тов. Мартовъ перепечаталъ теперь въ своемъ „Осадномъ положеніи".

Первая резолюція, подписанная товарищами Троцкимъ, Ѳоминымъ, Дейчемъ и друг., содержитъ два тезиса, направленныхъ противъ „большинства" партійнаго съѣзда: 1) „Лига выражаетъ свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что, благодаря проявившимся на съѣздѣ тенденціямъ, по существу идущимъ въ разрѣзъ съ прежней политикой „Искры", при выработкѣ партійнаго устава не было обращено должнаго вниманія на созданіе достаточныхъ гарантій для огражденія независимости и авторитета Ц. К." (стр. 83 прот. Лиги).

Этотъ „принципіальный" тезисъ сводится, какъ мы уже видѣли, къ *Акимовской* фразѣ, *оппортунистическій* характеръ которой разоблачалъ на съѣздѣ партіи *даже* тов. Поповъ! По существу дѣла, увѣренія въ томъ, что „большинство" не думаетъ ограждать независимость и авторитетъ Ц. К., всегда оставались не болѣе какъ *сплетней*. Достаточно указать, что когда мы съ Плехановымъ были въ редакціи, у насъ *не было въ Совѣтѣ* перевѣса Ц. О. надъ Ц. К., а когда мартовцы вошли въ редакцію, въ Совѣтѣ *получилось* преобладаніе Ц. О. надъ Ц. К.! Когда мы были въ редакціи, въ Совѣтѣ *преобладали русскіе практики* надъ заграничными литераторами: у мартовцевъ оказалось обратное. Когда мы были въ редакціи, Совѣтъ *ни разу* не покушался вмѣшиваться ни въ одинъ *практическій* вопросъ; со времени единогласной кооптаціи *началось такое вмѣшательство*, какъ узнаетъ доскональнo читающая публика въ непродолжительномъ времени.

Слѣдующій тезисъ разбираемой резолюціи: . . . „съѣздъ при учрежденіи оффиціальныхъ центровъ партіи игнорировалъ преемственную связь съ фактически сложившимися центрами. . ."

[1] Я уже указывалъ, что самыя низменныя формы проявленія этихъ обычныхъ въ эмигрантской и ссыльной атмосферѣ дрязгъ неразумно было бы сводить къ низменнымъ мотивамъ. Это — своего рода болѣзнь, эпидемически распространяющаяся при извѣстныхъ ненормальныхъ условіяхъ жизни, при извѣстной расшатанности нервовъ и т. д. Мнѣ *пришлось* здѣсь возстановить истинный характеръ этой системы борьбы, ибо тов. Мартовъ *цѣликомъ повторилъ ее въ своемъ „Осадномъ положеніи"*.

Этотъ тезисъ сводится цѣликомъ къ вопросу о *личномъ* составѣ центровъ. „Меньшинство" предпочитало обходить то, что старые центры на съѣздѣ доказали свою непригодность и надѣлали рядъ ошибокъ. Но всего комичнѣе ссылка на „преемственность" по отношенію къ Орг. К. На съѣздѣ, какъ мы видѣли, ни одинъ человѣкъ не заикнулся объ утвержденіи всего состава О. К. На съѣздѣ Мартовъ кричалъ даже въ изступленіи, что его позоритъ списокъ съ тремя членами О. К. На съѣздѣ „меньшинство" предлагало свой *послѣдній* списокъ съ *однимъ* членомъ О. К. (*Поповъ*, Глѣбовъ или Ѳоминъ и Троцкій), а „большинство" провело списокъ съ *двумя* членами О. К. изъ трехъ (*Травинскій*, *Васильевъ* и Глѣбовъ). Спрашивается, неужели эта ссылка на „преемственность" можетъ быть названа „принципіальнымъ разногласіемъ"?

Перейдемъ къ другой резолюціи, подписанной четырьмя членами старой редакціи съ товарищемъ Аксельродомъ во главѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ главныя обвиненія противъ „большинства", не разъ повторенныя потомъ въ печати. Разсмотрѣть ихъ всего удобнѣе именно въ формулировкѣ членовъ редакторскаго кружка. Обвиненія направлены противъ „системы самодержавно-бюрократическаго управленія партіей", противъ „централизма бюрократическаго", который, въ отличіе отъ „централизма истинно-соціальдемократическаго", опредѣляется слѣдующимъ образомъ: онъ „ставитъ на первый планъ не внутреннее объединеніе, а внѣшнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путёмъ систематическаго подавленія индивидуальной инціативы и общественной самодѣятельности"; онъ, поэтому, „по самой своей сущности неспособенъ органически объединить составные элементы общества".

О какомъ это „обществѣ" говоритъ здѣсь т. Аксельродъ съ К°, одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Тов. Аксельродъ, видимо, и самъ хорошенько не зналъ, пишетъ ли онъ земскій адресъ о желательныхъ реформахъ въ управленіи, или изливаетъ жалобы „меньшинства". Что *можетъ означать* „самодержавіе" въ партіи, о которомъ кричатъ недовольные „редакторы"? Самодержавіе есть верховная, безконтрольная, безотвѣтственная, невыборная власть одного лица. Изъ литературы „меньшинства" очень хорошо извѣстно, что таковымъ самодержцемъ считаютъ *меня*, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюція, я былъ въ Ц. О. вмѣстѣ съ Плехановымъ. Слѣдовательно, тов. Аксельродъ съ К° выражаетъ свое убѣжденіе въ томъ, что и Плехановъ и всѣ члены Ц. К. „управляли партіей" не согласно ихъ взглядамъ на пользу дѣла, а согласно *волѣ* самодержца Ленина. Обвиненіе въ самодержавномъ управленіи необходимо и неизбѣжно ведетъ къ признанію всѣхъ остальныхъ участниковъ управленія,

кромѣ самодержца, простыми орудіями въ чужихъ рукахъ, пѣшками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваемъ еще и еще разъ: неужели это въ самомъ дѣлѣ „принципіальное разногласіе“ почтеннѣйшаго тов. Аксельрода?

Далѣе. О какомъ внѣшнемъ, формальномъ единствѣ говорятъ здѣсь наши „члены партіи“, только что вернувшіеся съ партійнаго съѣзда, рѣшенія котораго они торжественно признали законными? Ужъ не знаютъ ли они другого способа достигать единства въ партіи, организованной на сколько-нибудь прочныхъ началахъ, кромѣ партійнаго съѣзда? Если да, то почему же они не имѣютъ мужества прямо сказать, что второй съѣздъ они уже не признаютъ законнымъ съѣздомъ? Почему они не попробуютъ изложить намъ ихъ новыя мысли и новые способы достиженія единства въ якобы организованной якобы партіи?

Далѣе. О какомъ „подавленіи индивидуальной иниціативы“ говорятъ наши интеллигенты-индивидуалисты, которыхъ Ц. О. партіи только что передъ этимъ *упрашивалъ* изложить свои разногласія и которые *вмѣсто этого* торговались о „кооптаціи“? Какъ могли, вообще, мы съ Плехановымъ или Ц. К. подавить иниціативу и самодѣятельность людей, которые отказывались отъ *всякой* „дѣятельности“ вмѣстѣ съ нами! Какъ можно „подавить“ кого-либо въ такомъ учрежденіи или въ такой коллегіи, гдѣ подавляемый *отказался участвовать?* Какъ могутъ невыбранные редакторы жаловаться на „систему управленія“, когда они отказались *„быть управляемыми“?* Мы *не могли* совершить *никакихъ* ошибокъ при руководствѣ нашими товарищами по той простой причинѣ, что эти товарищи вовсе и не работали подъ нашимъ руководствомъ.

Кажется, ясно, что крики о пресловутомъ бюрократизмѣ есть простое прикрытіе недовольства личнымъ составомъ центровъ, есть фиговый листокъ, скрашивающій нарушеніе слова, торжественно даннаго на съѣздѣ. Ты бюрократъ, потому что ты назначенъ съѣздомъ не согласно моей волѣ, а вопреки ей; ты формалистъ, потому что ты опираешься на формальныя рѣшенія съѣзда, а не на мое согласіе; ты дѣйствуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на „механическое“ большинство партійнаго съѣзда и не считаешься съ моимъ желаніемъ быть кооптированнымъ; ты — самодержецъ, потому что не хочешь отдать власть въ руки старой, теплой компаніи, которая тѣмъ энергичнѣе отстаиваетъ свою кружковщинскую „преемственность“, чѣмъ непріятнѣе ей прямое неодобреніе съѣздомъ этой кружковщины.

Никакого *реальнаго* содержанія, кромѣ указаннаго, не было и нѣтъ въ этихъ крикахъ о бюрократизмѣ[1]). И именно

[1]) Достаточно указать, что тов. Плехановъ перестал, въ глазахъ меньшинства, быть сторонникомъ „бюрократическаго централизма“ послѣ того, какъ онъ произвелъ благодѣтельную кооптацію.

такой способъ борьбы доказываетъ только лишній разъ интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотѣло убѣдить партію въ неудачномъ выборѣ центровъ. Убѣдить чѣмъ? Критикой той „Искры“, которую вели мы съ Плехановымъ? Нѣтъ, этого они не въ силахъ были дать. Они хотѣли убѣдить посредствомъ отказа части партіи работать подъ руководствомъ ненавистныхъ центровъ. Но ни одно центральное учрежденіе ни одной партіи въ мірѣ не въ состояніи будетъ доказать свою способность руководить тѣми, кто не хочетъ подчиняться руководству. Отказъ отъ подчиненія руководству центровъ равняется отказу быть въ партіи, равняется разрушенію партіи, это не мѣра убѣжденія, а мѣра *сокрушенія*. И именно эта замѣна убѣжденія сокрушеніемъ показываетъ отсутствіе принципіальной выдержанности, отсутствіе вѣры въ свои идеи.

Толкуютъ о бюрократизмѣ. Бюрократизмъ можно перевести на русскій языкъ словомъ: мѣстничество. Бюрократизмъ означаетъ подчиненіе интересовъ *дѣла* интересамъ *карьеры*, обращеніе сугубаго вниманія на *мѣстечки* и игнорированіе работы, свалку за *кооптацію* вмѣсто борьбы за *идеи*. Такой бюрократизмъ, дѣйствительно, безусловно нежелателенъ и вреденъ для партіи, и я спокойно предоставлю читателю судить, которая изъ двухъ борющихся теперь въ нашей партіи сторонъ повинна въ такомъ бюрократизмѣ... Говорятъ о грубо-механическихъ пріемахъ объединенія. Разумѣется, грубо-механическіе пріемы вредны, но я опять таки предоставлю судить читателю, можно ли представить себѣ болѣе грубый и болѣе механическій способъ борьбы новаго направленія со старымъ, какъ введеніе лицъ въ партійныя учрежденія, раньше чѣмъ партію убѣдили въ правильности новыхъ воззрѣній, раньше чѣмъ партіи изложили эти воззрѣнія?

Но, можетъ быть, излюбленныя меньшинствомъ словечки имѣютъ и нѣкоторое принципіальное значеніе, выражаютъ нѣкоторый особый кругъ идей, независимо отъ того мелкаго и частнаго повода, который послужилъ несомнѣнно исходнымъ пунктомъ „поворота“ въ данномъ случаѣ? Можетъ быть, если отвлечься отъ свалки изъ за „кооптаціи“, эти словечки окажутся все же отраженіемъ иной системы воззрѣній?

Разсмотримъ вопросъ съ этой стороны. Намъ придется при этомъ прежде всего отмѣтить, что первый сдѣлалъ приступъ къ такому разсмотрѣнію тов. Плехановъ въ Лигѣ, указавшій на поворотъ меньшинства къ *анархизму* и *оппортунизму*, и что именно тов. Мартовъ (очень обижающійся нынѣ, что не всѣ хотятъ признать его позицію принципіальной[1])

---

[1]) **Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ эта** *обида* **новой „Искры“ по поводу того, что Ленинъ, де, не хочетъ видѣть принципіальныхъ разногласій или от**

позиціей) предпочелъ *совершенно обойти* этотъ инцидентъ въ своемъ „Осад. пол.“

На съѣздѣ Лиги былъ поднятъ общій вопросъ о томъ, дѣйствителенъ ли уставъ, вырабатываемый для себя Лигой или комитетомъ, безъ утвержденія этого устава Ц. К.? вопреки утвержденію Ц. К.? Казалось бы, вопросъ яснѣе яснаго: уставъ есть формальное выраженіе организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестымъ нашего устава партіи именно Ц. К.: уставъ опредѣляетъ границы автономіи комитета, а рѣшающій голосъ въ опредѣленіи этихъ границъ имѣетъ центральное, а не мѣстное учрежденіе партіи. *Это — азбука*, и чистымъ ребячествомъ было глубокомысленное разсужденіе, что „организовать“ не всегда предполагаетъ „утвердить уставъ“ (какъ будто бы сама Лига не выразила самостоятельно своего желанія быть организованной именно на основаніи формальнаго устава). Но тов. Мартовъ позабылъ даже (на время, надо надѣяться) азбуку соціальдемократіи. По его мнѣнію, требованіе утвержденія устава выражаетъ лишь то, что „прежній революціонный искровскій централизмъ замѣщается бюрократическимъ“ (стр. 95 прот. Лиги), причемъ тов. Мартовъ въ той же рѣчи заявляетъ, что именно здѣсь онъ видитъ „принципіальную сторону“ дѣла (стр. 96), каковую принципіальную сторону онъ предпочелъ обойти въ своемъ „Осадномъ положеніи“!

Тов. Плехановъ отвѣчаетъ Мартову тотчасъ же, прося воздерживаться отъ такихъ „пароняющихъ достоинство съѣзда“, выраженій, какъ бюрократизмъ, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходитъ обмѣнъ замѣчаній съ тов. Мартовымъ, усматривающимъ въ этихъ выраженіяхъ „принципіальную характеристику извѣстнаго направленія“. Тов. Плехановъ, какъ и всѣ сторонники большинства, разсматривалъ *тогда* эти выраженія въ ихъ конкретномъ значеніи, ясно понимая ихъ не принципіальный, а исключительно „коопташонный“, если можно такъ выразиться, смыслъ. Онъ дѣлаетъ, однако, уступку настояніямъ Мартовыхъ и Дейчей (стр. 96-97) и переходитъ къ *принципіальному* разсмотрѣнію якобы принципі-

------

рицаетъ ихъ. Чѣмъ принципіальнѣе относились бы вы къ дѣлу, тѣмъ скорѣе разсмотрѣли бы вы мои повторныя указанія на поворотъ къ оппортунизму. Чѣмъ принципіальнѣе была бы ваша позиція, тѣмъ менѣе могли бы вы принижать идейную борьбу до мѣстническихъ счетовъ. Пеняйте на себя, если вы сами сдѣлали все, чтобы помѣшать разсматривать васъ, какъ принципіальныхъ людей. Вотъ, напр., тов. Мартовъ, говоря въ „Осад. пол.“ о съѣздѣ Лиги, замалчиваетъ споръ съ Плехановымъ объ анархизмѣ, но за то разсказываетъ о томъ, что Ленинъ — это сверхцентръ, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центръ распорядился, что Ц. К. въѣхалъ въ Лигу на бѣломъ конѣ и т. п. Я далекъ отъ сомнѣнія въ томъ, что именно этимъ выборомъ темы тов. Мартовъ доказалъ свою глубокую идейность и принципіальность,

альныхъ взглядовъ. „Если бы это было такъ, — говоритъ онъ (т. е., если бы комитеты были автономны въ созданіи своей организаціи, въ выработкѣ своего устава), то они были бы автономны по отношенію къ цѣлому, къ партіи. Это уже не бундистская точка зрѣнія, а прямо анархическая. Въ самомъ дѣлѣ, анархисты разсуждаютъ такъ: права индивидуумовъ неограничены; они могутъ придти въ столкновеніе: каждый индивидуумъ самъ опредѣляетъ предѣлы своихъ правъ. Предѣлы автономіи должны быть опредѣлены не самой группой, а тѣмъ цѣлымъ, частью котораго она является. Нагляднымъ примѣромъ нарушенія этого принципа можетъ служить Бундъ. Значитъ, предѣлы автономіи опредѣляетъ или съѣздъ, или та высшая инстанція, которую создалъ съѣздъ. Власть центральнаго учрежденія должна основываться на нравственномъ и умственномъ авторитетѣ. Съ этимъ я, конечно, согласенъ. Всякій представитель организаціи долженъ позаботиться, чтобы учрежденіе имѣло нравственный авторитетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что если нуженъ авторитетъ, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитетъ власти, это—анархическая фраза, которой не должно быть здѣсь мѣста“ (98). Эти положенія до-нельзя элементарны, это по-истинѣ аксіомы, которыя странно даже было ставить на голосованіе (стр. 102) и которыя подвергались сомнѣнію только потому, что „въ настоящее время понятія спутались“ (тамъ же). Но интеллигентскій индивидуализмъ неизбѣжно довелъ меньшинство до желанія сорвать съѣздъ, не подчиниться большинству; оправдать же это желаніе нельзя было иначе какъ *анархической фразой*. Прекурьезно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кромѣ *жалобы* на употребленіе чрезмѣрно сильныхъ выраженій вродѣ оппортунизма, анархизма и проч. Плехановъ справедливо высмѣялъ эти жалобы, спросивши, почему это „жоресизмъ и анархизмъ употреблять неудобно, а lèse-majesté (оскорбленіе величества) и помпадурство — удобно?“ Отвѣта на эти вопросы дано не было. Это оригинальное quid pro quo постоянно случается съ тт. Мартовымъ, Аксельродомъ и К°: ихъ новыя словечки носятъ на себѣ явный отпечатокъ „сердца“; указаніе на это ихъ обижаетъ — мы, де, принципіальные люди; но если вы *по принципу* отвергаете подчиненіе части цѣлому, то вы — анархисты, говорятъ имъ. Новая обида за сильное выраженіе! Другими словами: они хотятъ сражаться съ Плехановымъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не нападалъ на нихъ въ серьезъ!

Сколько разъ тов. Мартовъ и всякіе другіе „меньшевики“ занимались не менѣе дѣтскимъ изобличеніемъ меня въ слѣдующемъ „противорѣчіи“. Берется цитата изъ „Что дѣлать?“ или изъ „Письма къ товарищу“, гдѣ говорится объ идейномъ

воздѣйствіи, о борьбѣ за вліяніе и т. п., и противопоставляется „бюрократическое“ воздѣйствіе посредствомъ устава, „самодержавное“ стремленіе опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли, что *прежде* наша партія не была организованнымъ формально цѣлымъ, а лишь суммой частныхъ группъ и потому иныхъ отношеній между этими группами, кромѣ идейнаго воздѣйствія, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партіей, а это и означаетъ созданіе власти, превращеніе авторитета идей въ авторитетъ власти, подчиненіе партійнымъ высшимъ инстанціямъ со стороны низшихъ. Право, даже какъ-то неловко разжевывать старымъ своимъ товарищамъ такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что дѣло сводится просто къ нежеланію меньшинства подчиниться большинству насчетъ выборовъ! Но *принципіально* всѣ эти безконечныя изобличенія меня въ противорѣчіи сводятся *цѣликомъ* къ анархической фразѣ. Новая „Искра“ не прочь пользоваться титуломъ и правомъ партійнаго учрежденія, но подчиниться большинству партіи ей не хочется.

Если есть принципъ въ фразахъ о бюрократизмѣ, если это не анархическое отрицаніе обязанности со стороны части подчиняться цѣлому, то передъ нами — *принципъ оппортунизма*, стремящагося ослабить отвѣтственность отдѣльныхъ интеллигентовъ передъ партіей пролетаріата, ослабить вліяніе центральныхъ учрежденій, усилить автономію наименѣе выдержанныхъ партійныхъ элементовъ, свести организаціонныя отношенія къ чисто платоническому признанію ихъ на словахъ. Мы видѣли это на съѣздѣ партіи, гдѣ Акимовы и Либеры говорили точь въ точь такія же рѣчи о „чудовищномъ“ централизмѣ, какія полились на съѣздѣ Лиги изъ устъ Мартова и К°. Что оппортунизмъ не случайно, а по самой своей природѣ, и не въ Россіи только, а во всемъ свѣтѣ, приводитъ къ Мартовскимъ и Аксельродовскимъ организаціоннымъ „взглядамъ“, это мы увидимъ ниже, при разборѣ статьи тов. Аксельрода въ новой „Искрѣ“.

п) Маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію.

Отклоненіе Лигой резолюціи о необходимости утвержденія ея устава со стороны Ц. К. (стр. 105 протоколовъ Лиги) было, какъ все большинство партійнаго съѣзда тотчасъ и отмѣтило, „*вопіющимъ нарушеніемъ устава партіи*“. Такое нарушеніе, если его разсматривать какъ актъ людей принципіальныхъ, было чистѣйшимъ анархизмомъ, въ обстановкѣ же послѣсъѣздовской борьбы оно неминуемо производило впечатлѣніе „сведенія счетовъ“ партійнаго меньшинства съ партійнымъ большинствомъ (стр. 112 прот. Лиги), оно озна-

чало нежеланіе подчиняться партіи и быть въ партіи. Отказъ Лиги принять резолюцію по заявленію Ц. К. о необходимости измѣнить уставъ (стр. 124-5) неизбѣжно повелъ за собой признаніе *незаконнымъ* собранія, которое желало *числиться* собраніемъ партійной организаціи и въ то же время не подчиняться центральному учрежденію партіи. Сторонники партійнаго большинства и покинули немедленно это quasi-партійное собраніе, чтобы не участвовать въ недостойной комедіи.

Интеллигентскій индивидуализмъ, съ его платоническимъ признаніемъ организаціонныхъ отношеній, который обнаружился въ шатаніи мысли по вопросу о § 1 устава, дошелъ, такимъ образомъ, на практикѣ до своего логическаго, еще въ сентябрѣ, т. е. за $1^1/_2$ мѣсяца, предсказаннаго мною конца — до *разрушенія* партійной организаціи. И въ этотъ моментъ, вечеромъ того же дня, когда кончился съѣздъ Лиги, тов. Плехановъ заявилъ своимъ коллегамъ изъ обоихъ центральныхъ учрежденій партіи, что онъ не въ силахъ „стрѣлять по своимъ", что „лучше пулю въ лобъ, чѣмъ расколъ", что надо во избѣжаніе большаго зла сдѣлать максимальныя личныя уступки, изъ-за которыхъ въ сущности (несравненно больше, чѣмъ изъ-за принциповъ, проглянувшихъ въ невѣрной позиціи по § 1) ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнѣе охарактеризовать этотъ поворотъ тов. Плеханова, получившій извѣстное общепартійное значеніе, я считаю болѣе цѣлесообразнымъ опереться не на частные разговоры и не на частныя письма (это прибѣжище на случай крайности), а на собственное изложеніе дѣла самимъ Плехановымъ передъ всей партіей, на его статью „Чего не дѣлать?" въ № 52 „Искры", писанную какъ разъ послѣ съѣзда Лиги, послѣ моего выхода изъ редакціи Ц. О. (1 ноября 1903 г.) и до кооптаціи мартовцевъ (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи „Чего не дѣлать?" состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ быть въ политикѣ прямолинейнымъ, неумѣстно рѣзкимъ и неумѣстно неуступчивымъ, что иногда необходимо, во избѣжаніе раскола, уступить и ревизіонистамъ (изъ сближающихся съ нами или изъ непослѣдовательныхъ) и анархическимъ индивидуалистамъ. Совершенно естественно, что эти абстрактныя общія положенія вызвали всеобщее недоумѣніе читателей „Искры". Нельзя безъ смѣха читать великолѣпныя и гордыя заявленія тов. Плеханова (въ послѣдующихъ статьяхъ), что его не поняли вслѣдствіе новизны его мыслей, вслѣдствіе незнакомства съ діалектикой. На самомъ дѣлѣ, статью „Чего не дѣлать?", когда она была писана, могли понять только какіе-нибудь десять человѣкъ въ двухъ женевскихъ предмѣстьяхъ, названія которыхъ начинаются съ двухъ одинаковыхъ первыхъ буквъ. Бѣда тов. Плеханова состояла въ томъ, что онъ пустилъ въ обращеніе пе-

редъ десяткомъ тысячъ читателей сумму намековъ, попрековъ, алгебраическихъ знаковъ и загадокъ, которые были адресованы только къ этому десятку лицъ, участвовавшихъ во всѣхъ перипетіяхъ послѣсъѣздовской борьбы съ меньшинствомъ. Тов. Плехановъ впалъ въ эту бѣду, потому что нарушилъ основное положеніе столь неудачно помянутой имъ діалектики: отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неумѣстно было облекать въ отвлеченную форму весьма конкретную мысль объ уступкѣ мартовцамъ послѣ съѣзда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая какъ новое боевое словечко тов. Плехановымъ, законна и необходима въ двухъ случаяхъ: либо тогда, когда уступающій убѣдился въ правотѣ тѣхъ, кто добивается уступки (честные политическіе дѣятели въ этомъ случаѣ прямо и открыто признаютъ свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дѣла требованію дѣлается для избѣжанія большаго зла. Изъ разбираемой статьи совершенно ясно, что авторъ имѣетъ въ виду второй случай: онъ прямо говоритъ объ уступкѣ ревизіонистамъ и анархическимъ индивидуалистамъ (т. е. мартовцамъ, какъ знаютъ теперь всѣ члены партіи изъ протоколовъ Лиги), уступкѣ, обязательной во избѣжаніе раскола. Какъ видите, якобы новая мысль тов. Плеханова сводится цѣликомъ къ не очень новой житейской мудрости: маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чѣмъ большой партійный расколъ. Тов. Плехановъ ясно видѣлъ, когда писалъ эту статью, что меньшинство представляетъ изъ себя оппортунистическое крыло нашей партіи и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плехановъ выступилъ съ проектомъ — бороться съ этимъ меньшинствомъ путемъ личныхъ уступокъ, въ родѣ того (опять-таки si licet parva componere magnis), какъ нѣмецкая соціальдемократія боролась съ Бернштейномъ. Бебель публично на конгрессахъ своей партіи заявлялъ, что не знаетъ человѣка, болѣе поддающагося вліянію среды, чѣмъ товарищъ Бернштейнъ (не господинъ Бернштейнъ, какъ любилъ выражаться раньше товарищъ Плехановъ, а товарищъ Бернштейнъ): мы возьмемъ его въ свою среду, мы возьмемъ его въ делегаты рейхстага, мы будемъ бороться противъ ревизіонизма, не воюя съ неумѣстной рѣзкостью (à la Собакевичъ-Parvus) противъ ревизіониста, мы этого ревизіониста „убьемъ посредствомъ мягкости“ (kill with kindness), какъ охарактеризовалъ это, помнится, тов. М. Бэръ (M. Beer) на одномъ англійскомъ соціальдемократическомъ собраніи, защищая нѣмецкую уступчивость, миролюбіе, мягкость, гибкость и осмотрительность противъ нападокъ англійскаго Собакевича — Гайндмана. Вотъ точно также и тов. Плехановъ

пожелалъ „посредствомъ мягкости убить“ маленькій анархизмъ и маленькій оппортунизмъ тт. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду съ совершенно ясными намеками на „анархическихъ индивидуалистовъ“ тов. Плехановъ умышленно неясно выразился насчетъ ревизіонистовъ, выразился такъ, какъ будто онъ имѣлъ въ виду рабочедѣльцевъ, поворачивающихъ отъ оппортунизма къ ортодоксіи, а не Аксельрода съ Мартовымъ, начавшихъ поворачивать *отъ ортодоксіи къ ревизіонизму*, но это была невинная военная хитрость[1]), это было плохенькое фортификаціонное сооруженіе, неспособное устоять предъ артиллерійскимъ огнемъ партійной гласности.

И вотъ, кто ознакомится съ конкретной конъюнктурой описываемаго политическаго момента, кто вникнетъ въ психологію тов. Плеханова, тотъ пойметъ, что я не могъ тогда поступить иначе, чѣмъ я поступилъ. Говорю это по адресу тѣхъ сторонниковъ большинства, которые упрекали меня за отдачу редакціи. Когда тов. Плехановъ повернулъ послѣ съѣзда Лиги и изъ сторонника большинства сдѣлался сторонникомъ примиренія во что бы то ни стало, то я обязанъ былъ истолковать этотъ поворотъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ. Можетъ быть, тов. Плехановъ хотѣлъ дать въ своей статьѣ программу добраго и честнаго мира? Всякая такая программа сводится къ искреннему признанію ошибокъ обѣими сторонами. Какую ошибку указывалъ тов. Плехановъ у большинства? — Неумѣстную, достойную Собакевича, рѣзкость къ ревизіонистамъ. Неизвѣстно, что имѣлъ при этомъ въ виду тов. Плехановъ: свою ли остроту насчетъ ословъ или крайне неосторожное, при Аксельродѣ, упоминаніе объ анархизмѣ и оппортунизмѣ; тов. Плехановъ предпочелъ выразиться „отвлеченно“ и притомъ съ киваніемъ на Петра. Это дѣло вкуса, конечно. Но вѣдь я признавался въ своей личной рѣзкости открыто и въ письмѣ къ искряку, и на съѣздѣ Лиги; какъ же могъ я не признать такой „ошибки“ у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеха-

---

[1]) Объ уступкахъ по отношенію къ тт. Мартынову, Акимову и Брукеру не было и рѣчи послѣ съѣзда партіи. Я не слыхалъ, чтобы они тоже требовали „кооптаціи“. Я сомнѣваюсь даже, совѣтовался ли тов. Старовѣръ или тов. Мартовъ съ тов. Брукэръ, когда они писали намъ свои бумаги и „ноты“ отъ имени „половины партіи“... На съѣздѣ Лиги тов. Мартовъ съ глубокимъ возмущеніемъ непреклоннаго политическаго борца отвергалъ самую мысль о „соединеніи съ Рязановымъ или Мартыновымъ“, о возможности „сдѣлки“ съ ними или хотя бы даже совмѣстной (въ качествѣ редактора) „службы партіи“ (стр. 53 прот. Лиги). „Мартыновскія тенденціи“ тов. Мартовъ сурово осуждалъ на съѣздѣ Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодоксъ тонко намекнулъ на то, что, пожалуй, Аксельродъ съ Мартовымъ „признаютъ право и за тт. Акимовымъ, Мартыновымъ и другими собраться, выработать для себя уставъ и дѣйствовать по нему, какъ имъ нравится“ (стр. 99), то мартовцы стали отрекаться, какъ Петръ отъ Христа (стр. 100: „опасенія тов. Ортодокса“ „относительно Акимовыхъ, Мартыновыхъ и т. д.“ „не имѣютъ основанія“).

новъ ясно указывалъ ихъ ошибку: ревизіонизмъ (ср. его замѣчаніе объ оппортунизмѣ на съѣздѣ партіи и о жоресизмѣ на съѣздѣ Лиги) и анархизмъ, доведшій до раскола. Могъ ли я препятствовать попыткѣ путемъ личныхъ уступокъ и всяческой вообще „kindness" (любезности, мягкости и т. д.) добиться признанія этихъ ошибокъ и парализованія вреда отъ нихъ? Могъ ли я препятствовать такой попыткѣ, когда тов. Плехановъ прямо убѣждалъ въ статьѣ „Чего не дѣлать?" „*щадить противниковъ*" изъ числа ревизіонистовъ, являющихся ревизіонистами „только вслѣдствіе нѣкоторой непослѣдовательности"? И если я не вѣрилъ въ эту попытку, то могъ ли я поступить иначе, какъ сдѣлать личную уступку насчетъ Ц. О. и перебраться, для защиты позиціи большинства, въ Ц. К.?[1]) Отрицать абсолютно возможность такихъ попытокъ и брать на одного себя отвѣтственность за грозящій расколъ я не могъ уже потому, что самъ склоненъ былъ, въ письмѣ отъ 6 октября, объяснять свалку „личнымъ раздраженіемъ". А защищать позицію большинства я считалъ и считаю своимъ политическимъ долгомъ. Положиться въ этомъ отношеніи на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: „руководитель пролетаріата не вправѣ поддаваться своимъ воинственнымъ наклонностямъ, когда они противорѣчатъ политическому разсчету" тов. Плехановъ готовъ былъ діалектически толковать въ томъ смыслѣ, что если уже надо стрѣлять, то разсчетливѣе (по состоянію женевской погоды въ ноябрѣ) стрѣлять въ большинство... Защищать позицію большинства было необходимо, потому что тов. Плехановъ, — въ насмѣшку надъ діалектикой, которая требуетъ конкретнаго и всесторонняго разсмотрѣнія, — касаясь вопроса о доброй (?) волѣ революціонера, скромно обошелъ вопросъ о *довѣріи къ революціонеру*, о вѣрѣ въ такого „руководителя пролетаріата", который руководилъ опредѣленнымъ крыломъ партіи. Говоря объ анархическомъ инди-

---

[1]) Тов. Мартовъ очень мѣтко выразился на этотъ счетъ, сказавши, что я перебрался avec armes et bagages. Тов. Мартовъ охотно употребляетъ военныя сравненія: походъ на Лигу, сраженіе, неизлѣчимыя раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость къ военнымъ сравненіямъ, особенно въ настоящее время, когда съ такимъ захватывающимъ интересомъ слѣдишь за вѣстями съ Тихаго Океана. Но, вѣдь, если говорить по военному, тов. Мартовъ, то дѣло вотъ какъ было. Мы завоевали два форта на съѣздѣ партіи. Вы аттаковали ихъ на съѣздѣ Лиги. Послѣ первой же легкой перестрѣлки мой коллега, комендантъ одной крѣпости, открываетъ ворота непріятелю. Я, разумѣется, собираю свою маленькую артиллерію и ухожу въ другой, почти неукрѣпленный фортъ — „отсиживаться" отъ подавляющаго своей численностью непріятеля. Я даже предлагаю миръ: гдѣ же воевать съ двумя державами? Но новые союзники, въ отвѣтъ на предложеніе мира, бомбардируютъ мой „остатній" фортъ. Я отстрѣливаюсь. Тогда мой бывшій коллега — комендантъ — съ великолѣпнымъ негодованіемъ восклицаетъ: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлэна недостатокъ миролюбія!

видуализмѣ и совѣтуя „временами“ закрывать глаза на нарушеніе дисциплины, „иногда“ уступать интеллигентской распущенности, которая „коренится въ чувствѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ преданностью революціонной идеѣ“, тов. Плехановъ, видимо, забывалъ, что надо считаться также и съ доброй волей большинства партіи, что надо предоставить опредѣленіе *мѣры* уступокъ анархическимъ индивидуалистамъ *именно практикамъ.* Насколько легка литературная борьба съ дѣтскимъ анархическимъ вздоромъ, настолько же трудна практическая работа съ анархическимъ индивидуалистомъ въ одной и той же организаціи. Литераторъ, который взялъ бы на себя опредѣленіе мѣры возможныхъ анархизму уступокъ на практикѣ, обнаружилъ бы этимъ только свое непомѣрное, по-истинѣ доктринерское, литераторское самомнѣніе. Тов. Плехановъ величественно замѣчалъ (для ради важности, какъ выражался Базаровъ), что въ случаѣ новаго раскола рабочіе перестанутъ понимать насъ, и въ то же время самъ полагалъ начало безконечному ряду такихъ статей въ новой „Искрѣ“, которыя въ своемъ настоящемъ, конкретномъ значеніи оставались неизбѣжно непонятными не только для рабочихъ, но и вообще для всего свѣта. Неудивительно, что членъ Ц. К., читавшій статью „Чего не дѣлать?“ въ корректурѣ, предупреждалъ тов. Плеханова, что его планъ нѣкотораго сокращенія нѣкоторой публикаціи (протоколовъ съѣзда партіи и съѣзда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигаетъ любопытство, выноситъ что-то пикантное и въ то же время совершенно неясное на судъ улицы,[1]) вызываетъ неизбѣжно недоумѣвающіе вопросы: „что случилось?“ Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вслѣдствіе абстрактности его разсужденій и неясности его намековъ, вызвала ликованіе въ рядахъ враговъ соціальдемократіи: и канканъ на страницахъ „Рев. Россіи“ и восторженныя похвалы послѣдовательныхъ ревизіонистовъ „Освобожденія“. Источникъ всѣхъ этихъ забавныхъ и грустныхъ недоразумѣній, изъ которыхъ такъ забавно и такъ грустно выпутывался потомъ тов. Плехановъ, лежалъ именно въ нарушеніи основного положенія діалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей ихъ конкретности. Въ частности, во-

[1]) Мы спорили горячо и страстно въ нѣкоторомъ закрытомъ помѣщеніи. Вдругъ одинъ изъ насъ вскакиваетъ, распахиваетъ окно на улицу и начинаетъ кричать противъ собакевичей, анархическихъ индивидуалистовъ, ревизіонистовъ и пр. Естественно, что на улицѣ собралась толпа любопытныхъ зѣвакъ и что враги наши принялись злорадствовать. Другіе участники спора тоже подходятъ къ окну, выражая желаніе разсказать дѣло толково съ самаго начала и безъ намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто. Тогда окно захлопывается: не стоитъ, де, говорить о *дрязгахъ* („Искра“, № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стоило *начинать въ „Искрѣ“* разговора о „дрязгахъ“, тов. Плехановъ, вотъ это будетъ правда!

сторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дѣла до тѣхъ „хорошихъ“ цѣлей (kill with kindness), которыя преслѣдовалъ (но могъ и не достигнуть) тов. Плехановъ: г. Струве привѣтствовалъ и не могъ не привѣтствовать тотъ *поворотъ въ сторону оппортунистическаго крыла нашей партіи*, который начался въ новой „Искрѣ“, какъ видятъ теперь всѣ и каждый. Не одни только русскіе буржуазные демократы привѣтствуютъ каждый, хотя бы самый мелкій и временный, поворотъ къ оппортунизму во всѣхъ соціальдемократическихъ партіяхъ. Въ оцѣнкѣ умнаго врага рѣже всего бываетъ сплошное недоразумѣніе: скажи мнѣ, кто тебя хвалитъ, и я тебѣ скажу, въ чемъ ты ошибся. И напрасно разсчитываетъ тов. Плехановъ на невнимательнаго читателя, думая представить дѣло такъ, что большинство безусловно возставало противъ личной уступки насчетъ кооптаціи, а не противъ перехода съ лѣваго крыла партіи на правое. Вовсе не въ томъ суть, что тов. Плехановъ, во избѣжаніе раскола, сдѣлалъ личную уступку (это весьма похвально), а въ томъ, что, вполнѣ признавши необходимость *спорить* съ непослѣдовательными ревизіонистами и анархическими индивидуалистами, онъ предпочелъ спорить съ большинствомъ, съ которымъ онъ разошелся *изъ за мѣры* возможныхъ практическихъ уступокъ анархизму. Вовсе не въ томъ суть, что товарищъ Плехановъ измѣнилъ личный составъ редакціи, а въ томъ, что онъ измѣнилъ своей позиціи спора съ ревизіонизмомъ и анархизмомъ, перестатъ отстаивать эту позицію въ Ц. О. Партіи.

Что касается до Ц. К., который *тогда* выступалъ въ качествѣ единственнаго организованнаго представителя большинства, то съ нимъ (Ц. К.) тов. Плехановъ разошелся тогда *исключительно изъ-за мѣры возможныхъ практическихъ уступокъ анархизму*. Прошелъ почти мѣсяцъ съ 1 ноября, когда я своимъ уходомъ развязалъ руки политикѣ kill with kindness. Тов. Плехановъ имѣлъ полнѣйшую возможность путемъ всяческихъ сношеній провѣрить пригодность этой политики. Тов. Плехановъ выпустилъ въ это время въ свѣтъ статью „Чего не дѣлать?“, которая была — *и остается* — единственнымъ, такъ сказать, входнымъ билетомъ мартовцевъ въ редакцію. Лозунги: ревизіонизмъ (съ которымъ слѣдуетъ спорить, щадя противника) и анархическій индивидуализмъ (который надо обхаживать, убивая посредствомъ мягкости) напечатаны на этомъ билетѣ внушительнымъ курсивомъ. Пожалуйте, господа, милости просимъ, я васъ убью посредствомъ мягкости, — вотъ что говоритъ тов. Плехановъ этимъ пригласительнымъ билетомъ своимъ новымъ коллегамъ по редакціи. Естественно, что Ц. К. оставалось только сказать свое послѣднее слово (ультиматумъ, это и значитъ: послѣднее слово о возможномъ мирѣ) о мѣрѣ допустимыхъ, съ его

точки зрѣнія, практическихъ уступокъ анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вотъ вамъ такое-то количество мѣстечекъ, доказывающихъ нашу мягкость, миролюбіе, уступчивость etc. (больше не можемъ дать, гарантируя миръ въ партіи, миръ не въ смыслѣ отсутствія споровъ, а въ смыслѣ неразрушенія партіи анархическимъ индивидуализмомъ), берите эти мѣстечки и поворачивайте помаленьку опять отъ Акимова къ Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развивать свою точку зрѣнія, повернуть окончательно (хотя бы въ области организаціонныхъ только вопросовъ) къ Акимову, убѣдить партію въ правотѣ вашей противъ Плеханова, — тогда берите себѣ литературную группу, получайте представительство на съѣздѣ и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себѣ большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная передъ мартовцами въ ультиматумѣ Центральнаго Комитета отъ 25 ноября 1903 г. (см. „Ос. пол.“ и „Коментаріи къ протоколамъ Лиги“[1]), находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ моимъ и Плеханова письмомъ отъ 6 октября 1903 г. къ бывшимъ редакторамъ: либо личное раздраженіе (и тогда можно, *на худой конецъ*, и „кооптировать“), либо принципіальное расхожденіе (и тогда надо *сначала* убѣдить партію, а потомъ уже заговаривать о передѣлкѣ личнаго состава центровъ). Предоставить рѣшеніе этой деликатной дилеммы самимъ мартовцамъ Ц. К. могъ тѣмъ болѣе, что *именно въ то время* тов. Мартовъ писалъ въ своемъ profession de foi („Еще разъ въ меньшинствѣ“) слѣдующія строки:

„*Меньшинство претендуетъ на одну честь* — дать первый въ исторіи нашей партіи примѣръ того, что можно, оказав-

---

[1]) Я, разумѣется, оставляю безъ разбора тотъ клубокъ, который напуталъ Мартовъ въ „Ос. пол.“ около этого ультиматума Ц. К., ссылаясь на частные разговоры etc. Это — характеризованный мною въ предыдущемъ § „второй пріемъ борьбы“, разбирать каковой съ надеждой на успѣхъ могъ бы только спеціалистъ по невропатологіи. Достаточно сказать, что тов. Мартовъ настаиваетъ тамъ на соглашеніи съ Ц. К. о неопубликованіи переговоровъ, какового соглашенія, несмотря на всѣ розыски, до сихъ поръ не отыскано. Тов. Травинскій, ведшій переговоры отъ имени Ц. К., письменно сообщилъ мнѣ, что считаетъ меня вправѣ печатать внѣ „Искры“ мое письмо въ редакцію.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мнѣ понравилось. Это словечко — „бонапартизмъ худшаго сорта“. Я нахожу, что тов. Мартовъ выдвинулъ эту категорію весьма кстати. Давайте, посмотримъ хладнокровно, что означаетъ это понятіе. По моему, оно означаетъ пріобрѣтеніе власти путемъ *формально* законнымъ, но *по существу дѣла* вопреки волѣ народа (или партіи). Не такъ ли, тов. Мартовъ? А если такъ, то я спокойно предоставляю публикѣ судить, съ чьей стороны былъ этотъ „бонапартизмъ худшаго сорта“, со стороны ли Ленина и Игрека, которые могли воспользоваться своимъ *формальнымъ* правомъ не пускать мартовцевъ, опираясь притомъ на волю II съѣзда, но *не воспользовались* этимъ правомъ; — или же со стороны тѣхъ, кто *формально правильно* занялъ редакцію („единогласная кооптація“), зная, что это *по существу не отвѣчаетъ волѣ II съѣзда* и боясь провѣрки этой воли III съѣздомъ?

шись „побѣжденными“, *не образовать новой партіи.* Такая позиція меньшинства вытекаетъ изъ всѣхъ его взглядовъ на организаціонное развитіе партіи, она вытекаетъ изъ сознанія своей крѣпкой связи съ предыдущей партійной работой. Меньшинство не вѣритъ въ мистическую силу „бумажныхъ революцій“ и видитъ въ *глубокой жизненной обоснованности* своихъ стремленій залогъ того, что *чисто идейной пропагандой внутри партіи оно добьется торжества своихъ организаціонныхъ принциповъ*“. (Курс. мой).

Какія это прекрасныя, гордыя слова! И какъ горько было убѣдиться на опытѣ, что это — *только слова*.... Вы уже меня извините, товарищъ Мартовъ, а теперь *я заявляю претензію отъ имени большинства* на эту „честь“, которой *вы не заслужили.* Честь эта будетъ дѣйствительно большая, изъ за которой стоитъ повоевать, потому что традиціи кружковщины оставили намъ въ наслѣдіе необыкновенно легкіе расколы и необыкновенно усердное примѣненіе правила: либо въ зубы, либо ручку пожалуйте.

Большое удовольствіе (имѣть единую партію) должно было перевѣсить и перевѣсило маленькія непріятности (въ видѣ дрязгъ изъ за кооптаціи). Я ушелъ изъ Ц. О., товарищъ Игрекъ (делегированный мной и Плехановымъ въ Совѣтъ Партіи отъ редакціи Ц. О.) ушелъ изъ Совѣта. Мартовцы отвѣтили на послѣднее слово Ц. К. о мирѣ письмомъ (см. цитир. изданія), равносильнымъ объявленію войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо въ редакцію (№ 53 „Искры) о гласности. Если, дескать, говорить о ревизіонизмѣ, спорить о непослѣдовательности и объ анархическомъ индивидуализмѣ, о пораженіи разныхъ руководителей, то давайте, господа, разскажемъ все, безъ утайки, какъ дѣло было —вотъ содержаніе этого письма о гласности. Редакція отвѣчаетъ на него сердитой бранью и великолѣпнымъ назиданіемъ: не смѣй поднимать „*мелочи и дрязги кружковой жизни*“ (№ 53 „Искры“). Ахъ, вотъ какъ, думаю про себя: „мелочи и дрязги кружковой жизни“ ... es ist mir recht, господа, съ этимъ то я согласенъ. Вѣдь это значитъ, что возня съ „кооптаціей“ прямо относится вами къ *кружковымъ дрязгамъ.* Это правда. Но что же это за диссонансъ, если въ передовой статьѣ того же № 53, та же (будто бы та же) редакція поднимаетъ толки о бюрократизмѣ, формализмѣ и прочемъ [1]). Ты не смѣешь поднимать вопроса о борьбѣ за

[1]) Какъ оказалось впослѣдствіи, „диссонансъ“ объясняется весьма просто диссонансомъ въ составѣ редакціи Ц. О. О „дрязгахъ“ писалъ Плехановъ (см. его признаніе въ „Грустномъ недоразумѣніи“, № 56), а передовую „Нашъ съѣздъ“, Мартовъ („Осадное полож.“, стр. 84). Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

кооптацію въ Ц. О., ибо это дрязги. А мы будемъ поднимать вопросъ о кооптаціи въ Ц. К. и называть это не дрязгой, а принципіальнымъ расхожденіемъ о „формализмѣ“. — Нѣтъ уже, думаю, дорогіе товарищи, позвольте вамъ этого не позволить. Вы хотите стрѣлять по моему форту, а отъ меня требуете выдать вамъ артиллерію. Шутники! И я пишу и печатаю отдѣльно отъ „Искры“ „Письмо въ редакцію“ (почему я вышелъ изъ редакціи „Искры“?), разсказываю тамъ вкратцѣ, какъ дѣло было, и освѣдомляюсь паки и паки, возможенъ ли миръ на основаніи такого распредѣленія: вамъ Центральный Оргаäъ, намъ Центральный Комитетъ. Ни одна сторона не будетъ себя чувствовать „чужой“ въ своей партіи, и мы поспоримъ насчетъ поворота къ оппортунизму, поспоримъ сначала въ литературѣ, а потомъ, можетъ быть, и на третьемъ съѣздѣ партіи.

Въ отвѣтъ на упоминаніе о мирѣ послѣдовало открытіе огня изъ всѣхъ непріятельскихъ баттарей, вплоть до Совѣта включительно. Заряды посыпались градомъ. Самодержецъ, Швейцеръ, бюрократъ, формалистъ, сверхъ-центръ, односторонній, прямолинейный, упрямый, узкій, подозрительный, неуживчивый ... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У васъ больше ничего нѣтъ въ запасѣ? Плохи же ваши заряды ...

Теперь слово за мною. Посмотримъ на *содержаніе* новыхъ организаціонныхъ взглядовъ новой „Искры“ и на отношеніе этихъ взглядовъ къ тому дѣленію нашей партіи на „большинство“ и „меньшинство“, истинный характеръ котораго мы показали анализомъ преній и голосованій второго съѣзда.

р) Новая „Искра“. Оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.

За основу разбора принципіальной позиціи новой „Искры“ слѣдуетъ взять, несомнѣнно, два фельетона т. Аксельрода. Конкретное значеніе цѣлаго ряда излюбленныхъ имъ словечекъ мы уже показали подробно выше, и должны постараться теперь отвлечься отъ этого конкретнаго значенія, вникнуть въ тотъ ходъ мысли, который заставилъ „меньшинство“ (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) придти именно къ этимъ, а не къ другимъ какимъ-либо лозунгамъ, разсмотрѣть принципіальное значеніе этихъ лозунговъ независимо отъ ихъ происхожденія, независимо отъ „кооптаціи“. Мы живемъ теперь подъ знакомъ уступчивости: сдѣлаемъ же уступку товарищу Аксельроду и „возьмемъ въ серьезъ“ его теорію.

Основной тезисъ тов. Аксельрода (№ 57 „Искры“) тотъ, что „наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ“. Именно: „принципіально, пролетарская цѣль движенія (въ Россіи) та же, что и у западной соціальдемократіи“. Но у насъ воздѣйствіе на рабочія массы исходитъ „со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента“ — радикальной интеллигенціи. Итакъ, т. Аксельродъ констатируетъ антагонизмъ между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденціями въ нашей партіи.

Въ этомъ тов. Аксельродъ безусловно правъ. Наличность этого антагонизма (и не въ одной только русской соціальдем. партіи) не подлежитъ сомнѣнію. Мало того. Всѣмъ и каждому извѣстно, что именно этотъ антагонизмъ въ значительной степени и объясняетъ то дѣленіе современной соціальдемократіи на революціонную (ортодоксальную тожъ) и оппортунистическую (ревизіонистскую, министеріалистскую, реформистскую), которое вполнѣ обнаружилось и въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ нашего движенія. Всѣмъ извѣстно также, что именно пролетарскія тенденціи движенія выражаетъ ортодоксальная, а демократически-интеллигентскія — оппортунистическая соціальдемократія.

Но тов. Аксельродъ, подойдя вплотную къ этому общеизвѣстному факту, начинаетъ боязливо пятиться. Онъ не дѣлаетъ *ни малѣйшей попытки* проанализировать, какъ проявилось указанное дѣленіе въ исторіи русской соціальдемократіи вообще и на нашемъ партійномъ съѣздѣ въ частности, — хотя пишетъ т. Аксельродъ именно по поводу съѣзда! Какъ и вся редакція новой „Искры“, тов. Аксельродъ проявляетъ *смертельную боязнь* передъ протоколами этого съѣзда. Это не должно насъ удивлять, послѣ всего изложеннаго выше, но со стороны „теоретика“, изслѣдующаго якобы разныя тенденціи въ нашемъ движеніи, это является оригинальнымъ случаемъ *правдобоязни*. Отодвинувъ отъ себя, въ силу этого своего свойства, самый новый и самый точный матеріалъ о тенденціяхъ нашего движенія, тов. Аксельродъ ищетъ спасенія въ области пріятныхъ мечтаній. „Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ“ — говоритъ онъ. „Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя изъ школы ортодоксальнаго, революціоннаго марксизма?“ По поводу этого, пріятнаго для тов. Аксельрода, мечтанія мы можемъ только сказать, что если исторіи случается проказничать, то это не оправдываетъ *проказъ мысли* у того, кто берется за анализъ этой исторіи. Когда изъ вождя полумарксизма проглядывалъ либералъ, то люди, желавшіе *(и умѣвшіе)* прослѣдить его „тенденціи“, ссылались не на возможныя

проказы исторіи, а на десятки и сотни образчиковъ психологіи и логики этого вождя, на тѣ особенности всей его литературной физіономіи, которыя выдавали отраженіе марксизма въ буржуазной литературѣ. Если же тов. Аксельродъ, взявшійся проанализировать „общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи", не сумѣлъ *ничѣмъ, ну ровнехонько-таки ничѣмъ* доказать и показать у такихъ-то и такихъ-то представителей ненавистнаго ему ортодоксальнаго крыла партіи извѣстныя тенденціи, то онъ этимъ выдалъ лишь себѣ *торжественное свидѣтельство о бѣдности.* Должно быть, уже совсѣмъ плохи дѣла тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможныя проказы исторіи!

Другая ссылка т. Аксельрода — на „якобинцевъ" — еще болѣе поучительна. Тов. Аксельроду не безъизвѣстно, вѣроятно, что дѣленіе современной соціальдемократіи на революціонную и оппортунистическую давно уже, и не въ одной только Россіи, подало поводъ къ „историческимъ аналогіямъ эпохи великой французской революціи". Тов. Аксельроду не безъизвѣстно, вѣроятно, что *жирондисты современной соціальдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство", „бланкизмъ" и т. п. для характеристики своихъ противниковъ. Не будемъ же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотримъ на протоколы нашего съѣзда: нѣтъ ли въ нихъ матеріала для анализа и провѣрки разсматриваемыхъ нами тенденцій и разбираемыхъ нами аналогій.

Первый примѣръ. Споръ о программѣ на партійномъ съѣздѣ. Тов. Акимовъ („вполнѣ согласный" съ тов. Мартыновымъ) заявляетъ: „абзацъ о завоеваніи политической власти (о диктатурѣ пролетаріата) получилъ, по сравненію со всѣми другими соціальдемократическими программами, такую редакцію, что можетъ быть истолкованъ и дѣйствительно толковался Плехановымъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ роль руководителей организаціи должна будетъ отодвинуть назадъ руководимый ею классъ и обособить первую отъ второго. И формулировка нашихъ политическихъ задачъ, поэтому, совершенно такая же, какъ у Народной Воли" (стр. 124 пр.). Тов. Акимову возражаютъ т. Плехановъ и другіе искровцы, упрекая его въ оппортунизмѣ. Не находитъ ли тов. Аксельродъ, что этотъ споръ показываетъ намъ (на дѣлѣ, а не въ воображаемыхъ проказахъ исторіи) антагонизмъ *современныхъ якобинцевъ* и современныхъ *жирондистовъ* соціальдемократіи? И не потому ли заговорилъ тов. Аксельродъ о якобинцахъ, что онъ оказался (въ силу сдѣланныхъ имъ ошибокъ) въ компаніи *жирондистовъ* соціальдемократіи?

Второй примѣръ. Тов. Посадовскій поднимаетъ вопросъ о „серьезномъ разногласіи" по „основному вопросу" объ „абсолютной цѣнности демократическихъ принциповъ" (стр. 169). Вмѣстѣ съ Плехановымъ онъ отрицаетъ ихъ абсолютную цѣн-

ность. Лидеры „центра“ или болота (Егоровъ) и анти-искровцевъ (Гольдблатъ) рѣшительно возстаютъ противъ этого, видя у Плеханова „подражаніе буржуазной тактикѣ“ (стр. 170) — *это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксіи съ буржуазной тенденціей*, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что у Аксельрода эта идея виситъ въ воздухѣ, а у Гольдблата связана съ опредѣленными дебатами. Мы спрашиваемъ еще разъ: не находитъ ли т. Аксельродъ, что и этотъ споръ показываетъ намъ *во-очію*, на нашемъ партійномъ съѣздѣ, антагонизмъ якобинцевъ и жирондистовъ современной соціальдемократіи? Не потому ли кричитъ тов. Аксельродъ противъ якобинцевъ, что онъ оказался въ компаніи жирондистовъ?

Третій примѣръ. Споры о § 1 устава. Кто отстаиваетъ „*пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи*“, кто подчеркиваетъ, что рабочій не боится организаціи, что пролетарій не сочувствуетъ анархіи, что онъ цѣнитъ стимулъ „организуйтесь!“, кто предостерегаетъ отъ буржуазной интеллигенціи, насквозь пропитанной оппортунизмомъ? *Якобинцы соціальдемократіи.* И кто протаскиваетъ въ партію радикальную интеллигенцію, кто заботится о профессорахъ, гимназистахъ, объ одиночкахъ, о радикальной молодежи? *Жирондистъ Аксельродъ вмѣстѣ съ жирондистомъ Либеромъ.*

Неискусно же защищается т. Аксельродъ отъ „ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ“, которое открыто распространялось на нашемъ партійномъ съѣздѣ противъ большинства „Группы Освобожденія Труда“! Онъ защищается такъ, что подтверждаетъ обвиненіе своимъ перепѣвомъ избитой бернштейніанской мелодіи о якобинствѣ, бланкизмѣ и проч.! Онъ кричитъ объ опасности радикальной интеллигенціи, чтобы заглушить свои собственныя рѣчи на партійномъ съѣздѣ, дышащія заботой объ этой интеллигенціи.

Ровно ничего, кромѣ *оппортунизма*, не выражаютъ эти „страшныя словечки“: якобинство и т. п. Якобинецъ, неразрывно связанный съ *организаціей* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы, это и есть *революціонный соціальдемократъ*. Жирондистъ, тоскующій о профессорахъ, гимназистахъ, боящійся диктатуры пролетаріата, вздыхающій объ абсолютной цѣнности демократическихъ требованій, это и есть *оппортунистъ*. Только оппортунисты и могутъ еще въ настоящее время видѣть опасность въ заговорщическихъ организаціяхъ, когда мысль о суженіи политической борьбы до заговора опровергнута тысячи разъ въ литературѣ, опровергнута и вытѣснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитаціи выяснена и разжевана до тошноты. Реальнымъ основаніемъ страха передъ заговорщичествомъ, бланкизмомъ является не та или иная обнаружившаяся черта практическаго движенія (какъ давно и тщетно старается показать Бернштейнъ и К°), а жирондистская робость буржу-

азнаго интеллигента, психологія котораго такъ часто прорывается среди современныхъ соціальдемократовъ. Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ эти потуги новой „Искры" сказать *новое слово* (сказанное въ свое время сотни разъ) въ видѣ предостереженія отъ тактики французскихъ революціонеровъ — заговорщиковъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ (№ 62, передовая). Въ ближайшемъ номерѣ „Искры" жирондисты современной соціальдемократіи укажутъ намъ, вѣроятно, такую группу французскихъ заговорщиковъ сороковыхъ годовъ, для которой значеніе политической агитаціи въ рабочихъ массахъ, значеніе рабочихъ газетъ, какъ основы воздѣйствія на классъ со стороны партіи, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремленіе новой „Искры" подъ видомъ новыхъ словъ твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ оказались Аксельродъ и Мартовъ, попавшіе въ оппортунистическое крыло нашей партіи. Положеніе обязываетъ. Приходится повторять оппортунистическія фразы, приходится *пятиться назадъ*, чтобы въ *далекомъ прошломъ* попытаться найти хоть какое-нибудь оправданіе своей позиціи, незащитимой съ точки зрѣнія съѣздовской борьбы и сложившихся на съѣздѣ оттѣнковъ и дѣленій партіи. Къ акимовскому глубокомыслію насчетъ якобинства и бланкизма товарищъ Аксельродъ присоединяетъ акимовскія же сѣтованія насчетъ того, что не только „экономисты", но и „политики" были „односторонни", черезчуръ „увлекались" и пр., и пр. Читая выспреннія разсужденія на эту тему въ новой „Искрѣ", чванливо претендующей на то, что она стоитъ выше всѣхъ этихъ односторонностей и увлеченій, съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: съ кого они портреты пишутъ? гдѣ разговоры эти слышатъ? Да кто же не знаетъ, что дѣленіе русскихъ соціальдемократовъ на экономистовъ и политиковъ ужъ давно отжило свой вѣкъ? Пересмотрите „Искру" за послѣдній годъ-два передъ съѣздомъ партіи, и вы увидите, что борьба съ „экономизмомъ" стихаетъ и прекращается совершенно еще въ 1902 году, вы увидите, что, напримѣръ, въ іюлѣ 1903 года (№ 43) о „временахъ экономизма" говорятъ, какъ объ „окончательно пережитыхъ", экономизмъ считаютъ „окончательно похороненнымъ", увлеченія политиковъ разсматриваютъ какъ очевидный атавизмъ. Съ какой же стати новая редакція „Искры" возвращается къ этому окончательно похороненному дѣленію? Неужели мы боролись на съѣздѣ съ Акимовыми за тѣ ошибки, которыя они дѣлали два года тому назадъ въ „Рабочемъ Дѣлѣ"? Если бы мы поступали такъ, то мы были бы круглыми идіотами. Но всякій знаетъ, что мы поступали не такъ, что мы боролись съ Акимовыми на съѣздѣ не за ихъ старыя, окончательно похороненныя

ошибки „Рабоч. Дѣла“, а за тѣ *новыя ошибки*, которыя они дѣлали въ своихъ разсужденіяхъ и въ своихъ голосованіяхъ на съѣздѣ. Не по ихъ позиціи въ „Рабочемъ Дѣлѣ“, а по ихъ позиціи на съѣздѣ судили мы о томъ, какія ошибки дѣйствительно пережиты и какія еще живутъ и вызываютъ необходимость споровъ. Ко времени съѣзда не существовало уже стараго дѣленія на экономистовъ и политиковъ, но продолжали еще существовать разнообразныя оппортунистическія тенденціи, которыя выразились въ преніяхъ и голосованіяхъ по ряду вопросовъ и которыя привели въ концѣ концовъ къ новому дѣленію партіи на „большинство“ и „меньшинство“. Вся суть въ томъ, что новая редакція „Искры“ стремится, въ силу легко понятныхъ причинъ, затушевать связь этого новаго дѣленія съ *современнымъ* оппортунизмомъ въ нашей партіи, и что она поэтому вынуждена пятиться назадъ отъ новаго дѣленія къ старому. Неумѣнье объяснить политическое происхожденіе новаго дѣленія (или желаніе, во имя уступчивости, набросить флеръ[1]) на это происхожденіе) заставляетъ пережевывать жвачку относительно давно отжитаго стараго дѣленія. Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ основѣ новаго дѣленія лежитъ расхожденіе по вопросамъ *организаціоннымъ*, начавшееся споромъ о принципахъ организаціи (§ 1 устава) и закончившееся „практикой“, достойной анархистовъ. Въ основѣ стараго дѣленія на экономистовъ и политиковъ лежало расхожденіе по вопросамъ, главнымъ образомъ, *тактическимъ*.

Это отступленіе отъ болѣе сложныхъ, дѣйствительно современныхъ и насущныхъ вопросовъ партійной жизни къ вопросамъ, давно рѣшеннымъ и выкапываемымъ искусственно, новая „Искра“ старается оправдать забавнымъ глубокомысліемъ, которое нельзя назвать иначе, какъ хвостизмомъ. Съ легкой руки тов. Аксельрода черезъ всѣ писанія новой „Искры“ красной нитью проходитъ та глубокая „мысль“, что содержаніе важнѣе формы, программа и тактика важнѣе организаціи, что „жизнеспособность организаціи прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе“, что централизмъ не есть „нѣчто са-

[1]) См. статью Плеханова объ „экономизмѣ“ въ № 54 „Искры“. Въ подзаголовокъ этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вмѣсто: „мысли вслухъ по поводу второго съѣзда партіи“ надо, очевидно, читать: „по поводу съѣзда *Лиги*“ или, пожалуй, „по поводу *кооптаціи*“. Насколько умѣстна, при извѣстныхъ условіяхъ, уступчивость насчетъ личныхъ претензій, настолько недопустимо (съ партійной, а не обывательской точки зрѣнія) смѣшеніе волнующихъ партію вопросовъ, подмѣнъ вопроса о новой ошибкѣ Мартова и Аксельрода, начавшихъ поворачивать отъ ортодоксіи къ оппортунизму, — вопросомъ о старой (никѣмъ, кромѣ новой „Искры“, не вспоминаемой теперь) ошибкѣ Мартыновыхъ и Акимовыхъ, готовыхъ, можетъ быть, нынѣ повернуть во многихъ вопросахъ программы и тактики отъ оппортунизма къ ортодоксіи.

модовлѣющее", не есть „талисманъ всеспасающій" и пр., и пр. Глубокія, великія истины! Програма, дѣйствительно, важнѣе тактики, тактика важнѣе организаціи. Азбука важнѣе этимологіи, этимологія важнѣе синтаксиса, — но что сказать о людяхъ, которые срѣзались на экзаменѣ по синтаксису и теперь важничаютъ и хвастаются тѣмъ, что они остались на второй годъ въ низшемъ классѣ? Тов. Аксельродъ разсуждалъ о принципіальныхъ вопросахъ организаціи, какъ оппортунистъ (§ 1), а дѣйствовалъ въ организаціи, какъ анархистъ (съѣздъ Лиги), — и теперь онъ углубляетъ соціальдемократію: зеленъ виноградъ! Собственно, что такое организація? вѣдь это лишь форма; что такое централизмъ? вѣдь это не талисманъ; что такое синтаксисъ? вѣдь это менѣе важно, чѣмъ этимологія, это лишь форма соединенія элементовъ этимологіи... „Не согласится ли съ нами тов. Александровъ, — побѣдоносно вопрошаетъ новая редакція „Искры", — если мы скажемъ, что выработкой партійной программы съѣздъ гораздо болѣе содѣйствовалъ централизаціи партійной работы, чѣмъ принятіемъ устава, сколь совершеннымъ ни казался бы этотъ послѣдній?" (№ 56, прил.). Надо надѣяться, что это классическое изреченіе получитъ не менѣе широкую и не менѣе прочную историческую извѣстность, чѣмъ знаменитая фраза тов. Кричевскаго о томъ, что соціальдемократія, подобно человѣчеству, всегда ставитъ себѣ осуществимыя задачи. Вѣдь это глубокомысліе новой „Искры" совершенно такого же пошиба. За что осмѣивали фразу т. Кричевскаго? За то, что онъ оправдывалъ ошибку извѣстной части соціальдемократовъ въ вопросахъ тактики, неумѣнье правильно поставить политическія задачи, — пошлостью, выдаваемой за философію. Точь въ точь такъ же и новая „Искра" оправдываетъ ошибку извѣстной части соціальдемократовъ въ вопросахъ организаціи, интеллигентскую неустойчивость извѣстныхъ товарищей, доведшую ихъ до анархической фразы, — пошлостью, что, де, програма важнѣе устава, что программные вопросы важнѣе организаціонныхъ! Ну, развѣ же это не хвостизмъ? Развѣ это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй годъ въ низшемъ классѣ?

Принятіе программы болѣе содѣйствуетъ централизаціи работы, чѣмъ принятіе устава. Какъ пахнетъ эта пошлость, выдаваемая за философію, духомъ радикальнаго интеллигента, гораздо болѣе близкаго къ буржуазному декадентству, чѣмъ къ соціальдемократизму! Вѣдь слово централизація въ этой знаменитой фразѣ понимается въ смыслѣ совсѣмъ уже *символическомъ*. Если авторы этой фразы не умѣютъ или не хотятъ думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мѣрѣ, тотъ простой фактъ, что принятіе программы вмѣстѣ съ бундовцами не только не привело къ

централизаціи нашей общей работы, а и не предохранило насъ отъ раскола. Единство въ вопросахъ программы и въ вопросахъ тактики есть необходимое, но еще недостаточное условіе партійнаго объединенія, централизаціи партійной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынѣшнимъ временамъ, когда всѣ понятія спутались, разжевывать!). Для этого послѣдняго необходимо еще единство организаціи, немыслимое, въ сколько-нибудь выросшей изъ рамокъ семейнаго кружка партіи, безъ оформленнаго устава, безъ подчиненія меньшинства большинству, безъ подчиненія части цѣлому. Пока у насъ не было единства въ основныхъ вопросахъ программы и тактики, мы прямо и говорили, что живемъ въ эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что прежде чѣмъ объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формахъ совмѣстной организаціи, а толковали исключительно о новыхъ (тогда дѣйствительно новыхъ) вопросахъ программной и тактической борьбы съ оппортунизмомъ. Теперь эта борьба, по общему нашему признанію, обезпечила уже достаточное единство, формулированное въ партійной программѣ и въ партійныхъ резолюціяхъ о тактикѣ; теперь намъ надо сдѣлать слѣдующій шагъ, и мы его, по общему нашему согласію, сдѣлали: выработали *формы* единой, сливающей всѣ кружки воедино, организаціи. Насъ оттащили теперь назадъ, разрушивъ на половину эти формы, оттащили къ анархическому поведенію, къ анархической фразѣ, къ возстановленію кружка вмѣсто партійной редакціи, и теперь оправдываютъ этотъ шагъ назадъ тѣмъ, что азбука болѣе содѣйствуетъ грамотной рѣчи, чѣмъ знаніе синтаксиса!

Философія хвостизма, процвѣтавшая три года тому назадъ въ вопросахъ тактики, воскресаетъ теперь въ примѣненіи къ вопросамъ организаціи. Возьмите такое разсужденіе новой редакціи. „Боевое соціальдемократическое направленіе — говоритъ тов. Александровъ — въ партіи должно проводиться не одной идейной борьбой, но и опредѣленными формами организаціи". Редакція поучаетъ насъ: „Недурно это сопоставленіе идейной борьбы и формъ организаціи. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только... формы" (ей-богу, такъ и напечатано въ № 56, приложеніе, стр. 4, столб. 1, внизу!), „долженствующія облекать текучее, развивающееся содержаніе, — развивающуюся практическую работу партіи". Это уже совершенно въ духѣ анекдота о томъ, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только формы, облекающія содержаніе! Вопросъ идетъ о томъ, будетъ ли наша идейная борьба облекаться формами *болѣе высокими*, формами обязательной для всѣхъ партійной организаціи, или формами стараго разброда и старой кружковщины.

Насъ оттащили назадъ отъ болѣе высокихъ формъ къ болѣе примитивнымъ формамъ и оправдываютъ это тѣмъ, что идейная борьба есть процессъ, а формы — это только формы. Точь въ точь также тов. Кричевскій во времена оны тащилъ насъ назадъ отъ тактики-плана къ тактикѣ-процессу.

Возьмите эти претенціозныя фразы новой „Искры" о „самовоспитаніи пролетаріата", противопоставляемыя тѣмъ, кто якобы изъ-за формы способенъ проглядѣть содержаніе (№ 58, передовая). Развѣ это не акимовщина номеръ второй? Акимовщина номеръ первый оправдывала отсталость нѣкоторой части соціальдемократической интеллигенціи въ постановкѣ тактическихъ задачъ ссылками на болѣе „глубокое" содержаніе „пролетарской борьбы", ссылками на самовоспитаніе пролетаріата. Акимовщина номеръ второй оправдываетъ отсталость нѣкоторой части соціальдемократической интеллигенціи въ вопросамъ теоріи и практики организаціи такими же глубокомысленными ссылками на то, что организація есть лишь форма, и что вся суть въ самовоспитаніи пролетаріата. Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа, пекущіеся о меньшемъ братѣ! Пролетаріатъ не станетъ печись о томъ, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающіе войти въ организацію, признавались членами партіи за работу подъ контролемъ организаціи. Пролетаріатъ воспитывается къ организаціи всей своей жизнью гораздо радикальнѣе, чѣмъ многіе интеллигентики. Пролетаріатъ, сколько-нибудь сознавшій нашу программу и нашу тактику, не станетъ оправдывать отсталость въ организаціи ссылками на то, что форма менѣе важна, чѣмъ содержаніе. Не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи не достаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины, въ духѣ вражды и презрѣнія къ анархической фразѣ. Акимовы номеръ второй такъ же клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности къ организаціи, какъ клеветали на него Акимовы номеръ первый по вопросу о неподготовленности къ политической борьбѣ. Пролетарій, ставшій сознательнымъ соціальдемократомъ и почувствовавшій себя членомъ партіи, съ такимъ же презрѣніемъ отвергнетъ хвостизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ, съ какимъ онъ отвергъ хвостизмъ въ вопросахъ тактики.

Возьмите, наконецъ, глубокомысліе „Практика" новой „Искры". „Настоящимъ образомъ понятая, идея „боевой" централистической организаціи, — говоритъ онъ — объединяющей и централизирующей *дѣятельность*" (углубляющій курсивъ) „революціонеровъ, естественно претворяется въ жизнь лишь при наличности этой дѣятельности" (и ново и умно); „сама организація, какъ форма" (слушайте, слушайте!), „можетъ выростать лишь *одновременно*" (курсивъ автора, какъ и вездѣ въ этой цитатѣ) „съ ростомъ революціонной работы,

составляющей ея содержаніе" (№ 57). Не напоминаетъ ли это паки и паки того героя народнаго эпоса, который при видѣ похоронной процессіи кричалъ: таскать вамъ не перетаскать? Навѣрное, въ нашей партіи не найдется ни одного практика (безъ кавычекъ), который бы не понималъ, что именно форма нашей дѣятельности (т. е. организація) давнымъ давно отстаетъ, и отчаянно отстаетъ, отъ содержанія, что крики по адресу отстающихъ людей: идите въ ногу! не опережайте! достойны однихъ только партійныхъ Иванушекъ. Попробуйте сравнить хотя бы, напримѣръ, нашу партію съ Бундомъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *содержаніе*[1]) работы нашей партіи неизмѣримо богаче, разностороннѣе, шире и глубже, чѣмъ у Бунда. Крупнѣе теоретическій размахъ, развитѣе программа, шире и глубже воздѣйствіе на рабочія массы (а не на однихъ только организованныхъ ремесленниковъ), разностороннѣе пропаганда и агитація, живѣе пульсъ политической работы у передовиковъ и рядовыхъ, величественнѣе *народныя* движенія при демонстраціяхъ и всеобщихъ стачкахъ, энергичнѣе дѣятельность среди непролетарскихъ слоевъ. А „форма"? „Форма" нашей работы отстала, по сравненію съ бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колетъ глаза, вызываетъ краску стыда у всякаго, кто не смотритъ на дѣла своей партіи „ковыряя въ носу". Отсталость организаціи работы по сравненію съ ея содержаніемъ — наше больное мѣсто, и она была больнымъ мѣстомъ еще задолго до съѣзда, задолго до образованія О. К. Неразвитость и непрочность формы не даетъ возможности сдѣлать дальнѣйшіе серьезные шаги въ развитіи содержанія, вызываетъ постыдный застой, ведетъ къ расхищенію силъ, къ несоотвѣтствію между словомъ и дѣломъ. Всѣ изстрадались отъ этого несоотвѣтствія, — а тутъ являются Аксельроды и „Практики" новой „Искры" съ глубокомысленной проповѣдью: форма должна естественно выростать, лишь одновременно съ содержаніемъ!

Вотъ куда приводитъ маленькая ошибка по организаціонному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздоръ и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ! — мы слышали этотъ мотивъ въ примѣненіи къ вопросамъ тактики: мы слышимъ его теперь въ примѣненіи къ вопросамъ организаціи. *Хвостизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ* представляетъ изъ себя

[1]) Я уже не говорю о томъ, что *содержаніе* нашей партійной работы намѣчено (въ программѣ и пр.) на съѣздѣ въ духѣ революціонной соціальдемократіи лишь *цѣной борьбы*, борьбы съ тѣми самыми анти-искровцами и тѣмъ самымъ болотомъ, представители котораго численно преобладаютъ въ нашемъ „меньшинствѣ". Интересно также, по вопросу о „содержаніи", сравнить, къ примѣру скажемъ, шесть номеровъ старой „Искры" (№№ 46—51) и двѣнадцать номеровъ новой „Искры" (№№ 52—63). Но это когда-нибудь въ другой разъ.

естественный и неизбѣжный продуктъ психологіи *анархическаго индивидуалиста*, когда этотъ послѣдній начинаетъ возводить въ *систему воззрѣній*, въ особыя *принципіальныя разногласія* свои (въ началѣ, можетъ быть, случайныя) анархическія уклоненія. На съѣздѣ Лиги мы видѣли начало этого анархизма, въ новой „Искрѣ" мы видимъ попытки возведенія его въ систему воззрѣній. Попытки эти замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ" новой „Искры", съ глубокомысліемъ котораго мы уже познакомились, изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ „какъ огромная фабрика" съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея (№ 57, прилож.). „Практикъ" и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово, сразу выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи. Именно фабрика, которая кажется иному однимъ только пугаломъ, и представляетъ изъ себя ту высшую форму капиталистической коопераціи, которая объединила, дисциплинировала пролетаріатъ, научила его организаціи, поставила его во главѣ всѣхъ остальныхъ слоевъ трудящагося и эксплуатируемаго населенія. Именно марксизмъ, какъ идеологія обученнаго капитализмомъ пролетаріата, училъ и учитъ неустойчивыхъ интеллигентовъ различію между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти) и ея организующей стороной (дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитаго техники производства). Дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ именно благодаря этой фабричной „школѣ". Смертельная боязнь передъ этой школой, полное непониманіе ея организующаго значенія характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія, порождающихъ тотъ видъ анархизма, который нѣмецкіе соціальдемократы называютъ Edelanarchismus, т. е. анархизмъ „благороднаго" господина, барскій анархизмъ, какъ я бы сказалъ. Русскому нигилисту этотъ барскій анархизмъ особенно свойственен. Партійная организація кажется ему чудовищной „фабрикой", подчиненіе части цѣлому и меньшинства большинству представляется ему „закрѣпощеніемъ" (см. фельетоны Аксельрода), раздѣленіе труда подъ руководствомъ центра вызываетъ съ его стороны трагикомическіе вопли противъ превращенія людей въ „колесики и винтики" (причемъ особенно убійственнымъ видомъ этого превращенія считается превращеніе редакторовъ въ сотрудниковъ), упомина-

ніе объ организаціонномъ уставѣ партіи вызываетъ презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу „формалистовъ") замѣчаніе, что можно бы и вовсе безъ устава.

Это невѣроятно, но это — фактъ: именно такое назидательное замѣчаніе дѣлаетъ мнѣ т. Мартовъ въ № 58 „Искры", ссылаясь, для вящшей убѣдительности, на мои же собственныя слова изъ „Письма къ товарищу". Ну развѣ это не „барскій анархизмъ", развѣ это не хвостизмъ, когда примѣрами изъ эпохи разброда, эпохи кружковъ *оправдываютъ* сохраненіе и прославленіе кружковщины и анархіи въ эпоху партійности?

Почему не нужны намъ были раньше уставы? Потому что партія состояла изъ отдѣльныхъ кружковъ, не связанныхъ вмѣстѣ никакой организаціонной связью. Переходъ изъ кружка въ кружокъ было дѣломъ одной только „доброй воли" того или другого индивидуума, не имѣвшаго передъ собой никакого оформленнаго выраженія воли цѣлаго. Спорные вопросы внутри кружковъ рѣшались не по уставу, „*а борьбой и угрозой уйти*": такъ выразился я въ „Письмѣ къ товарищу", основываясь на опытѣ ряда кружковъ вообще и, въ частности, нашей собственной редакціонной шестерки. Въ эпоху кружковъ такое явленіе было естественно и неизбѣжно, но никому не приходило въ голову восхвалять его, считать идеаломъ, всѣ жаловались на этотъ разбродъ, всѣ тяготились имъ и жаждали слiянія разрозненныхъ кружковъ въ оформленную партійную организацію. И теперь, когда это сліяніе состоялось, насъ тащатъ назадъ, насъ угощаютъ — подъ видомъ высшихъ организаціонныхъ взглядовъ — анархической фразой! Людямъ, привыкшимъ къ свободному халату и туфлямъ семейно-кружковой обломовщины, формальный уставъ кажется и узкимъ, и тѣснымъ, и обременительнымъ, и низменнымъ, и бюрократическимъ, и крѣпостническимъ, и стѣснительнымъ для свободнаго „процесса" идейной борьбы. Барскій анархизмъ не понимаетъ, что формальный уставъ необходимъ именно для замѣны узкихъ кружковыхъ связей широкой партійной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на пріятельствѣ или на безотчетномъ, немотивированномъ „довѣріи". Связь партійная не можетъ и не должна держаться ни на томъ, ни на другомъ, ее необходимо базировать именно на *формальномъ*, „бюрократически" (съ точки зрѣнія распущеннаго интеллигента) редижированномъ уставѣ, строгое соблюденіе котораго одно лишь гарантируетъ насъ отъ кружкового самодурства, отъ кружковыхъ капризовъ, отъ кружковыхъ пріемовъ свалки, называемой свободнымъ „процессомъ" идейной борьбы.

Редакція новой „Искры" козыряетъ противъ Александрова назидательнымъ указаніемъ на то, что „довѣріе — вещь

деликатная, которую никакъ нельзя вколотить въ сердца и головы“ (№ 56, прилож.). Редакція не понимаетъ, что именно это выдвиганіе категоріи довѣрія, *голаго* довѣрія, выдаетъ еще и еще разъ съ головой ея барскій анархизмъ и организаціонный хвостизмъ. Когда я былъ членомъ только кружка, редакціонной ли шестерки или организаціи „Искры“, я имѣлъ право сослаться въ оправданіе, скажемъ, своего нежеланія работать съ Иксомъ на одно лишь недовѣріе, безотчетное и немотивированное. Когда я сталъ членомъ партіи, я *не имѣю права* ссылаться только на неоформленное недовѣріе, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякаго самодурства старой кружковщины; я *обязанъ* мотивировать свое „довѣріе“ или „недовѣріе“ формальнымъ доводомъ, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положеніе нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязанъ не ограничиваться безотчетнымъ: „довѣряю“ или„ не довѣряю“, а признать *подотчетность* своихъ рѣшеній и всѣхъ вообще рѣшеній всякой части партіи передъ всей партіей; я обязанъ слѣдовать *формально предписанному* пути для выраженія своего „недовѣрія“, для проведенія тѣхъ взглядовъ и тѣхъ желаній, которыя вытекаютъ изъ этого недовѣрія. Мы поднялись уже отъ *кружковой* точки зрѣнія безотчетнаго „довѣрія“ до *партійной* точки зрѣнія, требующей соблюденія подотчетныхъ и формально предписанныхъ способовъ выраженія и *провѣрки* довѣрія, а редакція тащитъ насъ назадъ и называетъ свой хвостизмъ новыми организаціонными взглядами!

Посмотрите, какъ разсуждаетъ наша такъ называемая партійная редакція о литературныхъ группахъ, которыя могли бы потребовать себѣ представительства въ редакціи. „Мы не возмутимся, не начнемъ кричать о дисциплинѣ“ — поучаютъ насъ барскіе анархисты, которые всегда и вездѣ сверху внизъ смотрѣли на какую то тамъ дисциплину. Мы, де, либо „столкуемся“ (sic!) съ группой, буде она дѣльная, либо посмѣемся надъ ея требованіями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступаетъ здѣсь противъ вульгарно-„фабричнаго“ формализма! А на самомъ дѣлѣ — передъ нами подновленная фразеологія кружковщины, преподносимая партіи редакціей, которая чувствуетъ, что она представляетъ изъ себя не партійное учрежденіе, а обломокъ стараго кружка. Внутренняя фальшь этой позиціи неизбѣжно приводитъ къ *анархическому* глубокомыслію, возводящему въ *принципъ* соціальдемократической организаціи тотъ разбродъ, который на словахъ фарисейски объявляется уже пережитымъ. Не нужно никакой іерархіи низшихъ и высшихъ партійныхъ коллегій и инстанцій, — барскому анархизму такая іерархія кажется канцелярскимъ измышленіемъ вѣдомствъ, департаментовъ и прочее (см.

фельетонъ Аксельрода), — не нужно никакого подчиненія части цѣлому, не нужно никакого „формально-бюрократическаго“ опредѣленія *партійныхъ* способовъ „столковываться“ или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерствомъ объ „истинно-соціальдемократическихъ“ пріемахъ организаціи.

Вотъ гдѣ прошедшій школу „фабрики“ пролетарій можетъ и долженъ дать урокъ анархическому индивидуализму. Сознательный рабочій давно уже вышелъ изъ тѣхъ пеленокъ, когда онъ чурался интеллигента, какъ таковаго. Сознательный рабочій умѣетъ цѣнить тотъ более богатый запасъ знаній, тотъ более широкій политическій кругозоръ, который онъ находитъ у соціальдемократовъ-интеллигентовъ. Но по мѣрѣ того, какъ складывается у насъ *настоящая* партія, сознательный рабочій долженъ научиться отличать психологію воина пролетарской арміи отъ психологіи буржуазнаго интеллигента, щеголяющаго анархической фразой, долженъ научиться *требовать* исполненія обязанностей члена партіи не только отъ рядовыхъ, но и отъ „людей верха“, долженъ научиться встрѣчать такимъ же презрѣніемъ хвостизмъ въ вопросахъ организаціонныхъ, какимъ награждалъ онъ во времена оны хвостизмъ въ вопросахъ тактики!

Въ неразрывной связи съ жирондизмомъ и барскимъ анархизмомъ стоитъ послѣдняя характерная особенность позиціи новой „Искры“ въ организаціонныхъ вопросахъ: это— защита *автономизма* противъ централизма. Именно такой принципіальный смыслъ имѣютъ (если имѣютъ[1]) вопли о бюрократизмѣ и о самодержавіи, сожалѣнія о „незаслуженномъ невниманіи къ неискровцамъ“ (защищавшимъ автономизмъ на съѣздѣ), комичные крики о требованіи „безпрекословнаго повиновенія“, горькія жалобы на „помпадурство“ и проч. и т. д. и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партіи всегда отстаиваетъ и оправдываетъ всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организаціонную. Защита организаціонной отсталости (хвостизмъ) новой „Искры“ тѣсно связана съ защитой *автономизма*. Правда, автономизмъ настолько уже дискредитированъ, вообще говоря, трехлѣтней проповѣдью старой „Искры“, что открыто высказаться за него новой „Искрѣ“ *еще* стыдно: она еще увѣряетъ насъ въ своихъ симпатіяхъ къ централизму, но доказывается это только тѣмъ, что слово централизмъ пишется курсивомъ. На дѣлѣ самое легкое прикосновеніе критики къ „принципамъ“ „истинно-соціальдемократическаго“ (а не анархическаго?) quasi-централизма новой „Искры“ изобличаетъ на каждомъ шагу точку зрѣнія автономизма. Развѣ не ясно теперь всѣмъ и каждому, что

[1]) Я оставляю въ сторонѣ здѣсь, какъ и вообще въ этомъ параграфѣ, „кооптаціонный“ смыслъ этихъ воплей.

Аксельродъ и Мартовъ повернули въ организаціонныхъ вопросахъ къ Акимову? Развѣ не признали они этого торжественно сами въ знаменательныхъ словахъ о „незаслуженномъ невниманіи къ неискровцамъ?“ И развѣ не автономизмъ защищали на нашемъ партійномъ съѣздѣ Акимовъ и его друзья?

Именно автономизмъ (если не анархизмъ) защищали Мартовъ и Аксельродъ на съѣздѣ Лиги, когда они съ забавнымъ усердіемъ доказывали, что часть не должна подчиняться цѣлому, что часть автономна въ опредѣленіи своихъ отношеній къ цѣлому, что уставъ заграничной Лиги, формулирующій эти отношенія, дѣйствителенъ вопреки волѣ большинства партіи, вопреки волѣ партійнаго центра. Именно автономизмъ защищаетъ теперь тов. Мартовъ открыто и на страницахъ новой „Искры“ (№ 60) по вопросу о введеніи членовъ въ мѣстные комитеты Центральнымъ Комитетомъ. Я не буду говорить о тѣхъ дѣтскихъ софизмахъ, которыми защищалъ автономизмъ тов. Мартовъ на съѣздѣ Лиги и защищаетъ въ новой „Искрѣ“[1]), — мнѣ важно здѣсь отмѣтить несомнѣнную тенденцію *защищать автономизмъ противъ централизма*, какъ принципіальную черту, свойственную оппортунизму въ организаціонныхъ вопросахъ.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятія бюрократизма является противоположеніе въ новой „Искрѣ“ (№ 53) „формально-*демократическаго* начала“ (курс. автора) „формально-*бюрократическому*“. Это противоположеніе (къ сожалѣнію, столь же не развитое и не разъясненное, какъ и указаніе на неискровцевъ) содержитъ въ себѣ зерно истины. Бюрократизмъ versus[2]) демократизмъ, это и есть централизмъ versus автономизмъ, это и есть организаціонный принципъ революціонной соціальдемократіи по отношенію къ организаціонному принципу оппортунистовъ соціальдемократіи. Послѣдній стремится идти снизу вверхъ и потому отстаиваетъ вездѣ, гдѣ можно, и насколько можно, автономизмъ, „демократизмъ“, доходящій (у тѣхъ, кто усердствуетъ не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширеніе правъ и полномочій центра по отношенію къ части. Въ эпоху разброда и кружковщины этимъ верхомъ, отъ котораго стремилась организаціонно исходить революціонная соціальдемократія, былъ неизбѣжно одинъ изъ кружковъ, наиболѣе вліятельный въ силу своей дѣятельности и своей революціонной послѣдовательности (въ нашемъ случаѣ —

---

[1]) Перебирая разные §§ устава, тов. Мартовъ *опустилъ* именно тотъ §, который говоритъ объ отношеніи цѣлаго къ части. Ц. К. „распредѣляетъ силы партіи“ (§ 6). Можно ли распредѣлять силы безъ перевода работниковъ изъ комитета въ комитетъ? На этой азбукѣ, право, не ловко какъ-то останавливаться.

[2]) versus — по отношенію къ.

организація „Искры“). Въ эпоху возстановленія фактическаго единства партіи и распущенія въ этомъ единствѣ устарѣлыхъ кружковъ, такимъ верхомъ неизбѣжно является *партійный съѣздъ*, какъ верховный органъ партіи: съѣздъ соединяетъ по возможности всѣхъ представителей активныхъ организацій и, назначая центральныя учрежденія (нерѣдко въ такомъ составѣ, который болѣе удовлетворяетъ передовые, чѣмъ отсталые элементы партіи, болѣе нравится революціонному, чѣмъ оппортунистическому крылу ея), дѣлаетъ ихъ верхомъ впредь до слѣдующаго съѣзда. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, у европейцевъ соціальдемократіи, хотя мало-по-малу, не безъ труда, не безъ борьбы и не безъ дрязгъ, этотъ принципіально ненавистный анархистамъ обычай начинаетъ распространяться и на азіатовъ соціальдемократіи.

Въ высшей степени интересно отмѣтить, что указанныя мной принципіальныя черты оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ (автономизмъ, барскій или интеллигентскій анархизмъ, хвостизмъ и жирондизмъ) наблюдаются mutatis mutandis (съ соотвѣтствующими измѣненіями) во всѣхъ соціальдемократическихъ партіяхъ всего міра, гдѣ только есть дѣленіе на революціонное и оппортунистическое крыло (а гдѣ его нѣтъ?). Особенно рельефно выступило это на свѣтъ божій именно въ самое послѣднее время въ германской соціальдемократической партіи, когда пораженіе на выборахъ въ 20-омъ саксонскомъ избирательномъ округѣ (такъ назыв. инцидентъ Герэ[1]) поставило на очередь дня *принципы* партійной организаціи. Возбужденію принципіальнаго вопроса по поводу указаннаго инцидента особенно содѣйствовало усердіе нѣмецкихъ оппортунистовъ. Герэ (бывшій пасторъ, авторъ небезызвѣстной книги: Drei Monate Fabrikarbeiter и одинъ изъ „героевъ“ Дрезденскаго съѣзда) — самъ ярый оппортунистъ, и органъ послѣдовательныхъ нѣмецкихъ оппортунистовъ „Socialistiche Monatshefte“ (Соціалистическій Ежемѣсячникъ) сейчасъ же „заступился“ за него.

Оппортунизмъ въ программѣ естественно связанъ съ оппортунизмомъ въ тактикѣ и съ оппортунизмомъ въ вопросахъ организаціонныхъ. Излагать „новую“ точку зрѣнія взялся тов. Вольфгангъ Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физіономію этого типичнаго интеллигента, примкнувшаго къ соціальдемократіи и принесшаго съ собой оппорту-

[1]) Гёрэ былъ выбранъ въ рейхстагъ 16 іюня 1903 года въ 15-омъ саксонскомъ округѣ, но послѣ Дрезденскаго съѣзда сложилъ съ себя мандатъ; избиратели 20-го округа, ставшаго вакантнымъ послѣ смерти Розенова, хотѣли предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правленіе партіи и саксонскій центральный агитаціонный комитетъ возстали противъ этого и, не имѣя права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался отъ кандидатуры. При выборахъ соціальдемократы потерпѣли пораженіе.

нистическіе навыки мысли, достаточно будетъ сказать, что тов. Вольфгангъ Гейне, это — немножко меньше, чѣмъ нѣмецкій тов. Акимовъ, и немножечко больше, чѣмъ нѣмецкій тов. Егоровъ.

Товарищъ Вольфгангъ Гейне пошелъ въ походъ въ „Соціалистическомъ Ежемѣсячникѣ“ съ неменьшей помпой, чѣмъ тов. Аксельродъ въ новой „Искрѣ“. Чего стоитъ одно ужъ заглавіе статьи: „Демократическія замѣтки по поводу инцидента Гёрэ“ (№ 4, апрѣль, Soc. Monatshefte). И содержаніе — не менѣе громовое. Тов. В. Гейне возстаетъ противъ „посягательствъ на автономію избирательнаго округа“, отстаиваетъ „демократическій принципъ“, протестуетъ противъ вмѣшательства „назначеннаго начальства“ (т. е. центральнаго правленія партіи) въ свободный выборъ делегатовъ народомъ. Дѣло тутъ не въ случайномъ инцидентѣ, поучаетъ насъ тов. В. Гейне, а въ общей „*тенденціи къ бюрократизму и централизму въ партіи*“, тенденціи, которая замѣчалась, де, и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо „принципіально признать, что мѣстныя учрежденія партіи являются носителями ея жизни“ (плагіатъ изъ брошюры тов. Мартова: Еще разъ въ меньшинствѣ). Не слѣдуетъ „привыкать къ тому, чтобы всѣ важныя политическія рѣшенія исходили изъ одного центра“, надо предостерегать партію отъ „доктринерской политики, теряющей связь съ жизнью“ (позаимствовано изъ рѣчи тов. Мартова на съѣздѣ партіи о томъ, что „жизнь возьметъ свое“). ...„Если смотрѣть въ корень вещей, — углубляетъ свою аргументацію тов. В. Гейне, — если отвлечься отъ личныхъ столкновеній, которыя и здѣсь, какъ и всегда, играли немалую роль, то мы увидимъ въ этомъ ожесточеніи противъ *ревизіонистовъ* (курсивъ автора, намекающаго, надо думать, на различіе понятій: борьба съ ревизіонизмомъ и борьба съ ревизіонистами) главнымъ образомъ недовѣріе оффиціальныхъ лицъ въ партіи противъ „*посторонняго элемента*“ (В. Гейне, видимо, не читалъ еще брошюры о борьбѣ съ осаднымъ положеніемъ, и потому прибѣгаетъ къ англицизму: Outsidertum), „недовѣріе традиціи къ тому, что необычно, — безличнаго учрежденія къ тому, что индивидуально“ (см. резолюцію Аксельрода на съѣздѣ Лиги о подавленіи индивидуальной иниціативы), „однимъ словомъ, ту же самую тенденцію, которую мы уже охарактеризовали выше, какъ тенденцію къ бюрократизму и централизму въ партіи“.

Понятіе „дисциплины“ внушаетъ тов. В. Гейне не менѣе благородное негодованіе, чѣмъ тов. Аксельроду. ...„Ревизіонистовъ, — пишетъ онъ, — упрекали въ недостаткѣ дисциплины за то, что они писали въ „Соц. Ежемѣсячникѣ“ — органѣ, который не хотѣли даже признавать соціальдемократическимъ, ибо онъ не стоитъ *подъ контролемъ партіи*.

Одна уже эта попытка суженія понятія: „соціальдемократическій“, одно уже это требованіе *дисциплины* въ области идейнаго производства, гдѣ должна господствовать безусловная свобода“ (вспомните: идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только формы) „свидѣтельствуетъ о тенденціи къ бюрократизму и къ подавленію индивидуальности“. И долго еще, долго громитъ В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцію создать „*одну* всеохватывающую большую организацію, возможно болѣе централизованную, *одну* тактику, *одну* теорію“, громитъ требованіе „безусловнѣйшаго повиновенія“, „слѣпого подчиненія“, громитъ „упрощенный централизмъ“ и т. д. и т. п., буквально „по Аксельроду“.

Поднятый В. Гейне споръ разгорѣлся и, такъ какъ въ нѣмецкой партіи никакія дрязги изъ за кооптаціи не засоряли его, такъ какъ нѣмецкіе Акимовы выясняютъ свою физіономію не только на съѣздахъ, а постоянно въ особомъ органѣ, то споръ быстро свелся къ анализу принципіальныхъ тенденцій ортодоксіи и ревизіонизма въ организаціонномъ вопросѣ. Однимъ изъ представителей революціоннаго направленія (обвиняемаго, разумѣется, какъ и у насъ, въ „диктаторствѣ“, „инквизиторствѣ“ и прочихъ страшныхъ вещахъ) выступилъ К. Каутскій (Neue Zeit, 1904 № 28, статья „Wahlkreis und Partei“ — „Избирательный округъ и партія“). Статья В. Гейне, — заявляетъ онъ, — показываетъ ходъ мысли всего ревизіонистскаго направленія“. Не въ одной только Германіи, а и во Франціи, и въ Италіи оппортунисты горой стоятъ за автономизмъ, за ослабленіе партійной дисциплины, за сведеніе ея къ нулю, вездѣ ихъ тенденціи приводятъ къ *дезорганизаціи*, къ извращенію „демократическаго принципа“ въ *анархизмъ*. „Демократія не есть отсутствіе власти, — поучаетъ К. Каутскій оппортунистовъ въ организаціонномъ вопросѣ, — демократія не есть анархія, она есть господство массы надъ ея уполномоченными, въ отличіе отъ другихъ формъ власти, когда мнимые слуги народа въ дѣйствительности являются его владыками“. К. Каутскій прослѣживаетъ подробно дезорганизаторскую роль оппортунистическаго автономизма въ разныхъ странахъ, показываетъ, что именно присоединеніе къ соціальдемократіи „*массы буржуазныхъ элементовъ*“[1]) усиливаетъ оппортунизмъ, автономизмъ и тенденціи къ нарушенію дисциплины, напоминаетъ паки и паки, что именно „организація есть то оружіе, которымъ освободитъ себя пролетаріатъ“, именно „организація есть свойственное пролетаріату оружіе классовой борьбы“.

[1]) Въ качествѣ примѣра К. Каутскій называетъ *Жореса*. По мѣрѣ ихъ уклоненія въ оппортунизмъ, такимъ людямъ „партійная дисциплина неизбѣжно должна была казаться непозволительнымъ стѣсненіемъ ихъ свободной личности“.

Въ Германіи, гдѣ оппортунизмъ слабѣе, чѣмъ во Франціи и Италіи, „автономистскія тенденціи привели пока лишь къ болѣе или менѣе патетическимъ декламаціямъ противъ диктаторовъ и великихъ инквизиторовъ, противъ отлученій отъ церкви[1]) и выискиваній ереси, къ безконечнымъ придиркамъ и дрязгамъ, разборъ которыхъ повелъ бы лишь къ безконечной ссорѣ".

Неудивительно, что въ Россіи, гдѣ оппортунизмъ въ партіи еще болѣе слабъ, чѣмъ въ Германіи, автономистскія тенденціи породили меньше идей и больше „патетическихъ декламацій" и дрязгъ.

Неудивительно, что Каутскій приходитъ къ заключенію: „Можетъ быть ни въ какомъ другомъ вопросѣ ревизіонизмъ всѣхъ странъ не отличается такой однородностью, несмотря на всѣ его разновидности, всю его разноцвѣтность, какъ именно въ организаціонномъ вопросѣ". Основныя тенденціи ортодоксіи и ревизіонизма въ этой области и К. Каутскій формулируетъ при помощи „страшнаго слова": бюрократизмъ versus (противъ) демократизма. „Намъ говорятъ, — пишетъ К. Каутскій, — что дать право правленію партіи вліять на выборъ кандидата (въ депутаты парламента) мѣстными избирательными округами значитъ „постыдно посягать на демократичечкій принципъ, который требуетъ, чтобы вся политическая дѣятельность развертывалась снизу вверхъ, путемъ самодѣятельности массъ, а не сверху внизъ, путемъ бюрократическимъ... Но если есть какой-нибудь дѣйствительно демократическій принципъ, такъ это тотъ, что большинство должно имѣть перевѣсъ надъ меньшинствомъ, а не наоборотъ"... Выборъ депутатовъ въ парламентъ отъ какого бы то ни было отдѣльнаго избирательнаго округа есть важный вопросъ всей партіи въ цѣломъ, которая и должна вліять на назначеніе кандидатовъ хотя бы черезъ посредство довѣренныхъ людей партіи (Vertrauensmänner). „Кому кажется это слишкомъ бюрократическимъ, или централистическимъ, тотъ пусть попробуетъ предложить, чтобы кандидатовъ намѣчали прямыя голосованія всѣхъ членовъ партіи вообще (sämmtliche Parteigenossen). Разъ это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостатокъ демократизма, когда указанная функція, подобно многимъ другимъ, касающимся всей партіи, выполняется одной или нѣсколькими партійными инстанціями". По „обычному праву" германской партіи и раньше отдѣльные избирательные округа „товарищески договаривались" съ правленіемъ партіи о выставленіи того или иного кандидата. „Но партія стала уже слишкомъ велика, чтобы достаточно было этого

[1]) Bannstrahl — анафема. Это нѣмецкій эквивалентъ русскаго „осаднаго положенія" и „исключительныхъ законовъ". Это — „страшное слово" нѣмецкихъ оппортунистовъ.

молчаливаго обычнаго права. Обычное право перестаетъ быть правомъ, когда его перестаютъ признавать, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, когда содержаніе его опредѣленій и даже самое его существованіе оспаривается. Тогда становится безусловно необходимымъ точно формулировать это право, кодифицировать его", ...перейти къ болѣе „точному уставному закрѣпленію[1]) (statutarische Festlegung), а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію строгости (grössere Straffheit) организаціи".

Вы видите, такимъ образомъ, въ другой обстановкѣ ту же борьбу оппортунистическаго и революціоннаго крыла партіи по организаціонному вопросу, тотъ же конфликтъ автономизма и централизма, демократизма и „бюрократизма", тенденціи къ ослабленію строгости и къ усиленію строгости организаціи и дисциплины, психологіи неустойчиваго интеллигента и выдержаннаго пролетарія, интеллигентскаго индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, какъ отнеслась къ этому конфликту *буржуазная демократія*, — не та, которую проказница-исторія только еще обѣщала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократія, имѣющая и въ Германіи не менѣе ученыхъ и наблюдательныхъ представителей, чѣмъ наши господа освобожденцы? Нѣмецкая буржуазная демократія сразу откликнулась на новый споръ и горой встала, — какъ и русская, какъ и всегда, какъ и вездѣ, — сразу за оппортунистическое крыло соціальдемократической партіи. Выдающійся органъ нѣмецкаго биржевого капитала, „*Франкфуртская Газета*", выступилъ съ громовой передовицей (Frankf. Ztg., 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt), которая показываетъ, что безсовѣстные плагіаты изъ Аксельрода становятся прямо какой-то болѣзнью нѣмецкой печати. Грозные демократы Франкфуртской биржи бичуютъ „самодержавіе" въ соціальдемократической партіи, „партійную диктатуру", „автократическое господство партійнаго начальства", эти „отлученія отъ церкви", которыми хотятъ, „какъ бы наказать весь ревизіонизмъ" (вспомните „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ"), это требованіе „слѣпого повиновенія", „мертвящей дисциплины", требованіе „лакейскаго подчиненія", превращенія членовъ партіи въ „политическіе трупы", (это еще много покрѣпче будетъ винтиковъ и колесиковъ!). „Всякая личная своеобразность, — негодуютъ рыцари биржи при видѣ анти-демократическихъ порядковъ у соціальдемо-

[1]) Въ высшей степени поучительно сопоставить эти замѣчанія К. Каутскаго о замѣнѣ молчаливо признаваемаго обычнаго права формально закрѣпленнымъ уставнымъ правомъ со всей той „смѣной", которую переживаетъ наша партія вообще и редакція въ частности со времени партійнаго съѣзда. Ср. рѣчь В. И. Засуличъ (на съѣздѣ Лиги. стр. 66 и слѣд.), которая врядъ ли реализуетъ себѣ все значеніе происходящей смѣны.

кратіи, — всякая индивидуальность должна, изволите ли видѣть, подвергнуться преслѣдованію, потому что онѣ грозятъ привести къ французскимъ порядкамъ, къ жоресизму и мильеранизму, какъ прямо заявилъ Зиндерманнъ, реферировавшій по этому вопросу“ на партійномъ съѣздѣ саксонскихъ социальдемократовъ,

---

Итакъ, поскольку есть принципіальный смыслъ въ новыхъ словечкахъ новой „Искры“ по организаціонному вопросу, постольку не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смыслъ этотъ оппортунистическій. Этотъ выводъ подкрѣпляется и всѣмъ анализомъ нашего партійнаго съѣзда, раздѣлившагося на революціонное и оппортунистическое крыло, и примѣромъ *всѣхъ* европейскихъ соц.-дем. партій, въ которыхъ оппортунизмъ по организаціонному вопросу выражается въ тѣхъ же тенденціяхъ, въ тѣхъ же обвиненіяхъ, а сплошь да рядомъ и въ тѣхъ же самыхъ словечкахъ. Конечно, національныя особенности различныхъ партій и неодинаковость политическихъ условій въ разныхъ странахъ налагаютъ свой отпечатокъ, дѣлая нѣмецкій оппортунизмъ совсѣмъ не похожимъ на французскій, французскій на итальянскій, итальянскій на русскій. Но однородность основного дѣленія всѣхъ этихъ партій на революціонное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденцій оппортунизма въ организаціонномъ вопросѣ выступаютъ отчетливо несмотря на все указанное различіе условій[1]). Обиліе представителей радикальной интеллигенціи въ рядахъ нашихъ марксистовъ и нашихъ соціальдемократовъ сдѣлало и дѣлаетъ неизбѣжнымъ наличность порождаемаго ея психологіей оппортунизма въ самыхъ различныхъ областяхъ и въ самыхъ различныхъ формахъ. Мы боролись съ оппортунизмомъ въ основныхъ вопросахъ нашего міросозерцанія, въ вопросахъ программы, и полное расхожденіе въ цѣляхъ неизбѣжно привело къ безповоротному размежеванію между испортившими нашъ легальный марксизмъ либералами и соціальдемократами. Мы боролись съ оппортунизмомъ въ во-

---

[1]) Никто не усомнится въ настоящее время, что старое дѣленіе русскихъ соціальдемократовъ по вопросамъ тактики на экономистовъ и политиковъ было однородно съ дѣленіемъ всей международной соціальдемократіи на оппортунистовъ и революціонеровъ, хотя различіе между тт. Мартыновымъ и Акимовымъ, съ одной стороны, и тт. фонъ-Фольмаромъ и фонъ-Эльмомъ или Жоресомъ и Мильераномъ, съ другой, очень велико. Точно такъ же несомнѣнна и однородность основныхъ дѣленій по организаціонному вопросу, несмотря на громадныя различія условій между политически безправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципіальная редакція новой „Искры“, бѣгло коснувшись спора Каутскаго съ Гейне (№ 64), боязливо *обошла* вопросъ о *принципіальныхъ* тенденціяхъ *всякаго* оппортунизма и всякой ортодоксіи въ организаціонномъ вопросѣ.

просахъ тактики, и расхожденіе съ тт. Кричевскимъ и Акимовымъ по этимъ менѣе важнымъ вопросамъ, естественно, было лишь временнымъ и не сопровождалось никакимъ образованіемъ различныхъ партій. Мы должны теперь побороть оппортунизмъ Мартова и Аксельрода въ вопросахъ организаціонныхъ, еще менѣе коренныхъ, разумѣется, чѣмъ вопросы программные и тактическіе, но выплывшихъ въ настоящій моментъ на авансцену нашей партійной жизни.

Когда говорится о борьбѣ съ оппортунизмомъ, не слѣдуетъ никогда забывать характерной черты всего современнаго оппортунизма во всѣхъ и всяческихъ областяхъ: его неопредѣленности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунистъ, по самой своей природѣ, уклоняется всегда отъ опредѣленной и безповоротной постановки вопроса, отыскиваетъ равнодѣйствующую, вьется ужомъ между исключающими одна другую точками зрѣнія, стараясь „быть согласнымъ" и съ той и съ другой, сводя свои разногласія къ поправочкамъ, къ сомнѣніямъ, къ благимъ и невиннымъ пожеланіямъ и проч. и проч. Оппортунистъ въ вопросахъ программы, тов. Эд. Бернштейнъ, „согласенъ" съ революціонной программой партіи и хотя желалъ бы, навѣрное, „коренной реформы" ея, но считаетъ это несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ, не столь важнымъ, какъ выясненіе „общихъ принциповъ" „критики" (состоящихъ главнымъ образомъ въ некритическомъ заимствованіи принциповъ и словечекъ у буржуазной демократіи). Оппортунистъ въ вопросахъ тактики, тов. фонъ-Фольмаръ, тоже согласенъ со старой тактикой революціонной соціальдемократіи и тоже ограничивается больше декламаціей, поправочками, насмѣшечками, отнюдь не выступая ни съ какой опредѣленной „министеріалистской" тактикой. Оппортунисты въ вопросахъ организаціонныхъ, тт. Мартовъ и Аксельродъ, тоже не дали до сихъ поръ, несмотря на прямые вызовы, никакихъ опредѣленныхъ принципіальныхъ тезисовъ, которые могли бы быть „закрѣплены уставнымъ путемъ"; они тоже желали бы, безусловно желали бы „коренной реформы" нашего организаціоннаго устава („Искра" № 58, стр. 2, столбецъ 3), но предпочтительно они бы занялись сначала „общими вопросами организаціи" (потому что дѣйствительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1 все же централистическаго устава неизбѣжно привела бы, будучи произведена въ духѣ новой „Искры", къ автономизму, а признаться въ своей *принципіальной* тенденціи къ автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и передъ самимъ собой). Ихъ „принципіальная" позиція по организаціонному вопросу играетъ, поэтому, всѣми цвѣтами радуги: преобладаютъ невинныя патетическія декламаціи о самодержавіи и бюрократизмѣ, о слѣпомъ повиновеніи, винтикахъ и колесикахъ,—декламаціи, настолько невинныя, что въ нихъ

еще очень и очень трудно отдѣлить дѣйствительно принципіальный отъ дѣйствительно кооптаціоннаго смысла. Но — дальше въ лѣсъ, больше дровъ: попытки анализа и точнаго опредѣленія ненавистнаго „бюрократизма“ неизбѣжно ведутъ къ автономизму, попытки „углубленія“ и обоснованія неминуемо приводятъ къ оправданію отсталости, къ хвостизму, къ жирондистскимъ фразамъ. Наконецъ, въ качествѣ единственнаго, дѣйствительно опредѣленнаго, и на практикѣ, поэтому, выступающаго особенно ярко (практика всегда идетъ впереди теоріи) принципа появляется принципъ *анархизма*. Высмѣиваніе дисциплины — автономизмъ — анархизмъ, вотъ та лѣсенка, по которой то спускается, то поднимается нашъ организаціонный оппортунизмъ, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь отъ всякой опредѣленной формулировки своихъ принциповъ[1]). Точь въ точь та же градація наблюдается и на оппортунизмѣ въ программѣ и въ тактикѣ: высмѣиваніе „ортодоксіи“, правовѣрія, узости и неподвижности — ревизіонистская „критика“ и министеріализмъ — буржуазная демократія.

Въ тѣсной психологической связи съ ненавистью къ дисциплинѣ стоитъ та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучитъ во всѣхъ писаніяхъ всѣхъ современныхъ оппортунистовъ вообще и нашего меньшинства въ частности. Ихъ преслѣдуютъ, ихъ тѣснятъ, ихъ вышибаютъ, ихъ осаждаютъ, ихъ заѣзжаютъ. Въ этихъ словечкахъ гораздо больше психологической и политической правды, чѣмъ, вѣроятно, подозрѣвалъ самъ авторъ милой и остроумной шутки насчетъ заѣзжаемыхъ и заѣзжателей. Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, протоколы

---

[1]) Кто припомнитъ пренія о § 1, тотъ увидитъ теперь ясно, что ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода по § 1 *неизбѣжно* приводитъ, при ея развитіи и углубленіи, къ организаціонному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисленіе себя въ партію — есть именно ложный „демократизмъ“, идея построенія партіи снизу вверхъ. Наоборотъ, моя идея „бюрократична“ въ томъ смыслѣ, что партія строится сверху внизъ, отъ партійнаго съѣзда къ отдѣльнымъ партійнымъ организаціямъ. И психологія буржуазнаго интеллигента, и анархическія фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомысліе, все это намѣтилось уже въ преніяхъ о § 1. Тов. Мартовъ говоритъ въ „Ос. пол.“ (стр. 20) о „начавшейся работѣ мысли“ въ новой „Искрѣ“. Это правда въ томъ отношеніи, что онъ и Аксельродъ дѣйствительно двигаютъ мысль въ новомъ направленіи, начиная съ § 1. Бѣда только въ томъ, что направленіе это оппортунистическое. Чѣмъ дальше будутъ они „работать“ въ *этомъ* направленіи, чѣмъ чище будетъ эта работа отъ кооптаціонныхъ дрязгъ, тѣмъ глубже они будутъ увязать въ болотѣ. Тов. Плехановъ ясно видѣлъ это уже на съѣздѣ партіи, и въ статьѣ „Чего не дѣлать“ вторично предостерегалъ ихъ: я готовъ, де, кооптировать васъ даже, только не идите вы, по этой дорогѣ, которая ведетъ исключительно къ оппортунизму и къ анархизму. — Мартовъ и Аксельродъ не послушались добраго совѣта: какъ? не идти? согласиться съ Ленинымъ, что кооптація есть одна только дрязга? Никогда! Мы ему покажемъ, что мы принципіальные люди! — И показали. Показали всѣмъ во-очію, что поскольку у нихъ есть новые принципы, это принципы оппортунизма.

нашего партійнаго съѣзда, — вы увидите, что меньшинство это всѣ обиженные, всѣ тѣ, кого когда либо и за что либо обижала революціонная соціальдемократія. Тутъ бундовцы и рабочедѣльцы, которыхъ мы „обижали“ до того, что они ушли со съѣзда, тутъ южнорабочепцы, смертельно обиженные умерщвленіемъ организаціи вообще и ихъ собственной въ частности, тутъ тов. Маховъ, котораго обижали всякій разъ, когда онъ бралъ слово (ибо онъ всякій разъ аккуратно срамился), тутъ, наконецъ, тов. Мартовъ и тов. Аксельродъ, которыхъ обидѣли „ложнымъ обвиненіемъ въ оппортунизмѣ“ за § 1 устава и пораженіемъ на выборахъ. И всѣ эти горькія обиды были не случайнымъ результатомъ непозволительныхъ остротъ, рѣзкихъ выходокъ, бѣшеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, какъ думаютъ и по сю пору очень и очень многіе филистеры, а неизбѣжнымъ политическимъ результатомъ всей трехлѣтней идейной работы „Искры“. Если мы втеченіе этихъ трехъ лѣтъ не языкомъ только распутничали, а выражали тѣ убѣжденія, которыя должны перейти въ дѣло, то мы не могли не бороться на съѣздѣ съ анти-искровцами и съ „болотомъ“. А когда мы, вмѣстѣ съ тов. Мартовымъ, который бился въ первыхъ рядахъ съ открытымъ забраломъ, переобидѣли такую кучу народа, — намъ оставалось уже совсѣмъ немножечко, чуть-чуточку обидѣть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло въ качество. Произошло отрицаніе отрицанія. Всѣ обиженные забыли взаимные счеты, бросились съ рыданьями въ объятія другъ къ другу и подняли знамя „возстанія противъ ленинизма“[1]).

Возстаніе — прекрасная вещь, когда возстаютъ передовые элементы противъ реакціонныхъ. Когда революціонное крыло возстаетъ противъ оппортунистическаго, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло возстаетъ противъ революціоннаго, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать въ этомъ дурномъ дѣлѣ въ качествѣ, такъ сказать, военноплѣннаго. Онъ старается „сорвать сердце“, вылавливая отдѣльныя неловкія фразы у авторовъ той или иной резолюціи въ пользу „большинства“, и восклицаетъ при этомъ: „Бѣдный товарищъ Ленинъ! Хороши же его ортодоксальные сторонники!“ („Искра“ № 63, приложеніе).

Ну, знаете ли, т. Плехановъ, если я бѣдствую, то вѣдь редакція-то новой „Искры“ совсѣмъ уже нищенствуетъ. Какъ

[1]) Это удивительное выраженіе принадлежитъ тов. Мартову („Ос. пол.“, стр. 68). Тов. Мартовъ дождался того времени, когда онъ будетъ самъ-пятъ, чтобы поднять „возстаніе“ противъ меня одного. Неискусно полемизируетъ тов. Мартовъ: онъ хочетъ уничтожить своего противника тѣмъ, что говоритъ ему величайшіе комплименты.

я ни бѣденъ, я еще не дошелъ до такого абсолютнаго обнищанія, чтобы мнѣ приходилось закрывать глаза на партійный съѣздъ и отыскивать матеріалъ для упражненія своего остроумія въ резолюціяхъ комитетчиковъ. Какъ я ни бѣденъ, я въ тысячу разъ богаче тѣхъ, сторонники которыхъ не случайно высказываютъ ту или иную неловкую фразу, а во всѣхъ вопросахъ, и въ организаціонныхъ, и въ тактическихъ, и въ программныхъ держатся упорно и стойко принциповъ, противоположныхъ принципамъ революціонной соціальдемократіи. Какъ я ни бѣденъ, я еще не дошелъ до того, чтобы мнѣ приходилось *скрывать отъ публики* преподносимыя мнѣ похвалы такихъ сторонниковъ. А редакціи новой „Искры" приходится дѣлать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежскій Комитетъ Рос. С.-Д. Раб. П.? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партійнаго съѣзда. Вы узнаете оттуда, что направленіе этого комитета всецѣло выражаютъ тов. Акимовъ и тов. Брукэръ, которые боролись по всей линіи противъ революціоннаго крыла партіи на съѣздѣ и которые десятки разъ относимы были къ оппортунистамъ всѣми, начиная отъ тов. Плеханова и кончая тов. Поповымъ. И вотъ, этотъ Воронежскій Комитетъ въ январскомъ листкѣ своемъ (№ 12, 1904 г., январь) заявляетъ:

> Въ нашей непрестанно ростущей Партіи совершилось въ прошломъ году крупное и важное для Партіи событіе: состоялся второй съѣздъ Р. С.-Д. Р. Партіи — представителей ея организацій. Созывъ съѣзда партіи дѣло очень сложное и при условіяхъ монархическихъ очень рискованное, трудное дѣло, а потому не удивительно, что дѣло созыва съѣзда было исполнено *далеко не совершенно* и самъ съѣздъ, хотя прошелъ совершенно благополучно, но не удовлетворилъ всѣ требованія, которыя къ нему предъявила Партія. Товарищи, которымъ было поручено конференціей (совѣщаніемъ) 1902 года созвать съѣздъ — были арестованы и *устраивали съѣздъ лица, выдѣленныя однимъ только направленіемъ въ русской соціальдемократіи — искрянскимъ. Многія* организаціи соціальдемократовъ, но не искрянскія, не были привлечены къ работамъ съѣзда: *отчасти потому* задача съѣзда по выработкѣ *программы и устава* Партіи исполнена *крайне несовершенно,* крупные пробѣлы въ уставѣ, „могущіе повести къ опаснымъ недоразумѣніямъ", признаются самими участниками съѣзда. На съѣздѣ сами искрянцы раскололись, и многіе крупные дѣятели Р. С.-Д. Р. Партіи нашей, раньше, казалось, цѣликомъ принимавшіе программу дѣйствія „Искры", сознали нежизненность многихъ ея взглядовъ, проводимыхъ *главнымъ образомъ Ленинымъ и Плехановымъ.* Хотя на съѣздѣ послѣдніе и взяли верхъ, но сила практической жизни, требованія реальной работы, въ ряду которой стоятъ и всѣ неискрянцы, быстро исправляютъ ошибки теоретиковъ и послѣ съѣзда уже внесли серьезныя поправки. *„Искра" сильно измѣнилась и обѣщаетъ* внимательно прислушиваться къ требованіямъ дѣятелей вообще соціальдемократіи. Такимъ образомъ, хотя *работы съѣзда подлежатъ пересмотру* слѣдующаго съѣзда и, какъ очевидно для самихъ участниковъ съѣзда, не являются удовлетворительными, *а потому и не могущими войти въ Партію, какъ непреложныя постановленія,* но съѣздъ выяснилъ положеніе дѣлъ въ Партіи, далъ большой матеріалъ для дальнѣйшей теоретической и организаціонной дѣятельности Партіи и явился громаднымъ поучительнымъ опытомъ для

общепартійной работы. Постановленія съѣзда и уставъ, имъ выработанный, будутъ всѣми организаціями *приняты во вниманіе*, но многіе *воздержатся руководиться исключительно ими, въ виду* ихъ очевидныхъ несовершенствъ.

Воронежскій Комитетъ, понимая всю важность общепартійной работы, живо *отзывался* на всѣ вопросы по организаціи съѣзда. Онъ сознаетъ всю важность происшедшаго на съѣздѣ, *привѣтствуетъ поворотъ, совершившійся въ „Искрѣ"*, сдѣлавшейся Центральнымъ Органомъ (главнымъ органомъ). Хотя положеніе дѣлъ въ Партіи и въ Ц. К. насъ *еще* не удовлетворяетъ, но мы вѣримъ, что общими усиліями трудная работа организаціи Партіи будетъ усовершенствована. Въ виду ложныхъ слуховъ Воронежскій Комитетъ заявляетъ товарищамъ, что о выходѣ Воронежскаго Комитета изъ Партіи не можетъ быть и рѣчи. Воронежскій Комитетъ прекрасно понимаетъ какимъ опаснымъ прецендентомъ (примѣромъ) сталъ бы выходъ рабочей организаціи, какой является Воронежскій Комитетъ, изъ Р. С.-Д. Р. Партіи и *какимъ бы это упрекомъ легло на Партіи* и какъ бы это было бы невыгодно рабочимъ организаціямъ, могущимъ послѣдовать такому примѣру. Намъ надо не создавать новыхъ расколовъ, а настойчиво стремиться къ объединенію всѣхъ сознательныхъ рабочихъ и соціалистовъ въ одну Партію. Притомъ второй съѣздъ былъ съѣздомъ очереднымъ, а не учредительнымъ. Исключеніе изъ Партіи можетъ быть лишь по Партійному суду и никакая организація, ни самый Центральный Комитетъ не имѣютъ права исключать какую-либо соціальдемократическую организацію изъ Партіи. Больше того, на второмъ съѣздѣ принятъ восьмой параграфъ устава, по которому всякая организація въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ автономна (самостоятельна), а потому *Воронежскій Комитетъ имѣетъ полное право проводить свои организаціонные взгляды въ жизнь и въ Партію.*

Редакція новой „Искры", сославшись на этотъ листокъ въ № 61, перепечатала вторую, набранную крупнымъ шрифтомъ, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитомъ часть редакція *предпочла опустить.*

Стыдно стало.

c) Нѣчто о діалектикѣ. Два переворота.

Бросая общій взглядъ на развитіе нашего партійнаго кризиса, мы легко увидимъ, что основной составъ обѣихъ борющихся сторонъ все время былъ, за малыми исключеніями, одинъ и тотъ же. Это была борьба революціоннаго и оппортунистическаго крыла нашей партіи. Но борьба эта проходила самыя различныя стадіи, и точное знакомство съ особенностями каждой изъ этихъ стадій необходимо имѣть

всякому, кто хочетъ разобраться въ накопившейся уже громадной литературѣ, въ массѣ отрывочныхъ указаній, вырванныхъ изъ связи цитатъ, отдѣльныхъ обвиненій и пр. и пр.

Перечислимъ главныя стадіи, явственно отличающіяся одна отъ другой: 1) Споръ о § 1 устава. Чисто идейная борьба объ основныхъ принципахъ организаціи. Мы съ Плехановымъ въ меньшинствѣ. Мартовъ и Аксельродъ предлагаютъ оппортунистическую формулировку и оказываются въ объятіяхъ оппортунистовъ. 2) Расколъ организаціи „Искры" по вопросу о спискахъ кандидатовъ въ Ц. К.: Ѳоминъ или Васильевъ въ пятеркѣ, Троцкій или Травинскій въ тройкѣ. Мы съ Плехановымъ завоевываемъ большинство (девять противъ семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинствомъ по § 1. Коалиція Мартова съ оппортунистами подтвердила на дѣлѣ всѣ мои опасенія, вызванныя инцидентомъ съ О. К. 3) Продолженіе споровъ о деталяхъ устава. Мартова опять спасаютъ оппортунисты. Мы опять въ меньшинствѣ и отстаиваемъ права меньшинства въ центрахъ. 4) Семерка крайнихъ оппортунистовъ уходитъ со съѣзда. Мы оказываемся въ большинствѣ и побѣждаемъ коалицію (искровскаго меньшинства, „болота" и анти-искровцевъ) на выборахъ. Мартовъ и Поповъ отказываются отъ мѣстъ въ нашихъ тройкахъ. 5) Послѣсъѣздовская дрязга изъ-за кооптаціи. Разгулъ анархическаго поведенія и анархической фразы. Наименѣе выдержанные и устойчивые элементы въ „меньшинствѣ" берутъ верхъ. 6) Плехановъ переходитъ, во избѣжаніе раскола, къ политикѣ „kill with kindness". „Меньшинство" занимаетъ редакцію Ц. О. и Совѣтъ и аттакуетъ всѣми силами Ц. К. Дрязга продолжаетъ заполонять все и вся. 7) Первая аттака на Ц. К. отбита. Дрязга начинаетъ какъ будто нѣсколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующіе партію, вопроса: а) каково политическое значеніе и объясненіе того дѣленія нашей партіи на „большинство" и „меньшинство", которое сложилось на второмъ съѣздѣ и замѣнило собой всѣ старыя дѣленія? б) каково принципіальное значеніе новой позиціи новой „Искры" по организаціонному вопросу?

Каждая изъ этихъ стадій характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной цѣлью аттаки; каждая стадія представляетъ изъ себя, такъ сказать, отдѣльное сраженіе въ одномъ общемъ военномъ походѣ. Нельзя ничего понять въ нашей борьбѣ, если не изучить конкретной обстановки каждаго сраженія. Изучивъ же это, мы ясно увидимъ, что развитіе дѣйствительно идетъ діалектическимъ путемъ, путемъ противорѣчій: меньшинство становится большинствомъ, большинство меньшинствомъ; каждая сторона переходитъ отъ обороны къ нападенію и отъ нападенія къ

оборонѣ: исходный пунктъ идейной борьбы (§ 1) „отрицается", уступая мѣсто все заполоняющей дрязгѣ[1]), но затѣмъ начинается „отрицаніе отрицанія" и, „ужившись" кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ богоданной женой въ различныхъ центрахъ, мы возвращаемся къ исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этотъ „тезисъ" обогащенъ всѣми результатами „антитезиса" и превратился въ высшій синтезисъ, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла въ quasi-систему оппортунистическихъ взглядовъ по организаціонному вопросу, когда связь этого явленія съ основнымъ дѣленіемъ нашей партіи на революціонное и оппортунистическое крыло выступаетъ передъ всѣми все болѣе и болѣе наглядно. Однимъ словомъ, не только овесъ растетъ по Гегелю, но и русскіе соціальдемократы воюютъ между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую діалектику, которую перенялъ, поставивъ ее на ноги, марксизмъ, никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ вульгарнымъ пріемомъ оправданія зигзаговъ политическихъ дѣятелей, переметывающихся съ революціоннаго на оппортунистическое крыло партіи, съ вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльныя заявленія, отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса. Истинная діалектика не оправдываетъ личныя ошибки, а изучаетъ неизбѣжные повороты, доказывая ихъ неизбѣжность на основаніи детальнѣйшаго изученія развитія во всей его конкретности. Основное положеніе діалектики: абстрактной истины нѣтъ, истина всегда конкретна... И еще не слѣдуетъ смѣшивать эту великую гегелевскую діалектику съ той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвостъ, гдѣ голова не лѣзетъ).

Итогъ діалектическаго развитія нашей партійной борьбы сводится къ двумъ переворотамъ. Партійный съѣздъ былъ настоящимъ переворотомъ, какъ справедливо отмѣтилъ тов. Мартовъ въ своемъ „Еще разъ въ меньшинствѣ". Правы также и тѣ остряки изъ меньшинства, которые говорятъ: міръ движется революціями, вотъ мы и совершили революцію! Они дѣйствительно совершили послѣ съѣзда революцію: правда и то, что міръ, вообще говоря, движется революціями. Но конкретное значеніе каждой конкретной революціи этимъ общимъ изреченіемъ еще не опредѣляется: бываютъ революціи въ родѣ реакціи, перефразируя незабвенное выраженіе незабвеннаго тов. Махова. Надо знать, революціонное или оппортунистическое крыло партіи являлось реальной силой,

---

[1]) Трудный вопросъ о разграниченіи дрязгъ и принципіальнаго расхожденія рѣшается теперь самъ собою: все, что относится къ кооптаціи, есть дрязга; все, что относится къ анализу борьбы на съѣздѣ, къ спорамъ о § 1 и о поворотѣ къ оппортунизму и къ анархизму, есть принципіальное расхожденіе.

совершавшей переворотъ, надо знать, революціонные или оппортунистическіе принципы воодушевляли борцовъ, чтобы опредѣлить, впередъ или назадъ двигала „міръ“ (нашу партію) та или иная конкретная революція.

Нашъ партійный съѣздъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, невиданнымъ явленіемъ во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія. Впервые удалось конспиративной революціонной партіи выйти изъ потемокъ подполья на свѣтъ божій, показавъ всѣмъ и каждому весь ходъ и исходъ нашей внутренней партійной борьбы, весь обликъ нашей партіи и каждой ея, сколько нибудь замѣтной, части въ вопросахъ программы, тактики и организаціи. Впервые удалось намъ освободиться отъ традицій кружковой распущенности и революціонной обывательщины, собрать вмѣстѣ десятки самыхъ различныхъ группъ, зачастую отчаянно враждовавшихъ другъ съ другомъ, связанныхъ исключительно силой идеи и готовыхъ (въ принципѣ готовыхъ) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью въ пользу великаго, впервые на дѣлѣ создаваемаго нами, цѣлаго: *партіи*. Но въ политикѣ жертвы не даются даромъ, а берутся съ боя. Бой изъ за умерщвленія организацій неизбѣжно вышелъ страшно ожесточеннымъ. Свѣжій вѣтеръ открытой свободной борьбы превратился въ вихрь. Этотъ вихрь смелъ — и прекрасно, что смелъ! — всѣ и всяческіе остатки всѣхъ безъ исключенія кружковщинскихъ интересовъ, чувствъ и традицій, создавъ впервые дѣйствительно партійныя должностныя коллегіи.

Но одно дѣло называться, другое дѣло быть. Одно дѣло жертвовать въ принципѣ кружковщиной въ пользу партіи, другое дѣло отказываться отъ своего кружка. Свѣжій вѣтеръ оказался еще слишкомъ свѣжъ для привыкшихъ къ затхлой обывательщинѣ. „Партія не вынесла своего перваго конгресса“, какъ справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартовъ въ своемъ „Еще разъ въ меньшинствѣ“. Обида за умерщвленіе организацій была слишкомъ сильна. Бѣшеный вихрь поднялъ всю муть со дна нашего партійнаго потока, и эта муть взяла реваншъ. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партійность. Разбитое на голову оппортунистическое крыло партіи одержало — временно, конечно, — верхъ надъ революціоннымъ крыломъ, подкрѣпившись случайной Акимовской добычей.

Въ итогѣ получилась новая „Искра“, вынужденная развивать и углублять ошибку, сдѣланную ея редакторами на съѣздѣ партіи. Старая „Искра“ учила истинамъ революціонной борьбы. Новая „Искра“ учитъ житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая „Искра“ была органомъ воинствующей ортодоксіи. Новая „Искра“ преподно-

ситъ намъ отрыжку оппортунизма — главнымъ образомъ, въ вопросахъ организаціонныхъ. Старая „Искра" заслужила себѣ почетную нелюбовь и русскихъ и западноевропейскихъ оппортунистовъ. Новая „Искра" „поумнѣла" и скоро перестанетъ стыдиться похвалъ, расточаемыхъ по ея адресу крайними оппортунистами. Старая „Искра" неуклонно шла къ своей цѣли, и слово не расходилось у нея съ дѣломъ. Въ новой „Искрѣ" внутренняя фальшь ея позиціи неизбѣжно порождаетъ — независимо даже отъ чьей бы то ни было воли и сознанія — политическое лицемѣріе. Она кричитъ противъ кружковщины, чтобы прикрыть побѣду кружковщины надъ партійностью. Она фарисейски осуждаетъ расколъ, какъ будто бы можно было представить себѣ какое-либо другое средство противъ раскола въ сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партіи, кромѣ подчиненія меньшинства большинству. Она заявляетъ о необходимости считаться съ революціоннымъ общественнымъ мнѣніемъ и, скрывая похвалы Акимовыхъ, занимается мелкимъ сплетничествомъ про комитеты революціоннаго крыла партіи [1]). Какой позоръ! Какъ они осрамили нашу старую „Искру"!

Шагъ впередъ, два шага назадъ... Это бываетъ и въ жизни индивидуумовъ, и въ исторіи націй, и въ развитіи партій. Было бы преступнѣйшимъ малодушіемъ усомниться хоть на минуту въ неизбѣжномъ, полномъ торжествѣ принциповъ революціонной соціальдемократіи, пролетарской организаціи и партійной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духомъ при неудачахъ, бороться выдержанно, презирая обывательскіе пріемы кружковой свалки, до послѣдней возможности охраняя созданную съ такими усиліями единую партійную связь всѣхъ соціальдемократовъ Россіи и добиваясь упорнымъ и систематическимъ трудомъ полнаго и сознательнаго ознакомленія всѣхъ членовъ партіи и рабочихъ въ особенности съ партійными обязанностями, съ борьбой на II партійномъ съѣздѣ, со всѣми причинами и перипетіями нашего расхожденія, со всей гибельностью оппортунизма, который и въ области организаціоннаго дѣла такъ же безпомощно пасуетъ предъ буржуазной психологіей, такъ же некритически перенимаетъ точку зрѣнія буржуазной демократіи, такъ же притупляетъ оружіе классовой борьбы пролетаріата, какъ и въ области нашей программы и нашей тактики.

У пролетаріата нѣтъ иного оружія въ борьбѣ за власть, кромѣ организаціи. Разъединяемый господствомъ анархической конкурренціи въ буржуазномъ мірѣ, придавленный

[1]) Для этого милаго занятія выработалась уже и стереотипная форма: нашъ собственный корреспондентъ X сообщаетъ про комитетъ большинства Y, что онъ дурно обошелся съ товарищемъ изъ меньшинства Z.

подневольной работой на капиталъ, отбрасываемый постоянно „на дно“ полной нищеты, одичанія и вырожденія, пролетаріатъ можетъ стать и неизбѣжно станетъ непобѣдимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединеніе его принципами марксизма закрѣпляется матеріальнымъ единствомъ организаціи, сплачивающей милліоны трудящихся въ армію рабочаго класса. Передъ этой арміей не устоитъ ни одряхлѣвшая власть русскаго самодержавія, ни дряхлѣющая власть международнаго капитала. Эта армія все тѣснѣе и тѣснѣе будетъ смыкать свои ряды, несмотря ни на какіе зигзаги и шаги назадъ, несмотря на оппортунистическія фразы жирондистовъ современной соціальдемократіи, несмотря на самодовольное восхваленіе отсталой кружковщины, несмотря на блестки и шумиху интеллигентскаго анархизма.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Инцидентъ тов. Гусева съ тов. Дейчемъ.

Сущность этого инцидента, тѣсно связаннаго съ такъ называемымъ „фальшивымъ“ (по выраженію тов. Мартова) спискомъ, упомянутымъ въ письмѣ т.т. Мартова и Старовѣра, которое приведено въ текстѣ § i, состоитъ въ слѣдующемъ. Тов. Гусевъ сообщилъ тов. Павловичу, что этотъ списокъ, состоявшій изъ т.т. Штейна, Егорова, Попова, Троцкаго и Ѳомина, былъ переданъ ему, Гусеву, тов. Дейчемъ (стр. 12 „Письма“ тов. Павловича). Тов. Дейчъ обвинилъ за это сообщеніе тов. Гусева въ „умышленной клеветѣ“, и товарищескій третейскій судъ призналъ „сообщеніе“ тов. Гусева „*неправильнымъ*“ (см. резолюцію суда въ № 62 „Искры“). Послѣ того, какъ *редакція* „Искры“ напечатала резолюцію суда, *тов. Мартовъ* (уже не редакція) выпустилъ отдѣльный листокъ подъ заглавіемъ: „Резолюція товарищескаго третейскаго суда“, гдѣ перепечаталъ цѣликомъ не только резолюцію суда, но и полный отчетъ обо всемъ разборѣ дѣла, а также *свое послѣсловіе*. Въ этомъ послѣсловіи тов. Мартовъ, между прочимъ, называетъ „позорнымъ“ „фактъ поддѣлки списка въ интересахъ фракціонной борьбы“. На этотъ листокъ отвѣтили делегаты II съѣзда т.т. Лядовъ и Горинъ листкомъ подъ заглавіемъ: „Четвертое лицо въ третейскомъ судѣ“, гдѣ они „энергично протестуютъ противъ того, что тов. Мартовъ позволяетъ себѣ идти дальше рѣшеній суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы“, тогда какъ судъ наличности умышленной клеветы не призналъ, а постановилъ исключительно, что сообщеніе тов. Гусева неправильно. Т.т. Горинъ и Лядовъ подробно объясняютъ, что сообщеніе тов. Гусева могло быть вызвано вполнѣ естественной ошибкой, и характеризуютъ, какъ „*недостойное*“, поведеніе тов. Мартова, который самъ дѣлалъ (и дѣлаетъ въ своемъ листкѣ) рядъ ошибочныхъ заявленій, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умыселъ. Дурного умысла, говорятъ они, тутъ вообще и быть не могло. Вотъ, если я не ошибаюсь, вся „литература“ по этому вопросу, содѣйствовать разъясненію котораго я считаю своимъ долгомъ.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель далъ себѣ точный отчетъ относительно времени и условій возникновенія этого списка (списка кандидатовъ въ Ц. К.). Какъ я уже указывалъ въ текстѣ, организація „Искры“ совѣщалась на съѣздѣ относительно списка кандидатовъ въ Ц. К., каковой списокъ она могла бы сообща предложить съѣзду. Совѣщаніе кончилось расхожденіемъ: большинство организаціи „Искры“ приняло списокъ: Травинскій, Глѣбовъ, Васильевъ, Поповъ и Троцкій, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на спискѣ: Травинскій, Глѣбовъ, Ѳоминъ, Поповъ, Троцкій. Обѣ части организаціи „Искры“ не собирались уже вмѣстѣ послѣ того собранія, на которомъ были выдвинуты и провотированы эти списки. Обѣ части пошли въ свободную агитацію на съѣздѣ, желая рѣшить раздѣлявшій ихъ спорный вопросъ вотумомъ всего партійнаго съѣзда и стараясь привлечь возможно большее число делегатовъ на свою сторону. Эта свободная агитація на съѣздѣ сразу обнаружила тотъ политическій фактъ, который такъ подробно проанализированъ мной въ текстѣ, именно: необходимость для меньшинства искровцевъ (съ Мартовымъ во главѣ) опереться на „центръ“ (болото) и на анти-искровцевъ для побѣды надъ нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатовъ, послѣдовательно отстаивавшихъ программу, тактику и организаціонные планы „Искры“ противъ натиска анти-искровцевъ и „центра“, очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Изъ 33 делегатовъ (точнѣе: голосовъ), не принадлежащихъ ни къ анти-искровцамъ, ни къ „центру“, мы очень быстро завоевали

заключили „прямое соглашеніе“ съ ними, образовали „компактное большинство“. Товарищъ же Мартовъ оставался всего съ девятью голосами; для побѣды ему необходимы были всѣ голоса анти-искровцевъ и „центра“, съ каковыми группами онъ могъ идти вмѣстѣ (какъ и по § 1 устава), могъ „коалировать“, т. е. могъ имѣть ихъ поддержку, но *не могъ* заключить прямого соглашенія, не могъ именно потому, что въ теченіе всего съѣзда онъ не менѣе рѣзко, чѣмъ мы, боролся съ этими группами. Въ этомъ-то и состоялъ трагикомизмъ положенія тов. Мартова! Тов. Мартовъ хочетъ уничтожить меня въ своемъ „Осадномъ положеніи“ убійственно ядовитымъ вопросомъ: „почтительно просимъ тов. Ленина прямо отвѣтить на вопросъ: постороннимъ *кому* являлся на съѣздѣ „Южный Рабочій“? (стр. 23, прим.). Отвѣчаю почтительно и прямо: постороннимъ по отношенію къ тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключилъ прямое соглашеніе съ искровцами, а тов. Мартовъ не заключилъ и не могъ заключить прямого соглашенія ни съ „Южнымъ Рабочимъ“, ни съ тов. Маховымъ, ни съ тов. Брукэромъ.

Только уяснивъ себѣ эту политическую ситуацію, можно понять, въ чемъ „гвоздь“ больного вопроса о пресловутомъ „фальшивомъ“ спискѣ. Представьте себѣ конкретно положеніе дѣла: организація „Искры“ раскололась и мы свободно агитируемъ на съѣздѣ, защищая свои списки. При этой защитѣ въ массѣ отдѣльныхъ частныхъ бесѣдъ списки комбинируются на сотни ладовъ, вмѣсто пятерки намѣчаютъ тройку, предлагаютъ всевозможныя замѣны одного кандидата другимъ. Я, напримѣръ, хорошо помню, что въ частныхъ бесѣдахъ большинства выдвигались и затѣмъ, послѣ обсужденія и споровъ, отклонялись кандидатуры т.т. Русова, Осипова, Павловича, Дѣдова Очень можетъ быть, что выдвигались и другія, неизвѣстныя мнѣ, кандидатуры. Каждый делегатъ съѣзда высказывалъ въ бесѣдахъ свое мнѣніе, предлагалъ поправки, спорилъ и т. д. Въ высшей степени трудно предположить, чтобы это имѣло мѣсто исключительно среди большинства. Уже несомнѣнно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная ихъ пятерка (Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ, Глѣбовъ, Травинскій) замѣнилась потомъ, какъ мы видѣли изъ письма т.т. Мартова и Старовѣра, тройкой: Глѣбовъ, Троцкій, Поповъ, причемъ Глѣбовъ имъ не нравился, и они охотно замѣняли его Ѳоминымъ (см. листокъ т.т. Лядова и Горина). Не надо забывать, что тѣ группы, на которыя я дѣлю делегатовъ съѣзда въ текстѣ брошюры, размежеваны мной на основаніи анализа, произведенаго post factum: въ дѣйствительности же эти группы въ предвыборной агитаціи только намѣчались, и обмѣнъ мнѣній между делегатами шелъ совершенно свободно; никакой „стѣны“ между нами не было, и каждый говорилъ съ любымъ делегатомъ, съ кѣмъ онъ только желалъ говорить частнымъ образомъ. Нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что при такой обстановкѣ среди всевозможныхъ комбинацій и списковъ возникъ, наряду со спискомъ меньшинства организаціи „Искры“ (Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ, Глѣбовъ, Травинскій), не очень много отличающійся отъ него списокъ: Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ, Штейнъ и Егоровъ. Возникновеніе такой комбинаціи кандидатовъ въ высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глѣбовъ и Травинскій, заведомо не нравились меньшинству организаціи „Искры“ (см. ихъ письмо въ текстѣ § і, гдѣ они удаляютъ изъ тройки Травинскаго, а про Глѣбова прямо говорятъ, что это — компромиссъ). Замѣна Глѣбова и Травинскаго членами Орг. Ком., Штейномъ и Егоровымъ, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому изъ делегатовъ партійнаго меньшинства не пришла въ голову идея такой замѣны.

Разсмотримъ теперь два слѣдующіе вопроса: 1) отъ кого исходилъ списокъ: Егоровъ, Штейнъ, Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ? и 2) почему тов. Мартовъ глубоко возмущался приписываньемъ ему такого списка? Чтобы отвѣтить *точно* на первый вопросъ, необходимо было бы произвести опросъ всѣхъ делегатовъ съѣзда. Теперь это невозможно. Необходимо было бы, въ особенности, выяснить, какіе делегаты партійнаго меньшинства (не надо смѣшивать его съ меньшинствомъ организаціи „Искры)“ слышали на съѣздѣ о спискахъ, вызвавшихъ расколъ организаціи „Искры“? какъ отнеслись они къ обоимъ спискамъ большинства и меньшинства организаціи „Искры“?

не предлагали ли и не слыхали ли какихъ-либо предложеній
относительно желательнаго видоизмѣненія списка меньшинства органи
„Искры“? Къ сожалѣнію, эти вопросы не были предложены, повидимо
на третейскомъ судѣ, которому судя по тексту рѣшенія осталось
неизвѣстнымъ, изъ за какихъ „пятерокъ“ разошлась организація „Иск
Тов. Бѣловъ, напримѣръ (относимый мной къ „центру“), „показалъ, что
былъ въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ съ Дейчемъ, который дѣ
съ нимъ своими впечатлѣніями по поводу работъ съѣзда, и еслибы Д
велъ какую-либо агитацію за тотъ или другой списокъ, то онъ сообщил
объ этомъ и Бѣлову“. Нельзя не пожалѣть, что осталось невыясненн
дѣлился ли тов. Дейчъ на съѣздѣ съ тов. Бѣловымъ впечатлѣніями по по
списковъ организаціи „Искры“? и если да, то какъ относился тов. Бѣлов
пятерному списку меньшинства организаціи „Искры“? не предлагалъ ли
не слыхалъ ли о какихъ-либо желательныхъ измѣненіяхъ въ немъ? Б
даря невыясненности этого обстоятельства получается то противорѣч
показаніяхъ тт. Бѣлова и Дейча, которое уже отмѣтили тт. Горинъ и
довъ, именно что тов. Дейчъ, вопреки своимъ утвержденіямъ, „велъ агит
въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ Ц. К.“, намѣченныхъ орга
ціей Искры. Тов. Бѣловъ показываетъ далѣе, что „о циркулировавшем
съѣздѣ спискѣ онъ узналъ, частнымъ образомъ, дня за два до оконч
съѣзда, встрѣтившись съ тт. Егоровымъ, Поповымъ и делегатами хар
скаго комитета. При этомъ Егоровъ выразилъ удивленіе по поводу
что его имя помѣщено въ спискѣ кандидатовъ въ Ц. К., такъ какъ по
Егорова, мнѣнію, его кандидатура не могла бы внушить сочувствія сред
легатовъ на съѣздѣ, какъ большинства, такъ и меньшинства“. Крайн
рактерно, что здѣсь говорится, очевидно, о меньшинствѣ *организаціи* „*Ис*
ибо среди остальнаго меньшинства партійнаго съѣзда кандидатура тов.
рова, члена О. К. и виднаго оратора „центра“, не только могла, но по
вѣроятности, должна была бы встрѣтить сочувствіе. Къ сожалѣнію, имен
сочувствіи или несочувствіи тѣхъ членовъ партійнаго меньшинства, кот
не принадлежали къ организаціи „Искры,“ мы не узнаемъ ничего отъ тов
лова. А между тѣмъ этотъ-то вопросъ и важенъ, ибо тов. Дейчъ в
щался приписываньемъ этого списка меньшинству организаціи „Искр
списокъ могъ исходить отъ меньшинства, не принадлежавшаго къ этой
низаціи!

Разумѣется, въ настоящее время очень трудно припомнить, кто пе
высказалъ предположеніе о такой комбинаціи кандидатовъ и отъ кого
халъ объ ней каждый изъ насъ. Я, напр., не берусь припомнить и т
этого, но и того, кто именно изъ большинства первый выдвинулъ
вшіяся мной кандидатуры Русова, Дѣдова и другихъ: изъ массы ра
предположеній, слуховъ о всевозможныхъ комбинаціяхъ кандидатовъ
памяти запечатлѣлись только тѣ „списки“, которые прямо ставились на
въ организаціи „Искры“ или на частныхъ собраніяхъ большинства. „С
эти большей частью передавались устно (въ моемъ „письмѣ въ
„Искры“, стр. 4, строка 5 снизу, я называю „спискомъ“ именно уст
ложенную мной на собраніи комбинацію пяти кандидатовъ), но
рядомъ заносились и на записки, которыя вообще посылались отъ
къ делегату во время засѣданій съѣзда и уничтожались обыкновен
засѣданія.

Разъ нѣтъ точныхъ данныхъ о происхожденіи пресловутаго списка, ос
предположить, что либо неизвѣстный меньшинству организаціи „Искры“
партійнаго меньшинства высказался за такую комбинацію кандидатовъ,
мы имѣемъ въ этомъ спискѣ, и эта комбинація, въ устномъ и ци
видѣ, пошла гулять по съѣзду; либо за эту комбинацію высказался
кто-либо изъ членовъ меньшинства организаціи „Искры“, впослѣдс
бывшій объ этомъ. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется второе
положеніе, и вотъ почему: кандидатура тов. Штейна, *несомнѣнно*,
еще на съѣздѣ сочувствіе меньшинства организаціи „Искры“ (см.,
моей брошюры), а къ идеѣ о кандидатурѣ тов. Егорова *это* мен
несомнѣнно, пришло послѣ съѣзда (либо и на съѣздѣ Лиги и въ

выражается сожалѣніе о неутвержденіи Организаціоннаго Комитета Центральнымъ Комитетомъ, а тов. Егоровъ былъ членомъ О. К.). Не естественно ли предположить, что эта, носившаяся, очевидно, въ воздухѣ идея о превращеніи членовъ О. К. въ члены Ц. К., была высказана кѣмъ-нибудь изъ членовъ меньшинства въ частномъ разговорѣ и на съѣздѣ партіи?

Но тов. Мартовъ и тов. Дейчъ склонны, вмѣсто естественнаго объясненія, усматривать непремѣнно какую-то *грязь*, подвохъ, нѣчто нечестное, распространеніе „*завѣдомо* ложныхъ слуховъ *съ цѣлью* опорочить", „*поддѣлку въ интересахъ фракціонной борьбы*" и т. п. Это болѣзненное стремленіе можетъ быть объяснено только нездоровыми условіями эмигрантской жизни или ненормальнымъ состояніемъ нервовъ, и я не сталъ бы даже и останавливаться на этомъ вопросѣ, если бы дѣло не дошло до недостойнаго посягательства на честь товарища. Подумайте только: какія основанія могли быть у тт. Дейча и Мартова искать грязнаго, дурного умысла въ невѣрномъ сообщеніи, въ невѣрномъ слухѣ? Ихъ больное воображеніе нарисовало имъ, очевидно, такую картину, что большинство „порочило" ихъ не указаніемъ на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиція съ оппортунистами), а приписываньемъ меньшинству „завѣдомо ложныхъ", „поддѣланныхъ" списковъ. Меньшинство предпочитало объяснить дѣло не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными пріемами большинства! До какой степени безразсудно искать дурного умысла въ „неправильномъ сообщеніи", это мы доказали уже и выше, обрисовавъ обстановку дѣла; это ясно видѣлъ и товарищескій третейскій судъ, который никакой клеветы и ничего злоумышленнаго, ничего позорнаго не констатировалъ. Это, наконецъ, всего нагляднѣе доказывается тѣмъ фактомъ, что уже на съѣздѣ партіи, еще до выборовъ, меньшинство организаціи „Искры" объяснялось съ большинствомъ по поводу невѣрнаго слуха, а тов. Мартовъ объяснялся даже въ письмѣ, которое было прочтено на собраніи всѣхъ 24 делегатовъ большинства! Большинство и не думало скрывать отъ меньшинства организаціи „Искры", что на съѣздѣ циркулируетъ такой-то списокъ: тов. Ленскій сказалъ объ этомъ тов. Дейчу (см. рѣшеніе суда), т. Плехановъ говорилъ объ этомъ тов. Засуличъ („съ ней невозможно говорить, она, кажется, принимаетъ меня за Трепова" — сказалъ мнѣ тов. Плехановъ, и эта шутка, много разъ повторявшаяся, показываетъ еще разъ ненормальное возбужденіе меньшинства), я заявилъ тов. Мартову, что его утвержденія (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартовъ (помнится, вмѣстѣ съ тов. Старовѣромъ) прислалъ намъ записку въ бюро, слѣдующаго приблизительно содержанія: „большинство редакціи „Искры" проситъ допустить его на частное собраніе большинства для опроверженія распространяемыхъ противъ него позорящихъ слуховъ". Мы съ Плехановымъ отвѣтили на этой же запискѣ: „Никакихъ позорящихъ слуховъ мы не слыхали. Если требуется собраніе редакціи, то объ этомъ надо условиться особо. Ленинъ. Плехановъ". Придя вечеромъ на собраніе большинства, мы разсказали объ этомъ всѣмъ 24-мъ делегатамъ. Чтобы устранить возможность всякихъ недоразумѣній, рѣшено было выбрать сообща делегатовъ отъ всѣхъ насъ 24-хъ и послать этихъ делегатовъ объясниться съ тт. Мартовымъ и Старовѣромъ. Выбранные делегаты, тт. Сорокинъ и Саблина, пошли и объяснили, что никто спеціально Мартову или Старовѣру списка не приписываетъ особенно послѣ ихъ заявленія и что вовсе не важно, отъ меньшинства ли организаціи „Искры" или отъ непринадлежащаго къ этой организаціи меньшинства съѣзда исходитъ такъ или иначе этотъ списокъ. Вѣдь не дознаніе же, въ самомъ дѣлѣ, производить на съѣздѣ! не опрашивать же всѣхъ делегатовъ насчетъ такого списка! Но тт. Мартовъ и Старовѣръ, кромѣ того, написали намъ еще письмо съ формальнымъ опроверженіемъ (см. § i). Письмо это наши уполномоченные, тт. Сорокинъ и Саблина, прочли на собраніи 24-хъ. Казалось бы, инцидентъ можно уже считать законченнымъ, — законченнымъ не въ смыслѣ розысковъ о происхожденіи списка (если это кому интересно), а въ смыслѣ полнѣйшаго устраненія всякой мысли о какомъ бы то ни было намѣреніи „повредить меньшинству" или „опорочить" кого-либо или воспользоваться „поддѣлкой въ интересахъ фракціонной борьбы". Между тѣмъ тов. Мартовъ въ Лигѣ

стр. 63-64) опять вытаскиваетъ эту вымученную больныхъ ... грязь, причемъ дѣлаетъ цѣлый рядъ *неправильныхъ сообщеній* (очевидно, в... ствіе своего возбужденнаго состоянія). Онъ говорилъ, что въ спискѣ ... бундовецъ. Это невѣрно. Всѣ свидѣтели на третейскомъ судѣ, и тт. Шт... и Бѣловъ въ томъ числѣ, подтверждаютъ, что списокъ былъ съ тов. Е... вымъ. Тов. Мартовъ говорилъ, что списокъ означалъ коалицію въ см... прямого соглашенія. Это невѣрно, какъ я уже объяснилъ. Тов. Мар... говоритъ, что другихъ списковъ, исходящихъ отъ меньшинства органи... „Искры" (и способныхъ оттолкнуть отъ этого меньшинства больши... съѣзда) „не было даже и поддѣлано". Это невѣрно, ибо все больши... партійнаго съѣзда знало не менѣе трехъ списковъ, исходившихъ отъ ... Мартова и К° и не встрѣтившихъ одобренія большинства (см. листокъ ... дова и Горина).

Почему такъ возмущалъ вообще этотъ списокъ тов. Мартова? По... что списокъ означалъ поворотъ къ правому крылу партіи. Тогда тов. ... товъ вопіялъ противъ „ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ", возму... „неправильной характеристикой его политической позиціи", а теперь в... каждый видитъ, что вопросъ о принадлежности извѣстнаго списка тов. ... тову и тов. Дейчу никакого политическаго значенія сыграть не могъ, ч... *по существу, независимо ни отъ этого, ни отъ какого другого списка*, об... ніе было не ложно, а истинно, характеристика политической позиціи ... совершенно правильна.

Итогъ этого тяжелаго, вымученнаго дѣла о пресловутомъ фальши... спискѣ получается слѣдующій:

1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредст... криковъ о „позорномъ фактѣ поддѣлки списка въ интересахъ фракціо... борьбы" нельзя не назвать, вмѣстѣ съ тт. Горинымъ и Лядовымъ, недо... нымъ.

2) Въ интересахъ оздоровленія атмосферы и избавленія членовъ ... тіи отъ обязанности брать въ серьезъ всякія больныя выходки, можетъ ... слѣдовало бы на третьемъ съѣздѣ установить такое правило, которое ... въ организаціонномъ уставѣ нѣмецкой соц.-дем. рабочей партіи. § 2 ... устава гласитъ: „Къ партіи не можетъ принадлежать тотъ, кто оказал... новнымъ въ грубомъ нарушеніи принциповъ партійной программы или ... безчестномъ поступкѣ. Вопросъ о дальнѣйшей принадлежности къ па... рѣшаетъ третейскій судъ, созываемый партійнымъ правленіемъ. Поло... судей назначаетъ тотъ, кто предлагаетъ исключеніе, другую полови... тотъ, кого хотятъ исключить, а предсѣдателя назначаетъ правленіе па... Аппелляція на рѣшеніе третейскаго суда допускается въ контрольную ... миссію или въ партійный съѣздъ". Подобное правило можетъ послу... хорошимъ орудіемъ борьбы противъ всѣхъ тѣхъ, кто легкомысленно бр... етъ обвиненія (или распространяетъ слухи) относительно чего то бы ни ... безчестнаго. При существованіи такого правила всѣ такія обвиненія ... на всегда относимы были бы къ недостойнымъ сплетнямъ, пока тѣхъ, кто ... виняетъ, не находится нравственнаго мужества выступить *передъ партіей* ... роли обвинителя и добиваться вынесенія вердикта подлежащимъ партійны... учрежденіемъ.

———

Коментарій къ протоколамъ второго съѣзда Заграничной Лиги Русской революціонной Соціальдемократіи. Ц. 40 с.
Отчетъ съѣзда южныхъ комитетовъ и организацій Р. С.-Д. Р. П. Цѣна 20 с.
Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ. Цѣна 40 с.
Васильевъ. Восьмичасовый рабочій день. Цѣна 25 с.
Разсказы изъ французской революціи, вып. I—III. Цѣна 90 с.
А. Б. Обуховская оборона. Цѣна 40 с.
Двѣ рѣчи (П. Алексѣева и Варлена). Цѣна 25 с.
Изъ Тифлисскаго рабочаго движенія. Цѣна 20 с.
Пѣсни революціи. Цѣна 25 с.
А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. Цѣна 50 с.
Амвросій. Правда о ростовскихъ событіяхъ. Цѣна 1 фр.
Машицкій. Изъ жизни солдата. Цѣна 40 с.
Стачка, пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 25 с.
Запретные листки (изъ воспоминаній рабочаго). Цѣна 25 с.
Демонстранты передъ судомъ. Обвинительный актъ по Нижегородскому и Саратовскому дѣламъ. Цѣна 20 с.
Докладъ, представленный делегаціей рус. соц.-дем. международному конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г. Цѣна 50 с.
Проектъ програмы Р. С.-Д. Р. П., выраб. редакціей „Искры" и „Зари". Ц. 5 с.
Извѣщеніе о второмъ очередномъ съѣздѣ Рос. С.-Д. Раб. Партіи. Цѣна 20 с.
Таганрогскій процессъ по дѣлу о ростовской демонстраціи 2 марта. Ц. 30 с.
Эдмондо-де-Амичисъ. Студенты и соціальный вопросъ. Цѣна 25 с.
Что такое государственный преступникъ, революціонеръ и соціалистъ. Ц. 30 с.
В. Бахаревъ. О шифрахъ. Цѣна 25 с.
В. Бахаревъ. Какъ держать себя на допросахъ. Цѣна 50 с.
Ортодоксъ. О „Проблемахъ идеализма". Цѣна 80 с.
Студенческое движеніе въ Россіи. Цѣна 30 с.
Сибирскій. Отправка студентовъ въ Сибирь. Цѣна 50 с.
Революціонный авантюризмъ. Цѣна 25 с.
Тайные документы, относящіеся къ закону 2 іюня 1897 года. Цѣна 40 с.
Въ казармѣ (изъ наблюденій соц.-демократа). Цѣна 40 с.
Рѣчи нижегородскихъ рабочихъ на судѣ. Цѣна 25 с.
Обвинительный актъ по златоустовскому дѣлу. Цѣна 15 с.
Судъ надъ брянскими рабочими съ приложеніемъ рѣчей защитниковъ. Ц. 40 с.
Первое мая. Прокламація Центральнаго Комитета и редакціи Центральнаго Органа Рос. Соц.-Дем. Р. П.
К. Л. Двѣ Европы. Цѣна 20 с.
П. С. Во что обходится русскому народу война. Цѣна 20 с.
ЗАРЯ № 2 3. Цѣна 7 фр. 50 с. ЗАРЯ № 4 — 5 фр.
„ИСКРА", Центральный Органъ Р. С.-Д. Р. П.; выходитъ каждыя двѣ недѣли. *По подпискѣ* цѣна 40 с. номеръ.
„РАЗСВѢТЪ", соціальдемократическій листокъ для сектантовъ: выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Цѣна по подпискѣ въ годъ 5 фр., въ розничной продажѣ — 50 с.

Прокламаціи по поводу русско-японской войны.

I. 1) Почему царское правительство затѣяло войну? 2) Ковсѣмъ запаснымъ рядовымъ. 3) Къ русскому пролетаріату. 4) Патріотическій грабежъ. 5) Кому помогать. 6) Международный жандармъ. 7) Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы? 8) Жертвуйте, русскіе люди! 9) Правдивое слово министра финансовъ. 10) Для чего долженъ умирать русскій солдатъ? 11) Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ? — *Цѣна каждаго листка 5 с.*

II. 1) Ко всему рабочему народу. 2) Къ обществу. — *Цѣна каждаго листка 10 с.*

Печатаются:

Л. Мартовъ. Красное знамя въ Россіи (2-ое перераб. изд.).
Передъ разсвѣтомъ. Сборникъ рев. пѣсенъ и стихотвореній.
К. Марксъ. Критика Готской программы, съ предисловіемъ Г. Плеханова.
ЗАРЯ № 5.

Цѣна 1 рубль.
Prix: 2 francs 50 centimes, 2 Mark, 2 schillings, 50 cents.

Со всѣми требованіями просятъ обращаться по адрес
экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи:
V. Oulianoff, 3, rue de la Colline. Genève — Suisse.

Выписывающіе изъ экспедиціи за пересылку н платятъ.